

НОВАЯ ПОЛЬША 5/2008

Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. ПЕСНИ ЯНА КОХАНОВСКОГО РУССКИМ ДРУЗЬЯМ ПОСЫЛАЯ
3. В ЧЕРНОЛЕСЬЕ
4. СТИХИ И ПЕСНИ, ИСПОЛНЯЕМЫЕ ЛЕШЕКОМ ДЛУТОШЕМ
5. В СКОЛЬКИХ ЕВРОПАХ МЫ ЖИВЕМ?
6. Я СМОТРЕЛА НА НИХ И ДУМАЛА: ВОТ ТАК БОРЮТСЯ
7. СИЛА БЕССИЛЬНЫХ
8. СТАНИСЛАВ ЛЕМ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МИРЕ
9. БЛОЖЬ
10. ПОЭТ В СЕТИ
11. Я ПРОСТО НЕ МОГ УБИТЬ ТРЕПЛЕВА
12. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
13. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
14. ПРОЦЕСС ВНУТРЕННЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ...
15. ПРОЦЕСС ВНУТРЕННЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ...

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, 65% поляков высказались за принятие Лиссабонского договора, реформирующего Евросоюз. Против — только 15%. 20% не определились со своим мнением (...) Число сторонников договора растет с повышением уровня образования. За ратификацию выступают 55% респондентов с начальным образованием, 59 — с профессиональным, 70 — со средним и 82% с высшим”. (“Газета wyborcza”, 25 марта)
- Вчера, после трех недель политических скандалов и целого дня нервного ожидания, Сейм подавляющим большинством голосов принял закон, уполномочивающий президента ратифицировать Лиссабонский договор”. (“Дзенник”, 2 апр.)
- “Сейм приветствовал объявление результатов голосования о введении в силу. За ратификацию проголосовали 384 депутата „Гражданской платформы” (ГП), крестьянской партии ПСЛ, „Левых и демократов” (Лид), а также большинство депутатов „Права и справедливости” (Пис). Против голосовали 56 депутатов Пис, 12 воздержались”. (“Жечпосполита”, 2 апр.)
- “Сенат сказал „да” (...) За закон, уполномочивающий президента ратифицировать Лиссабонский договор, проголосовали 74 сенатора от ГП и Пис, а также независимых. Против было 12 сенаторов, еще шестеро — воздержались”. (“Жечпосполита”, 3 апр.)
- “Согласно опросу ЦИОМа, 45% поляков уверены, что страна идет в правильном направлении. Противоположного мнения придерживаются 39% опрошенных. По сравнению с прошлым месяцем число оптимистов увеличилось на 6%”. (“Жечпосполита”, 22-24 марта)
- “300 тыс. новых рабочих мест, 2,5 тыс. новых дорог и ускорение экономического роста на несколько процентов — таковы результаты поддержки Польши Евросоюзом в 2004-2006 годах”. (“Тыгодник повшехный”, 6 апр.)
- “В последние годы жители деревни, среди которых еще в начале 2004 г. было больше противников членства в ЕС (41%),

чем сторонников (29%), стали его горячими поборниками. Во второй половине прошлого года число крестьян, считающих, что членство Польши в ЕС приносит выгоду, превысило 70%, а количество противников интеграции уменьшилось до 4–5% (...) По данным Евростата, в прошлом году доходы крестьян в Польше выросли в среднем на 14%” (“Ньюсуик-Польша”, 13 апр.)

- “Резко растет количество денег, присылаемых на родину работающими за границей поляками. Как сообщил Польский национальный банк (ПНБ), в прошлом году они перевели на банковские счета в Польше почти 20,4 млрд. злотых. Это на 2,8 миллиарда больше, чем в позапрошлом году”. (“Дзенник”, 8 апр.)

- “В приграничных районах Германии растет число польских поселенцев. В районе Иккер-Рандов недалеко от Щецина прописаны уже 933 поляка (...) Скоро в одном из городков немецкого района откроет свой филиал Щецинский университет”. (“Жечпосполита”, 1 апр.)

- “После вступления Польши в ЕС учеба во всей Европе стала для нас доступна и выгодна (...) Наиболее популярны немецкие и британские университеты (...) В Германии учится 14,5 тыс. поляков, в Великобритании — 7 тысяч”. (“Впрост”, 13 апр.)

- “Полякам понравилось (...) наблюдать за китами. Чаще всего мы ездим [с этой целью] в Норвегию (...) Подсчитано, что в результате деятельности человека в мире ежегодно гибнет 300 тыс. китов, дельфинов и морских свиней (...) В Польше „Гринпис” ведет кампанию (...) за скорейшее принятие польским правительством конвенции по регулированию китобойного промысла. Польша взяла на себя такое обязательство в 2003 г. на встрече Вышеградской группы — как, впрочем, и остальные члены этой группы. Однако до сих пор лишь наше правительство его не выполнило”. (“Жечпосполита”, 2 апр.)

- “Более 170 млн. злотых необходимо, чтобы выполнить до 2013 г. европейские директивы по экологии, — подсчитало министерство регионального развития. Между тем в рамках общепольских и региональных программ на это выделяется около 42 миллионов. „Деньги ЕС — это лишь стимулирующие, поддерживающие средства. Если мы будем использовать только их, нам не удастся осуществить все необходимые экологические инвестиции”, — считает замминистра регионального развития Януш Микула”. (“Жечпосполита”, 13 марта)

• Проф. Ежи Шацкий (ПАН): “Больше всего меня интересует, как будет выглядеть наше присутствие в Евросоюзе, а также как и когда мы станем его нормальным членом. Пока что Польша ведет себя очень сдержанно и предпочитает получать выгоды от интеграции, а не участвовать в ней. Вдобавок часть наших политиков в погоне за расположением избирателей распространяет самые странные представления о Европе: что ЕС-де — источник всех зол. Польша при этом преподносится как неизменный оплот добродетели”. (“Дзенник”, 5-6 апр.)

• “Депутаты Европарламента проверили, в каких условиях живут в Польше люди, ищущие политического убежища в ЕС. „Мы довольны тем, что увидели и слышали, особенно если сравнить это с другими странами. Что касается условий содержания, то Польша занимает неплохое место”, — сказал Крейсси Дорфлер из Германии (...) Делегация проверяла, соблюдаются ли в государствах-членах ЕС европейские стандарты (...) Глава делегации Патрик Гобер из Франции остался доволен сотрудничеством с польскими властями (...) В закрытых центрах беженцев находится 250 человек. В открытых центрах, откуда можно свободно выходить, пребывает 5468 человек”. (“Жечпосполита”, 4 апр.)

• “Польский парламент пригласил духовного и политического лидера тибетцев Далай-ламу. „Мы хотим выразить солидарность Польши с тибетским народом, борющимся за свои права”, — сказал вице-маршал Сейма Стефан Несёловский”. (“Дзенник”, 19 марта)

• “Маршал Сената Богдан Борусевич пригласил Далай-ламу от имени верхней палаты [парламента] (...) а премьер-министр Дональд Туск изъявил готовность встретиться с ним. „Для меня это будет большая честь, — сказал он. — Каждый, у кого есть возможность встретиться с духовным лидером Тибета, удостоивается особой чести””. (“Дзенник”, 20 марта)

• Богдан Борусевич на встрече с беженцами из Тибета, живущими в Польше: “Положение в Тибете и права человека в Китае — не внутренние дела этой страны. Все мы в Польше, в том числе и я сам, знаем, что такое преследования”. (“Газета wyborча”, 1 апр.)

• Из письма председателя Конституционного суда Ежи Стемпеня Его Святейшеству Далай-ламе XIV: “Мне бы хотелось выразить глубокое сочувствие тибетцам и решительную поддержку действиям Вашего Святейшества, направленным на защиту прав человека. Я приветствую инициативу по отправке

в Тибет миссии международных наблюдателей”. (“Газета wyborcza”, 19 марта)

- “„Я не собираюсь участвовать в церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине”, — сказал премьер-министр Дональд Туск. Польский премьер стал первым главой европейского правительства, который после актов насилия, совершенных китайским правительством в Тибете, сделал столь решительное заявление (...) „Присутствие политиков на открытии этой олимпиады кажется мне неуместным”, — подчеркнул Туск”. (“Дзенник”, 27 марта)

- “Согласно последнему опросу ГфК „Полония”, поляки не хотят, чтобы наши политики участвовали в церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине. Против их присутствия в Китае высказались 59% опрошенных. 30% придерживаются противоположного мнения”. (“Жечпосполита”, 28 марта)

- “Вчера в канцелярию премьер-министра поступило обращение к Дональду Туску с призывом создать миссию международных наблюдателей в связи с событиями в Тибете. Под обращением стоит 77 445 подписей, собранных в Интернете”. (“Газета wyborcza”, 28 марта)

- “Согласно опросу ЦИОМа, 58% поляков довольны премьер-министром Туском, 33% — президентом Качинским. Обратная ситуация наблюдается в случае недовольства. Премьером недовольны 29% опрошенных, а президентом — 58% (...) По мнению 46% поляков, правительство хорошо выполняет свои обязанности. 43% считают, что кабинет Туска работает плохо. В течение месяца количество довольных правительством выросло на 6%” (“Газета wyborcza”, 18 марта)

- “Согласно опросу ЦИМО (...) в Сейм прошла бы в первую очередь „Гражданская платформа”, а после распада коалиции ЛиД — лишь один из ее членов, „Союз демократических левых сил” (...) ГП набрала бы 57% голосов (312 мест в Сейме), ПиС — 25% (126 мест), СДЛС — 7% (20 мест), крестьянская партия ПСЛ — 4%, „Самооборона” — 3%, „Лига польских семей” — 2%. Избирательный барьер составляет 5%”. (“Дзенник”, 7 апр.)

- Проф. Эдмунд Внук-Липинский из Института политических исследований ПАН: “Современная политика ориентируется в основном на рейтинги поддержки. Это характерно для любой демократической системы, в которой существуют серьезные центры опросов общественного мнения (...) Ярослав Качинский и Дональд Туск — два примера совершенного разного понимания не только власти, но и политики. В первом случае

это политика, ориентированная на очень четкое определение своей социальной базы и противостояние внешнему врагу, то есть всему остальному обществу. Всё должно служить делу укрепления. Второй случай принципиально иной. Социальная база обозначена не слишком четко, а Дональд Туск старается приобретать всё новых союзников (...) Политический облик Туска заключается скорее в том, что он идет на переговоры и пытается добиться взаимопонимания. Этот стиль не нов в западных либерально-демократических странах, однако в Польше это нечто совершенно новое (...) Большинство поляков отвергло подозрительность как стиль жизни (...) Молодое поколение отвергло проект Качинского. Сведение политики к принципу „цель оправдывает средства”, а также сравливание людей было неприемлемо для молодежи (...) Нетерпимость к иному мнению, деление мира на наших и не наших полностью расходилось со взглядами на политическую действительность, особенно у молодежи”. („Дзенник”, 15-16 марта).

• “Из многих партий, имевших влияние после 1989 г., остались только две: ГП и ПиС (...) Таким образом, с одной стороны, мы имеем дело с западниками, т.е. с теми, кто подчеркивает свою прозападную, европейскую ориентацию, а кроме того — индивидуализм, либерализм, гражданские свободы, приоритет прав личности над общественными структурами и государством, которые должны играть лишь регулирующую, ненавязчивую роль. В этой позиции есть и доля конформизма, и поиски золотой середины, предпочтение свободы ригористическому порядку, понимание значения экономики и модернизации (...) С другой стороны, мы имеем дело с народниками. Это люди, которые считают себя или считаются защитниками общественных интересов с сильной примесью социализма, традиционные патриоты и католики, но при этом государственники, этатисты. В крайнем варианте это приверженцы радио „Мария”, в более же умеренном — моральные консерваторы со склонностью к авторитаризму, порядку, привычному укладу, с неприязнью к инаковости (...) Обе эти культурные формации, которые в обозримом будущем никуда не исчезнут, представлены сегодня в политике именно ГП и ПиС (...) Сегодня культурный разлом важнее различий между левыми и правыми. Он в значительной степени вобрал в себя также исторический спор между посткоммунистами и лагерем „Солидарности””. (Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, „Политика”, 22 марта)

• “О. Рыдзык предъявил ПиС ультиматум, от выполнения которого он ставит в зависимость дальнейший союз с партией. По некоторым сведениям, один из связанных с радио „Мария”

епископов потребовал от Ярослава Качинского заблокировать ратификацию Лиссабонского договора (...) В противном случае радио „Мария” поддержит новую партию, создаваемую политиками бывшего „Народно-христианского объединения””. („Тыгодник повсехный”, 23 марта)

- “Артур Балазс, глава возобновившей свою деятельность партии „Консервативно-народное объединение”, утверждает, что, хотя на первый взгляд этого не скажешь, между ГП и ПиС существует ниша для новой политической группировки”. („Жечпосполита”, 7 апр.)

- “Влияние радио „Мария” и его директора на политическую сцену непропорционально велико в сравнении с популярностью торунской радиостанции и числом реальных приверженцев о. Рыдзыка. По данным профессиональных центров опроса общественного мнения, радио „Мария” слушают 2–2,5% поляков. Даже если мы прибавим к этому зрителей телевидения „Трвам” и читателей „Нашего дзенника” (эти группы в основном совпадают), голос торунского редemptориста слышат не более 3% избирателей, и только часть их — дисциплинированные солдаты отца директора (...) 2,5–3,5% — вот всё, на что могут рассчитывать кандидаты торунского радио. Даже среди избирателей ПиС эта поддержка незначительна — не более 5–10% от общего количества голосов, поданных за партию Качинского”. (Витольд Гадомский, “Газета выборча”, 3 апр.).

- Депутат от ГП Януш Паликот объяснил, почему он считает о. Рыдзыка дьяволом: “Я утверждаю, что о. Рыдзык при помощи своих СМИ сеет зло. Он получает множество писем от слушателей радио „Мария”, и это письма злые, оскорбительные, полные ненависти. Что можно сказать о человеку, который влияет на людей так, что после его радиопередач они поливают других грязью? Что он — дьявол”. („Политика”, 5 апр.)

- “Кандидат медицинских наук Веслав Лыяк, психиатр с более чем 30 летним стажем, предлагает открыть Парламентскую поликлинику психического здоровья (...) „В последнее время в политике все больше асоциальных личностей (...) — утверждает Лыяк. — Это лица эмоционально недоразвитые, незрелые личности. Они постоянно врут, неспособны выслушивать аргументы другой стороны, играют на самых низких человеческих чувствах” (...) Мариуш Каминский, пресс-секретарь парламентской фракции ПиС: „Граждане нашей страны подтверждают психическое здоровье политиков, голосуя на выборах” (...) Збигнев Хлебовский (ГП): „Мы за то,

чтобы открыть такую поликлинику. Осмотры должны быть обязательными и периодическими. Это просто необходимо”. Войцех Олейничак (ЛиД): „Я не имею ничего против ” (...) Станислав Желиховский (ПСЛ): „Хорошо бы обзавестись такой поликлиникой””. („Политика”, 15 марта)

- “ПСЛ превращается в прагматическую партию власти. Самой важной власти — экономической (...) В опросах она получает 3–5% поддержки. Но даже если политикам ПСЛ удастся проникнуть в Сейм лишь с большим трудом, им и этого хватит. Ведь даже символическое участие во власти они умеют эффективно обращать в долгосрочное политическое и коммерческое влияние (...) На последних выборах в органы местного самоуправления люди ПСЛ получили более 20% постов войтов, бургомистров и президентов городов, почти 15% мест в воеводских сеймиках, еще 14% — в поветовых советах и почти 10% — в советах гмин. В общей сложности это более 5 тыс. должностей с зарплатой от 2 тыс. злотых и выше (...) ПСЛ не пренебрегает даже, на первый взгляд, несущественными должностями (...) За первым рядом политиков тянется значительно более важный второй ряд — связанных с партией бизнесменов (...) Быть, не будучи видимым, — эта максима могла бы стать девизом ПСЛ”. (Ян Пинский, Кшиштоф Трембский, “Впрост”, 6 апр.)

- “По последним данным Института экономики сельского хозяйства и пищевой промышленности, только за прошлый год экспорт наших сельхозпродуктов увеличился на 18% и достиг уровня 100 млрд. евро (...) Особенно популярны наши молочные продукты. Их продажа на внешних рынках увеличилась в прошлом году на 25% и достигла уровня более миллиарда евро (...) Другим хитом польского экспорта стала домашняя птица. В прошлом году объем экспорта мяса и потрохов домашней птицы достиг уровня 587 млн. евро и был почти на 40% больше, чем в 2006 году”. („Дзенник”, 12 марта)

- “Европейская комиссия и Россия подписали меморандум о безопасности растительных продуктов, отменяющий ограничение поставок польских овощей и фруктов на российский рынок. Об этом сообщил пресс-секретарь Российской федеральной службы ветеринарного и фитосанитарного надзора (Россельхознадзор) Алексей Алексеенко (...) После отмены эмбарго на польское мясо в декабре 2007 г. и на ряд сельскохозяйственных продуктов в январе 2008 г. эмбарго на растительные продукты питания было последним препятствием на пути к нормализации

торговых отношений между Россией и Польшей” (“Газета выборча”, 27 марта)

- “Предприятия все более щедро платят своим сотрудникам. В феврале средняя зарплата выросла на целых 12,8% по сравнению с прошлым годом, — сообщило вчера Главное статистическое управление (ГСУ) (...) Предприятия увидели связь между зарплатами и своими финансовыми результатами и попытались таким образом удержать специалистов или приобрести новых работников (...) Быстрый рост зарплат — не единственное изменение на рынке труда. Из данных ГСУ следует также, что в феврале быстро росла занятость на предприятиях. В течение года количество сотрудников фирм увеличилось более чем на 300 тыс. человек, т.е. на 5,9% по сравнению с прошлым годом”. (“Дзенник”, 18 марта)

- “По данным ЦИОМа, только 15% польских трудящихся состоят в профсоюзах (...) При этом среди них почти нет лиц в возрасте от 18 до 25 лет и очень мало — в возрасте от 25 до 34 лет. Иными словами, эта возрастная группа практически беззащитна перед предпринимателями”. (“Пшеглэнд”, 6 апр.)

- “По данным ГСУ, в феврале мы покупали почти на четверть больше товаров, чем год назад. Быстрее всего рос объем продаж в магазинах телерадиоприборов и мебельных, а также в магазинах одежды и обуви (...) Шесть повышений процентных ставок не остановили рост инфляции. Поэтому вчера Совет монетарной политики снова решил повысить стоимость кредита. Ставки поднялись на 0,25% (главная составляет уже 5,75%)”. (“Газета выборча”, 27 марта)

- “Уже более 1,5 млн. поляков попало в реестры бюро экономической информации, которые собирают данные о злостных неплательщиках. Нас обременяют растущие взносы по кредитам, а также инфляция”. (“Газета выборча”, 7 апр.)

- “Если доходы растут быстрее, чем производство, цены неизбежно повышаются (...) При росте ВВП на 6,5% средняя зарплата в 2007 г. (...) повысилась на 8,6%. Задолженность семейных хозяйств по кредитам выросла (...) на целых 38%”. (“Впрост”, 23 марта)

- “По данным Института труда и социальных вопросов, более 30% безработных работают в теневой экономике. Это 640 тыс. человек. Если отнять это число от официальной статистики, то получится, что уровень безработицы составит не 11,1%, как сообщило вчера министерство труда, а около 7%”. (“Дзенник”, 8 апр.)

- “Премьер-министр Дональд Туск подписал в Киеве договор о т.н. малом приграничном движении. Благодаря этому договору около миллиона украинцев из регионов, граничащих с Польшей, смогут въезжать в нашу страну. Вместо паспорта с визой достаточно будет иметь специальный идентификатор. Условие одно — нельзя ездить дальше 50 км от границы. „Украина — основа нашей международной политики”, — сказал вчера Дональд Туск на встрече с премьер-министром Юлией Тимошенко (...) В Киеве были подписаны четыре договора, включая важнейший для украинцев договор о малом приграничном движении”. (“Дзенник”, 29-30 марта)

- Из интервью с премьер-министром Юлией Тимошенко: “Такой посредник, как Польша, нужен нам, потому что Варшава буквально ведет Украину за руку в Евросоюз (...) Мы как раз начали переговоры о создании зоны свободной торговли между Украиной и ЕС. Роль Польши в них — огромная. Вы делаете замечательную работу, чтобы решения принимались с учетом нашего мнения (...) Польская защита украинских интересов в Европе имеет для нас ключевое значение. За такую помощь мы вам бесконечно благодарны”. (“Дзенник”, 27 марта)

- Министр иностранных дел Украины Владимир Огрызко: “Польско-украинские отношения развиваются очень хорошо, что позволяет рассчитывать на помощь Польши как надежного защитника украинских интересов в Европе и НАТО (...) Из Киева хорошо видно, что польско-украинский диалог прекрасно развивается на всех уровнях. Но важнее всего, что сущность, принципы сотрудничества остаются неизменными”. (“Газета wyborча”, 15-16 марта)

- “Дональд Туск привез в Киев ушат холодной воды — для отрезвления (...) Поляки преподнесли своему восточному соседу горькую правду: ожидание Украины в прихожей НАТО и ЕС продлится долго (...) Но реформы рано или поздно лишат аргументов тех, кто сегодня говорит, что Украина недостойна Европы” (Михал Кацевич, “Ньюсуик-Польша”, 6 апр.)

- “Вчера на пресс-конференции после переговоров с президентом Виктором Ющенко в Варшаве президент Лех Качинский еще раз сказал: „Польша поддерживает разработку для Украины плана действий по вступлению в НАТО (MAP — Membership Action Plan). В этом смысле мы последовательны””. (“Газета wyborча”, 15-16 марта)

- Из письма президента Леха Качинского, разосланного всем главам стран-членов НАТО за несколько дней до начала

саммита в Будапеште: “Украина и Грузия — две страны, которые впервые за долгие годы обрели независимость (...) Они начали сотрудничать с [Североатлантическим] союзом в рамках предварительных действий по вступлению в НАТО. Вооруженные силы этих стран участвуют в миссиях НАТО (...) Лидеры Украины и Грузии, претворяя в жизнь дорогостоящие реформы, продемонстрировали волю к развитию сотрудничества с НАТО на базе плана действий по вступлению. Союз не может оставаться равнодушным к этим усилиям. Наша задача — помочь им, предлагая странам, добивающимся членства в НАТО, четкий план на будущее, а также дальнейшее углубление отношений (...) Истинным свидетельством верности ценностям, на которых зиждется НАТО (...) будет принятие решений, благоприятствующих политике открытых дверей и распространение плана действий по вступлению в НАТО на Украину и Грузию. Принятие в союз трех балканских стран и выбор путей сотрудничества с Сербией, Боснией и Герцеговиной, а также Черногорией будет видимым знаком того, что НАТО продолжает играть ключевую роль в вопросах стабилизации и демократизации. Европа не может еще раз забыть об Украине и Грузии. Отсутствие решения о распространении плана действий на эти страны будет означать, что союз запутался и потерял свое значение на карте европейской безопасности. Мы не можем этого допустить. Лех Качинский”. (“Газета wyborcza”, 3 апр.).

- “Благодаря упорству польских дипломатов НАТО приняло декларацию, в которой говорится, что „будущее обеих стран [Украины и Грузии] связано с союзом” (...) Польша добилась также гарантий, что еще в декабре этого года главы дипломатии стран НАТО оценят, соответствуют ли Киев и Тбилиси условиям принятия плана по вступлению (...) „Впервые 26 стран НАТО высказались за принятие Украины”, — торжествовал Виктор Ющенко”. (“Жечпосполита”, 4 апр.)

- “„Спасибо Польше. Только благодаря вам союз принял это историческое решение”, — сказал президент Грузии Михаил Саакашвили (...) Президент Лех Качинский и министр иностранных дел Радослав Сикорский „боролись за нас до конца. Мы благодарны полякам”, — подчеркнул Саакашвили”. (“Дзенник”, 4 апр.)

- Министр обороны Украины Юрий Ехануров на саммите НАТО в Будапеште: “Польские друзья боролись за каждое слово, чтобы поддержать Украину”. (“Газета wyborcza”, 10 апр.)

- “На вопрос, заданный президенту Леху Качинскому, планировал ли он отдельную встречу с Путиным [в

Будапеште], тот ответил с обезоруживающей искренностью: „Я не хотел ничего испортить””. („Газета wyborcza”, 5-6 апр.)

• Адам Даниэль Ротфельд, бывший министр иностранных дел: „Результатом саммита стало новое качество отношений, ибо НАТО признало, что Украина и Грузия станут кандидатами. [Размещение элементов ПРО в нашей стране] предрешено настолько, насколько новая администрация США будет заинтересована в продолжении этого проекта (...) Размещение элементов ПРО лежит в интересах не только США, но и Европы, в том числе Польши. Никто не убедит меня в том, что оружие, которое предотвращает нападение, может представлять для нас опасность. Кроме того, я думаю, что придет время, когда и Россия присоединится к этому проекту. Мы всё ближе к тому дню, когда все будут сообща заботиться об общей безопасности”. („Жечпосполита”, 5-6 апр.)

• “В Афганистане погиб уже четвертый польский солдат (...) 26 летний ефрейтор Гжегож Политовский умер вчера от ран, полученных при взрыве мины-ловушки в районе Газни (...) Другой польский солдат из того же патруля ранен (...) Сегодня в Афганистане в рамках второй смены польского военного контингента находится около 1200 наших солдат. Скоро их должно стать 1600”. („Жечпосполита”, 9 апр.)

• “До конца июня польские МиГи-29 будут патрулировать воздушное пространство Литвы, Латвии и Эстонии. Защиту этого пространства обеспечивает НАТО”. („Жечпосполита”, 15-16 марта)

• Министр иностранных дел Радослав Сикорский: “Мы готовы рассмотреть пути создания атмосферы доверия по принципу взаимности. Россия приостановила действие договора об ограничении обычных вооружений, что лишило нас права инспектировать ее базы — а к этому следовало бы вернуться. Мы не согласны, чтобы российские офицеры постоянно присутствовали на базе [ПРО], но их инспекции и мониторинг возможны”. („Газета wyborcza”, 2 апр.)

• “Силезские шахты не поспевают с добычей угля, поэтому энергетические предприятия вынуждены ввозить его из-за границы, в основном из России (...) В 2007 г. угольные компании добыли на 7 млн. тонн угля меньше, чем предполагалось (...) В этом году на наши рынки попадет около 4 млн. тонн угля с востока, часть из которых будет поставлена Сибирской угольной энергетической компанией (...) Бывший министр экономики Ежи Марковский предполагает, что импорт российского угля будет расти даже на 100% в год: этот

уголь, хоть и дороже, отличается хорошим качеством”. (“Газета выборча”, 14 марта)

• “Оглашен состав польской части польско-российской комиссии по трудным вопросам (...) возглавляемой бывшим министром иностранных дел Адамом Ротфельдом. [В состав комиссии вошли] переводчик и главный редактор журнала „Новая Польша” проф. Ежи Помяновский, бывший начальник Государственных архивов проф. Дарья Наленч, нынешний начальник архивов проф. Владислав Стемпняк, представитель Института национальной памяти (ИНП) прокурор Дариуш Геберле, директор Польского института международных отношений Славомир Дембский, публицист и знаток России Анджей Граевский, политолог из Института политических исследований ПАН проф. Владислав Марциняк, директор Центра восточных исследований Катажина Пелчинская-Наленч, а также Войцех Зайончковский, советник президента и бывший директор департамента Восточной Европы МИДа (...) С российской стороны комиссия тоже состоит в основном из известных интеллектуалов. Возглавляет ее ректор (...) МГИМО проф. Анатолий Торкунов. Кроме того, в состав комиссии входят, в частности, проф. Наталья Лебедева (...) прокурор Александр Третецкий (...) Станислав Бэлза (...) Комиссия планирует издавать собственные публикации, представляющие польскую и российскую точку зрения по разным вопросам”. (“Газета выборча”, 29-30 марта)

• “В четверг в посольстве России в Варшаве Даниэлю Ольбрыхскому была вручена российская Пушкинская медаль, присуждаемая „за заслуги в области культуры, просвещения, гуманитарных наук, литературы и искусства, за большой вклад (...) в сближение и взаимообогащение культур наций и народностей””. (“Газета выборча”, 5-6 апр.)

• Покойный Стефан Меллер, бывший министр иностранных дел: “Взаимоотношения России и Польши портит и дестабилизирует трубопровод, прокладываемый не через Балтийское море, а через учебники истории и память польских семей. Не случайно польско-российские отношения особенно обострились тогда, когда началась дискуссия на тему Ялты. Это было первое звено целой цепи опасных событий. Недопустимым образом обошлись с Польшей во время празднования годовщины окончания II Мировой войны. И эта спираль исторически обусловленного напряжения всё раскручивается (...) Я не понимаю позиции российской стороны. Говоря о катынском преступлении, мы, поляки, не виним в нем россиян как народ (...) Отказ от предлагаемой

Польшей формулы осуждения и порицания катынского преступления вредит всем планам демократизации России. После окончания холодной войны Польша стала объектом организованной российским правительством неприязни (...) В России поляки воспринимаются как предатели. „Как только представилась возможность, мы вступили в ЕС и НАТО — перешли на другую сторону”. Это, конечно, упрощение, но оно многое объясняет”. („Газета выборча”, 15-16 марта)

• “Вчера Анджей Вайда представил в Москве свой последний фильм „Катынь” (...) На первый в России открытый показ фильма пришел специальный представитель президента России по вопросам развития отношений с ЕС Сергей Ястржембский, а также советник по вопросам культуры Юрий Лаптев (...) „Как зритель я хотел бы поблагодарить за искренний фильм, фильм режиссера, который умеет деликатно рассказывать об очень трудных вещах. Я счастлив, что живу в новой России, в новой Европе, на карте которой есть свободная Польша”, — сказал Ястржембский после сеанса (...) „Катынь” показали вчера в Доме кино (...). Обычно он вмещает около 1100 зрителей, но вчера было подготовлено 500 дополнительных мест. Сегодня в Центральном доме литераторов, под покровительством общества „Мемориал”, занимающегося документацией сталинских преступлений, состоится второй показ”. („Газета выборча”, 19 марта)

• “Буквально за минуту до начала сеанса присутствовавшему на нем советнику президента России Сергею Ястржембскому позвонил Дмитрий Медведев: „Я знаю, где вы, и хорошо, что вы там”, — сказал, по некоторым сведениям, Медведев, а Ястржембский не замедлил поделиться этим с сидевшими возле него польскими дипломатами”. („Дзенник”, 20 марта)

• “„Мемориал” требует от Генеральной прокуратуры публикации постановления о прекращении следствия по делу о катынском преступлении (...) После 15 лет следствия прокуратура закрыла его в 2004 г., засекретив большинство материалов. К секретным она причислила и само постановление о приостановлении расследования (...) „Мемориал” напомнил прокурору Чайке, что в свете закона о государственной тайне информация о фактах нарушения закона органами власти и их сотрудниками не может считаться тайной”. („Газета выборча”, 27 марта)

• “Журналисты „Новой газеты” требуют обнародования полной правды о катынском преступлении (...) По мнению „Новой газеты”, засекречивание большей части томов катынского дела приводит к тому, что „полная правда о катынском

преступлении ни нам, россиянам, ни полякам неизвестна” (...)
„Мы не хотим ждать, мы, сотрудники “Новой газеты”,
говорим: простите нас за трагедию Катыни, за расстрел в СССР
22 тысяч граждан Польши. Мы низко склоняем головы перед
детьми, внуками и правнуками расстрелянных””, — пишет
автор статьи Вячеслав Измайлов”. (“Жечпосполита”, 7 апр.)

• Виктор Ерофеев: “Случай Катыни сам по себе чудовищно
прост. Это преступление советского режима против лучших
сынов народа другой страны (...) Сталин совершил акт
классового геноцида польской элиты с далеко идущими
планами (успешность которых подтвердила история) —
оккупации и идеологического покорения Польши”.
 (“Дзенник”, 22-24 апр.)

• “ „19 апреля 1943 г. началась окончательная ликвидация гетто
(...) Несколько сот борцов за свободу (...) вступили в героическую
безнадежную борьбу”. Так звучит фрагмент листовки,
подготовленной ИМП к 65 й годовщине восстания в
варшавском гетто”. (“Жечпосполита”, 8 апр.)

• “Депутаты столичного Городского совета удостоили вчера
звания почетного гражданина Варшавы Шимху Рацаер-Ротема,
солдата Еврейской боевой организации (ЕБО). Церемония
присвоения почетного гражданства пройдет во время торжеств
по случаю годовщины восстания в гетто. Шимха Рацаер-Ротем
был главным связным ЕБО на „арийской” стороне. 29 апреля по
приказу коменданта восстания он вышел из гетто, чтобы
связаться с командующим ЕБО. 8 мая он вернулся и отыскал
группу повстанцев, которых вывел из гетто. Спустя год он
участвовал в Варшавском восстании. После войны уехал в
Палестину. В 2001 г. почетным гражданином Варшавы стал
Марек Эдельман, последний оставшийся в живых
предводитель восстания в гетто. В прошлом этого звания
удостоились Юзеф Пилсудский, Иоанн Павел II и примас Юзеф
Глемп”. (“Газета wyborча”, 4 апр.)

• “Последний оставшийся в живых предводитель восстания в
варшавском гетто Марек Эдельман награжден орденом
Почетного легиона. Награда, которой удостоил его президент
Николя Саркози, будет вручена во вторник 15 апреля”.
 (“Жечпосполита”, 12-13 апреля)

• “Жизнь Марека Эдельмана — легендарного предводителя
восстания в варшавском гетто, врача, общественного деятеля,
оппозиционера — описана уже не раз. Однако новая биография,
написанная Витольдом Бересем и Кшиштофом Бурнетко, в
которой используются все источники, заново

комментируемые самим Эдельманом, представляет собой самый полный рассказ о его судьбе. В книге „Марек Эдельман. Просто жизнь” речь идет не только о Катастрофе еврейского народа, но и о большой любви в гетто, о восстаниях в апреле 1943 го (в гетто) и августе 1944 г. (Варшавском), о причинах польского антисемитизма, о коммунистах, католической Церкви и оппозиции, а кроме того, о слежке органов ГБ за Эдельманом, о рискованных, новаторских медицинских операциях (включая первый польский опыт трансплантации сердца) и врачебной этике, о слабых сторонах государства Израиль и кулисах международной деятельности Эдельмана в области защиты прав человека (на него ссылался президент Клинтон, обосновывая интервенцию НАТО в Боснии), о встречах Эдельмана с Вацлавом Гавелом, Далай-ламой и Иоанном Павлом II. Это также книга об основных ценностях: обязанности защищать слабых, значении свободы, дружбы и доверия. Как говорит Эдельман: главное — это стараться идти по солнечной стороне”. („Политика”, 5 апр.)

• “В Польше нет и не будет места антисемитизму”, — сказал вчера в Израиле премьер-министр Дональд Туск. В Иерусалиме он обещал, что его правительство до конца года закроет вопрос реприватизации [касающейся, в частности, бывшей собственности евреев — Ред.]. В ходе совместной пресс-конференции с премьер-министром Ольмертом Туск подчеркнул, что обе страны связаны друг с другом тесными узами. “Вы не найдете в ЕС более добросовестного поборника вашей безопасности и справедливого порядка в регионе, чем Польша. Если иногда Израиль находит в позиции Европы непоследовательность, то ее источник — не Польша”. („Газета выборча”, 10 апр.)

• Премьер-министр Дональд Туск в институте “Яд-Вашем”: “Если бы среди нас не было „Праведников среди народов мира”, то лучше бы нас не было вообще”. („Газета выборча”, 11 апр.)

• Виктор Осятынский, профессор Центральноевропейского университета в Будапеште: “Как будто многое изменилось: есть музей польских евреев, можно публично дискутировать о книгах Яна Гросса — которые все-таки публикуются, — хотя еще сорок лет назад такую дискуссию трудно было себе представить. Но в то же время в ходе этой дискуссии в церквях слышатся антисемитские лозунги. Иерархия все это терпит, поэтому можно сказать, что антисемитизм все еще не перестал быть образом мышления по крайней мере части Церкви. Мы продолжаем жить со скрытым, потенциальным антисемитизмом, который пробуждается, когда появляются

страхи, обиды или искушение играть на конфликтах”. (“Газета выборча”, 15-16 марта)

- “Рапорт Государственного департамента США „Глобальный антисемитизм” был обнародован 13 марта (...) В рапорте много места посвящено Польше. Американцы отметили, что „наряду с официальным осуждением антисемитизма и усилиями, направленными на его искоренение, консервативную католическую радиостанцию “Мария” можно считать одной из наиболее явных антисемитских радиостанций в Европе”. Авторы подчеркивают, впрочем, что польские власти стараются бороться с антисемитизмом”. (“Газета выборча”, 15-16 марта)

- Католический еженедельник “Недзеля” от 9 марта привел слова архиепископа Юзефа Михалика, председателя Конференции Епископата Польши: “Радио „Мария” и телевидение „Трвам” — детища отца директора, торунского проповедника, — несмотря на все недочеты и человеческие слабости выполняют важную, нужную и положительную воспитательную функцию”. (“Политика”, 22 марта)

- “„Я поддерживаю экстракорпоральное оплодотворение, потому что понимаю трагедию людей, которые хотят иметь детей, но не могут”, — сказала Мария Качинская (...) Комментарий о. Анджея Рембача, секретаря Совета по делам семьи Конференции Епископата Польши: „Поддерживая экстракорпоральный метод, госпожа Качинская отступает от учения Церкви” (...) „Не каждый обязан соглашаться с официальной линией Церкви”, — подчеркивает, в свою очередь, министр Эльжбета Радзиковская, уполномоченная правительства по вопросам равного статуса женщин и мужчин”. (“Жечпосполита”, 17 марта)

- Миловист Кунинский, профессор Ягеллонского университета: “Как в Польше относятся к эмбрионам, оставшимся после экстракорпорального оплодотворения? (...) Эти эмбрионы просто спускаются в канализацию. Что это значит? Что совесть, якобы формируемая католичеством, недостаточно чутка, чтобы удержать людей, делающих бизнес на экстракорпоральном оплодотворении, от неэтичных действий. А в якобы безбожном ЕС правовые акты предписывают относиться к эмбриону как к потенциальному человеку, а не куску материи”. (“Газета выборча”, 29-30 марта)

- “Почти 80 постановлений Конституционного суда повисло в воздухе или было неправильно исполнено. Некоторые постановления ожидают соответствующей реакции

законодательной власти по несколько лет (...) В связи с этим уполномоченный по правам человека обратился к премьер-министру Дональду Туску (...) Он написал, что неисполнение постановлений Конституционного суда „представляет серьезную опасность для гражданских прав и свобод” (...) По мнению председателя суда Ежи Стемпня, неисполнение его постановлений (...) нарушает стандарты демократического правового государства”. („Дзенник”, 31 марта)

- “В течение двух месяцев читатели прислали в „Газету выборчу” почти полторы тысячи примеров юридического абсурда (...) Еще в этом месяце ими уже вторично займется парламентская комиссия „Дружественное государство””. („Газета выборча”, 1 апр.)

- Януш Чапинский, профессор Варшавского университета: “Плохая работа учреждений, равно как и инвестиционная импотенция государства (в области инфраструктуры и вовсе катастрофическая), коррупция, конфликты общественных групп, уже известный „импоссибилизм” — следствия зависти и взаимного недоверия граждан. Мы не уважаем друг друга, неспособны найти общий язык, не желаем уступать во имя общего блага. В „Европейском общественном опросе” поляков отличает самый низкий из всех стран ЕС уровень общего доверия (...) Им менее всего свойственна также способность объединяться (...) Они больше всех предубеждены против некоторых меньшинств (...) По неверию в добрые намерения ближних нас опережают только греки. Другой опрос ставит нашу страну в конце мирового списка по объему волонтерской работы и оказанию бесплатной помощи нуждающимся. Данные о Польше подтверждаются внутрипольскими опросами — „Польским всеобщим опросом общественного мнения” и „Общественным диагнозом”. Они тоже показывают, что с начала преобразований в области приобщения поляков к общественной жизни ничего не изменилось. Мы все еще с головой погружены в культуру недоверия и рассчитываем лишь на самих себя”. („Впрост”, 23 марта)

- “„Наш класс” (Nasza-klasa.pl) создавался как портал для группы знакомых. Сегодня это самое популярное виртуальное место встреч поляков. Свои страницы есть здесь у шести с лишним миллионов человек. Портал был запущен 11 ноября 2006 года. Его основала группа студентов (...) Сайт дает пользователю возможность найти свою школу и присоединиться к указанному им классу. Портал ведет также учет вузов, воинских частей, харцерских организаций, клубов по интересам (...) Сегодня его стоимость оценивается более чем

в 150 млн. злотых (...) Портал стал местом, которое посещают также полицейские в поисках преступников, преступники в поисках потенциальных жертв, налоговое управление, ищущее налоговых аферистов, и журналисты, ищущие интересные темы (...) Популярность школьного портала стала угрожать даже исправной работе учреждений и предприятий. В Лодзи сотрудникам Городской управы запретили пользоваться порталом, потому что они проводили на нем слишком много времени”. (“Жечпосполита”, 2 апр.)

- “Две тысячи инсулиновых помп для детей успел купить Большой оркестр праздничной помощи. „Мы как раз занимаемся приобретением еще пятисот”, — сообщил вчера глава фонда БОПП Ежи Овсяк (...) В этом году БОПП собрал в финале 32 млн. злотых. А за 16 лет своего существования он собрал и истратил на медицинское оборудование более 80 млн. долларов”. (“Дзенник”, 1 апр.)

ПЕСНИ ЯНА КОХАНОВСКОГО РУССКИМ ДРУЗЬЯМ ПОСЫЛАЯ

На берегах Вислы принято считать, что XVI век — для поляков век золотой. Если изобразить на пиктографической карте военную мощь этого золотого для Польши времени, развитие городов, культуры и вообще прогресс цивилизации, то где-то в центре, несомненно, должна оказаться фигура достойного мужа, сидящего за столом с гусиным пером в руке. Стол, конечно, стоял бы под липой, растущей в поместье этого мужа, в Чернолесье (окрестности Радома, ныне центральная Польша). Муж сей — конечно же, Ян Кохановский, поэт. Господин рослый, статный, во цвете лет, с благородным лицом, окаймленным растительностью по моде того времени. Одет — таким мы его видим — в ренессансный костюм. Ворот его одеяния обрамлен и украшен модными тогда щегольскими брыжами. Вот это образ! Можно сказать — перед нами не столько отец, сколько король польской поэзии.

Что до королевского титула Кохановского, я не упрекнул бы себя в чрезмерной экзальтации.

По общему мнению поляков, зрелость мастерства, глубина художественного самосознания и — прежде всего — масштаб таланта придают Яну из Чернолесья из рода Корвинов, носившему фамилию Кохановский, поистине королевское величие. Он возведен в ранг поэта, о котором, сравнивая с его творчеством поэтические достижения Европы (то есть — мира) той эпохи, с гордостью думаешь: “Если б они знали, если б они могли знать Кохановского!”

Упомянутая липа — знак особенный, ассоциируемый именно с Кохановским, — бытует на берегах Вислы и как более емкий символ — лада, гармонии, зрелости. Красоты и щедрости Природы.

Его поэзия частично написана по-латыни и потому доступна шире. По крайней мере тем, кому доступна латынь. А еще он писал на польском языке XVI века. К счастью, процессы языковых изменений в этой области настолько умеренны, что и современному польскому читателю его речь по-прежнему понятна.

Кохановский умел замечательно выстроить форму своих произведений. Придать им содержательную весомость, художественную экспрессию, силу эмоций. Как никто до него и мало кто потом, он владел искусством концентрации смысла, эффектной концовки.

С изяществом и тактом он пользуется иронией и остранением. И что удивительно, часто поднимается на эти высоты в пустяках. В сценках, мини-зарисовках, порой жанровых или эротических (сразу приходит в голову фрашка, которую я пою, — “О хозяйке”).

“Гость, присядь под моей листвой и отдохни с дороги...”

Прежде чем наконец представить любезному читателю из-за восточной границы этого “хозяина из-под липы”, сделаю еще одно замечание, надеюсь — последнее, самого общего характера. Разумеется, Кохановский — сын своей эпохи. Возрождение, открывшее и усвоившее идеалы античности, на свой лад выразило ее философские, эстетические, этические основы. У Кохановского они тоже очевидны. Он, бывает, прямо апеллирует к латинским сюжетам и мотивам Горация или греческим — Пиндара. Для него нет ничего выше призыва тех времен: *carpe diem!* Ибо Кохановский, как все люди Ренессанса, не нарушает меры, установленной в античности. Не находит лучших решений. Сохранить внутреннюю гармонию, спокойствие, сдержанность и, насколько возможно, смириться с не зависящими от человеческой воли велениями Фортуны, — это, на практике, самая разумная из возможных позиций. Ибо

Фортуна, не таясь, то даст, а то возьмёт —

Глумится над людьми, как ей на ум взбредёт.

Кохановский демонстрирует многообразие впечатлений и чувств: здесь и шутка, и радость, и отчаяние, и тревога... Чувства личные и граждански насыщенные. Он живописует время забавы и мгновенья сосредоточенности. Входит в состояние молитвенной медитации. Переживает кризис сомнений, страдает...

Его проникновенное — можно сказать, еще не разгаданное — стихотворение “Чего ты хочешь, Боже, от нас за все щедроты...” и сегодня вызывает почти метафизическую дрожь. Своим пафосом и в то же время — благородной сдержанностью, глубиной поднятых вопросов, смелой экзистенциальной пытливостью. Мы находим в сочинениях Кохановского всю шкалу переживаний и духа, и тела. Шутка, озорство, радости

пиров. Искушения плотских утех. И тут же, рядом, — сосредоточенность, чувство ответственности, меланхолическая задумчивость. *“Слышу курантов бой я, прочь поди, меланхолия...”* Им потрясающе переложены на польский, с глубоким чувством заново пропеты Давидовы псалмы.

В поэзии Кохановского отражена вся структура тогдашнего общества. Король, пребывающий наверху иерархии, вельможи, шляхта, мещане, крестьяне. Показаны люди разных профессий и сословий: лекарь, купец, священник, солдат, студент... Старики и молодые, дети. Мужчины и женщины. От молодки до солидной, степенной матроны, от деревенских девок из *“Купальских песен”* до дам-аристократок.

...Образ природы у Кохановского — богатая фреска, неустанно сопутствующий фон (бывает, он выходит на первый план). Это, конечно, фантазия, но почему бы ее себе не позволить: когда, гораздо позже, Антонио Вивальди пришла идея снабдить свои *“Времена года”* сонетами, литературными образами четырех времен года, которые он живописует музыкой, он мог бы многое взять у Кохановского. Вот, к примеру, образ жаркого лета:

Солнце жжёт, земли очертанья поплыли,

Мир не виден в облаке пыли,

Реки по дну в пустоту утекают,

Угоревшие травы о дожде умоляют...

Либо — изволь, читатель, ощути атмосферу начала зимы:

Погляди, как снега по горам белели,

Ветры полночи подымались,

Озёра льдом покрывались,

Журавли, чуя зиму, прочь куда-то летели...

Наконец и такое наблюдение. Еще одна черта его творчества — открытость, терпимость. Получивший образование в Польше и за границей, свой человек в ведущих культурных центрах, в Италии, Франции, Германии, он был и здесь, на малой чернолесской родине, совершенно своим, местным. И как раз такой, ведущий свое хозяйство и творящий, он был европейцем. Личностью открытой, с интересом относящейся к другому человеку. Он не опасался того, кто понимает что-то

иначе, ведет иную жизнь, придерживается иной веры. В его галерее — греки и французы, итальянцы, евреи, турки, русские, есть и испанец. И никогда нет неприязни к другому человеку из-за национальных, культурных различий. А из-за различий религиозных? Конфликт, когда он вырисовывается, вытекает из игры интересов, характеров, столкновения политических резонов. Но это ведь пружины иного рода, не так ли? Таков *theatrum mundi*.

Позволь же наконец, дорогой читатель из восточных краев, представить тебе пана Яна Кохановского из Чернолесья, более точно локализовать его во времени и пространстве. Вот даты: 1530–1584. Так что жил он не слишком долго.

Умер он в Люблине, в те времена городе верховных трибуналов, куда отправился искать справедливости для пострадавшей семьи. Брат его жены Якуб Подлёдовский, королевский посол в Турции, был там при исполнении своей миссии ограблен и убит. Семья, остававшаяся в Польше, оказалась обездоленной. Ян отправился в Люблин искать справедливости. И, короче говоря, как бывает при соприкосновении со справедливостью и правосудием, там же, в Люблине, его хватил удар. Мужчина в расцвете сил погиб от кровоизлияния в мозг.

Он происходил из дворянского сословия, из мелкопоместной шляхты, которая много поколений обитала на границе Малопольши и Мазовии. Их родовое гнездо — деревня Сыцына. У рыцарского рода Кохановских был герб Корвин. Известно, что Ян учился в краковской Академии, то есть нынешнем университете, — об этом сохранилась запись в реестре. Кстати, пребывание в Кракове, столь важное для поэта, неплохо документировано и самим его творчеством. Особенно много сведений можно вычитать из коротких произведений “на случай”, которые широко расходились в списках. Эпиграммы, эпитафии, шуточные стихи, прежде всего фразы. Порой это маленькие шедевры (шутки, юмора положений, портретного искусства), с которыми — в этом жанре — по правде говоря, и сегодня мало что сравнится.

Из Кракова путь молодого студиязуса лежал в Крулевец (Кёнигсберг), где жила часть семьи. Учился он и в Падуе. Какое-то время провел во Франции. Посетил Германию. С пребыванием в Париже связана таинственная запись — *Ronsardum vidi*, из которой, однако, не ясно, столкнулся ли он непосредственно с князем тогдашней французской поэзии. Или мог его просто увидеть, услышать? То, что он общался с другими членами поэтической группы “Плеяда”, — доказанный факт. Несомненно, и с самим Ронсаром им было бы

о чем и как поговорить. Кохановский пользовался репутацией великолепного поэта, пишущего на латинском языке.

Отчасти благодаря происхождению, но, несомненно, в гораздо большей степени — благодаря личным достоинствам он с младых лет пользовался покровительством, а лучше, наверно, сказать — дружбой могущественных лиц. Эта дружба — и с представителями самых знатных родов тогдашней Польши: соседями — Фирлеями, подальше — Замойскими, Тарновскими, и с позднейшими епископами Кшицким (тоже ученым и поэтом) и Падневским сохранялась всю его жизнь. Отношения эти для молодого студента были весьма полезны. Он учился, путешествовал вместе с этими людьми. Несмотря на значительную разницу социального статуса, в отношении культуры они были слеплены из одной глины. По возвращении на родину Кохановский, несомненно, благодаря их протекции, получил неплохую должность. Он должен был стать секретарем короля Сигизмунда-Августа. Последнего из династии Ягеллонов. Это был высокий пост при дворе могущественного монарха, в период, можно сказать, особый — зенита, но и заката знатнейшего рода, владевшего огромной территорией в тогдашней Европе. Наверно, так и останется тайной, почему замысел не удался. Кохановский, кандидат, отлично подготовленный к должности, недолго пробыл при дворе. Он не установил никаких полезных связей, не сумел войти в более тесный контакт с королем, который, кстати, был монархом вполне прогрессивным и просвещенным. Обманутый и разочарованный поэт покинул двор и Краков и отправился в глубокую провинцию, в наследственное имение, родное Чернолесье. Там, как оказалось, он и осел до конца жизни. Чернолесский адрес можно, до некоторой степени, приравнять к башне Монтеня.

Проще всего сказать: он не годился для придворной службы. А еще лучше: не обладал натурой придворного. Он был слишком яркой личностью, слишком независимым и чувствительным, чтобы ради службы (пусть и при королевском дворе) пожертвовать свободой и собственными пристрастиями.

Чернолесский период, золотое время в жизни Кохановского, дал прекрасные плоды. Во всех отношениях. Мужчина уже не первой молодости, он наконец женился — на барышне, живущей по соседству, молоденькой Дороте Подлёдовской. Брак этот оказался союзом весьма счастливым. Рождались дети, Ян заправлял хозяйством, писал. Жил спокойной жизнью — “зажиточной и малой”. В повседневном общении с природой, с богатой библиотекой, которая была у него под

рукой, принимая визиты друзей. Реальная, при этом символическая липа, растущая возле дома, — для него действительно убежище от ударов мира, пристанище тихого созерцания. Утешение и отрада, исходящая от Природы. Он по достоинству почтил и увековечил ее в своих стихах. Липа погибла от удара молнии в XVIII столетии.

В Чернолесье он — пережив период отчаяния и подавленности — сумел оправиться даже от горя, которое его там постигло: умерла любимая малолетняя дочь Уршуля (она, как гласит предание, отличалась необычайным умом и, по мнению отца, унаследовала от него поэтический талант). Более того, трагедия дала необычайные плоды! Возникший в тех обстоятельствах цикл “Трены” (“Плачи”), посвященный Уршуле, считается поэтическим достижением высочайшей пробы.

Кохановскому не чужды и наблюдения за состоянием государства. Он не раз высказывался по этому поводу. Его жизнь пришлась на времена реформации и начало контрреформации. К счастью, в Польше при Ягеллонах обошлось не только без войн, но даже без особых конфликтов. Более того, Польское Королевство может служить примером — как страна терпимости и религиозных свобод, обеспеченных соглашениями между Церковью и государством. В этом смысле Польша являла собой достойное похвалы исключение в масштабе всей Европы. Но угасла династия Ягеллонов, гарантировавшая стабильность развития и благоденствия страны. Возникли новые угрозы — изнутри и извне. Свары и напряженность при выборах новых властителей. Начались конфликты и войны с Москвией и Турцией.

Именно чувство гражданской тревоги и ответственности склонило Кохановского написать трагедию в античном духе и стиле. Он дал ей название “Отказ греческим послам” (1578). Произведение, написанное в честь одного из крупнейших государственных мужей того времени, канцлера Яна Замойского (по случаю его женитьбы на дочери трансильванского воеводы) и дружески посвященное этому вельможе, по сей день остается исходной точкой репертуара национального театра. Текст содержит замечания и размышления об ответственности и взаимоотношениях граждан и государства, актуальные и сегодня.

История, активно перемещая свой фронт по землям польского государства, с исключительной яростью разрушила и уничтожила множество свидетельств. Польские рукописи Яна из Чернолесья погибли. До нас дошло несколько сохранившихся за границей латинских сочинений. Родовой дом был

уничтожен пожаром. В чернолесскую липу, самое знаменитое дерево польской литературы, как уже было сказано, во время бури ударила молния. К счастью, главное произведение Кохановского, ставшее основой дальнейших изданий и исследований, подготовил к печати сам автор. Внезапная смерть не позволила ему увидеть плоды своего труда. “Песни” вышли вскоре после смерти поэта. Книга с великой тщательностью была отпечатана в Кракове замечательным издательством той поры — “Лазаревой друкарней”. Кстати, владельцем друкарни был кузен жены Кохановского, человек заслуженный для польской словесности, — печатник и издатель Ян Янушовский.

Под конец несколько замечаний — от композитора и исполнителя “Песен”

Со снисходительной улыбкой я думаю о той минуте, когда — хоть я и написал к тому уже немало музыки к собственным текстам и на стихи многих других поэтов — я наконец открыл, что можно петь и поэзию Кохановского. Я познакомился с ней в школе — как всякий молодой человек в Польше, потом изучал в Ягеллонском университете, но на самом деле поздно ощутил в ней личную потребность. Потребность выразить ее собственным голосом. Почему не раньше? Ответ кажется проще, чем я мог бы сформулировать это прежде. Видимо, дело было не в том, чтоб формально связать эти строфы с неким родом так или иначе подобранной музыки. Речь шла о том, чтоб я сам связал себя со словом, видением мира, позицией автора этой поэзии. Не должен ли я был сначала созреть? Открыть это не “по науке”, не по программе обучения, а по опыту собственной жизни. И воскликнуть: “Да ведь здесь всё так же, как со мной!.. Только всё уже было замечено и высказано больше 400 лет назад!”

Вдобавок: “Мы даже ходили в один и тот же университет! Который и теперь — в том же самом здании!”

Это может выглядеть примерно так, словно к стихам, оставленным старшим коллегой, я, позднейший, дописал музыку. Между нами всего лишь малость языковых различий, семантических и синтаксических нюансов. Суждения разума, чувства — печаль и радость — одни и те же.

Я должен был до этого дорасти. Мне, мужчине определенного возраста, с определенным жизненным багажом, потребовалось подтвердить это видение мира, оцененного из Чернолесся.

Музыку мне не пришлось ни выдумывать, ни как-то особо стилизовать. Приняв “чернолесскую материю” как свою, я словно безотчетно извлек из себя и добавил к ней музыку.

Такую музыку, какую могла создать моя личная экспрессия. Я не пытался добиться историзма, ренессансной стилизации. Не хотел дописывать не свое, создавать имитацию. Я лишь насытил музыку мотивами, особенно узнаваемыми, типичными для ощущения польскости. Поэтому здесь слышно колыхание и кокетство мазурки и краковяка, торжественная поступь полонеза, горячее кружение оберека. Я опирался на старинный материал, на лирическую и динамическую стихию, типичную на польской почве. Но позволял себе и пошутить, подмигнуть, добавить современных инкрустаций. Где, например, по понятиям современной молодежи, идёт “оттяг по полной”, музыка пульсирует смелее, — там и более дерзкая колористика. Ведь в любые времена *“Не грех сходить с ума, пока есть время...”*

А вот элегическое раздумье “Эпитафии”... Хоровод мыслей, влекущих к окончательному предназначению. Я решил — пусть голос трубы, провожающей в мир иной, ведет к нелегкому и вряд ли уже уложившемуся в нас пониманию того, что *“напрасно наше труждение, по вечному Божью желанию”...*

Впрочем, может, вы лучше поставите пластинку? Может, лучше всего — послушать, как звучат, о чем говорят эти написанные много столетий назад стихи из Чернолесья. К которым автор этих пояснений добавил музыку и собственный голос.

Краков, ноябрь 2007

В ЧЕРНОЛЕСЬЕ

1

Уж не свербит меня эта глупость:

Песни мои тронут

Кого же?

Боже,

никто меня здесь не услышит,

Но Ты меня оградил долиной,

В которой дом мой,

Люди мои,

И хлебная нива, и рыбы в прудах,

И звери, и пчелы, и муравьи —

И Ты тут под липой поставил мой стол,

И — прежде всего — Ты мир даровал моим строкам,

Чтоб понял я в некие сроки

Причину

Тому, что ушедши отсюда,

По-прежнему буду

Быть в Тебе, и не сгину.

Здесь мне награда одна — мир, а на сердце вина:

Где-то осталась семья, да и работа моя.

Здесь я в поле хожу надзирать за жнивьем

Зимой, когда пустоши выжгут морозы.

Здесь в теплой избе друг сердечный, Гораций

Книгу мне вложит в руки.
— И что же мне шум и гам,
Весь свет, все светские свары?
— Всегда и везде, куда ни уйдет моя нота —
Знаю, Ты меня слышишь.
— За знание это, Боже, спасибо,
За то, что в долине Твоей я,
Здесь я,
За поздние песни в Чернолесье.
— Пусть моя к тебе благодарность
В них плывет и не схлынет,
Даже когда все минет.

Перевод В. Шубинского

СТИХИ И ПЕСНИ, ИСПОЛНЯЕМЫЕ ЛЕШЕКОМ ДЛУГОШЕМ

2

О Ганне

А сердце вновь в бегах! Куда сбежало? К Ганне!

Известно, что оно стремится к этой панне

Всего охотнее. Ей приказать бы строго

Бродягу этого сейчас же гнать с порога.

Пойду на поиски. Но вдруг у панны этой

Застряну сам? Как быть, Венера, посоветуй!

Перевод Л. Мартынова

3

Песня XX

Уж кутить так кутить — в самом деле!

Пейте, братья, коль бражничать сели, —

Натошак и плясать не потянет,

А вино подурачиться манит.

Никого не зовите здесь паном,

Здесь не место спесивым и чванным,

Превосходство на гвоздик повесьте,

Ты, слуга, с господином сядь вместе.

Сановитость, чиновность, степенность —

Что в них толку, какая в них ценность!

Знайте: путность с беспутностью надо
Сочетать — вот в чем жизни услада!
А теперь, чтоб добраться до сути,
Дополна мне налить не забудьте:
Разве было когда-то и где-то,
Чтобы трезвость хранили поэты?
Так! Глаголу поэзии вторя,
Вы не ждите погоды у моря,
А привольно и что захотите
На ушко вашим милым плетите.
Не люблю с мудрецами водиться,
Неспособными въявь убедиться
В том, что время бежит и никто ведь
Не способен ему прекословить.
Значит, нынче пируй, развлекайся,
О грядущем гадать не старайся:
Что давно уж решил Царь небесный —
То для смертных вопрос неуместный!

Перевод Л. Мартынова

4

Песня XIV

Ветрище северный ревет, бушует,
И снег упал на горы,
И замерли озера,
И журавли умчались, зиму чуют.
Тут ничего не скажешь! Остается

Пригреться у камина
Да приналечь на вина —
Об остальном пускай Господь печется!
О, Будущее, край малоизвестный!
Каков он есть? На это
Никто не даст ответа:
Хозяйничает там Господь небесный.
Короткий век не друг надежды длинной.
Хотя б в руках осталось
То, что тебе досталось.
И кто ж поручится за будущи години!
Рога оленьи снова отрастают,
А наша юность минет,
Так уж навеки сгинет.
Все боле худши годы наступают!

Перевод Л. Мартынова

5

Песня X

Тот славится отвагою в сраженье,
Тот красноречьем, миром в управление,
Но коль жена не друг ему всечасно,
Он ждет удач напрасно.
Тот горд заслугами, а тот помещьем,
Иной богатым стал, торгуя с честью,
Но коль жена в хозяйстве не поможет,
Так все погибнуть может.

Хорошая жена всегда к тому же
Опора, украшение для мужа.
Она в своей заботе неуклонной
Его чела — корона.
Ее движенья ласкою согреты,
Она дает полезные советы,
С чела сгоняет след морщин унылый
Словами ласки милой.
Детей рождает — на отца похожих,
А с ними нас и старость не тревожит.
И видят родственники с огорченьем —
Наследник есть именьям.
Тот трижды счастлив, у кого удачен
Союз был брачный. Но уныл и мрачен
Тот, кто в жене не мог увидеть друга —
Ему до смерти туго.

Перевод В. Рождественского

6

К здоровью

Здоровье знатно,
Сколь ты приятно,
Тогда оценишь,
Когда изменишь
Ты нам однажды!
Тогда уж каждый
Поймет, застонет,

Что ничего нет
Тебя милее
И веселее!
Ведь сбереженья,
Перлы, каменья,
Права широки,
Места высоки,
Пригожесть, младость
Бывают в радость
Лишь при условии,
Что есть здоровье.
А нету силы,
Так все немило,
О дар небесный,
Мой домик тесный,
Тебя столь чтущий,
Возлюби пуще!

Перевод Л. Мартынова

7.

Песня VII

Жестокая! Не хочешь ты любить.
Будь ум со мной, я б стал благодарить.
На горе ты мне голову вскружила,
В тебе, как видно, колдовская сила!
Но, видя нрав необъяснимый твой,
Иной бы знал, что мил тебе другой.

На горе ты мне голову вскружила,
В тебе, как видно, колдовская сила!
Ни обещаний, ни отказа нет,
Твои слова — одна забава, бред!
На горе ты мне голову вскружила,
В тебе, как видно, колдовская сила!
Боишься и не знаешь, почему.
Иль, думаешь, укусит? Не пойму.
На горе ты мне голову вскружила,
В тебе, как видно, колдовская сила!
Достаточно с тобою мне хлопот,
Смеются надо мной уж целый год.
На горе ты мне голову вскружила,
В тебе, как видно, колдовская сила!
Надеждой не корми меня сама,
Скажи уж лучше: “Не сходи с ума!”
На горе ты мне голову вскружила,
В тебе, как видно, колдовская сила!

Перевод В. Рождественского

8.

О хозяйке

Просил он пани жаркими мольбами...
О чем просил, вы догадайтесь сами.
Она же добродетельной была
И гостью речь окончить не дала.
Велела в бане с мужем быть скорее,

И намекнула — будет там виднее.
Вот оба в бане. Обнаженный муж,
Как молодой Адам, красив и дюж.
Он вправе, словно воин перед сраженьем,
Гордиться доблестным вооруженьем.
Гость поглядел, смутясь, на эту плоть:
— Не всех так щедро одарил Господь!
И прочь скорей — мол, в бане слишком жарко.
Кто ж с лютней может превзойти Бекварка!

Перевод В. Рождественского

9

Песня VII

Жгучи солнца лучи, землю в пепел они превратили,
Нет спасенья от пыли,
Реки пересыхают,
Опаленные злаки о дождике к небу взывают.
Дети, флягу — в колодец; стол ставьте под липами
теми,
Чтоб хозяйское темя
Защитила прохлада, —
За посадку деревьев в горячее лето награда.
Ты со мной, моя лютня: пусть струн благозвучное
пенье
Умеряет смятенье,
Ты звучи, не печалься,
Чтоб за рдяное море лихие тревоги умчались.

Перевод Л. Мартынова

Песня XXII

О мой разум! Зря томишься в печали!
Что пропало — к нам вернется едва ли;
Было время — счастье верно служило,
Ни о чем тогда душа не тужила.
Ну а нынче небо к нам не радушно,
То, что любим, к нам давно равнодушно.
Что здесь скажешь? Видно, напрасно бьемся,
Лучше до добрых времен сбережемся.
И не мни, что один ты в этой неволе,
Поискать — таких найдешь и поболе.
Но порою людям чувство послушно,
Страдая душой, смеются наружно.
А мне уменье скрывать не дается;
На сердце болит — лицом выдается;
Но вижу, что зря пребывать в печали —
Пропавшее к нам вернется едва ли.

Перевод Д. Самойлова

11.**Песня VI**

О, Ганна, знаю я, дала бы ты немало,
Чтоб красота твоя вовек не увядала.
Но ты ведь, юная, не думаешь о том,
А если б думала, все шло б своим путем.
Неудержимо жизнь меняется на свете,

Уносит время всё, что на пути ни встретит.
Благоухающий я утром зрел цветок,
А вечер подошел — увял он и поблек.
Деревья, пышною одетые листвою,
Утратят свой убор осеннею порою.
На них похожи мы, но с разницею той,
Что листьев и цветов нам не вернуть весной.
Вернется юность к ним, а тот, чей век уж прожит.
Печати зимних дней согнать с чела не сможет.
Весна его прошла, седым стал человек,
И с головы его уже не стает снег.
Но почему ж олень такой беды не знает?
Истертые рога он каждый год меняет.
И почему змее докучных нет забот?
Ей кожу новую судьба в свой срок дает.
А человек, Творца подобие, не в силах
Спасть от старости, от дней ее унылых.
Был царь Фессалии обманом дочерей
Погублен навсегда на склоне дряхлых дней,
Затем, что их любовь, исполненная рвения,
Желала юности отцу и возрожденья,
Сварили для него волшебных трав настой
И вызвали лишь смерть той выдумкой пустой.
Он брошен был в котел, где кипятились травы,
Чтоб молодость вернуть, волшебницей лукавой;
Но уж живым не встал. Как будто есть трава,

Что возвращает нам на молодость права.
Покуда, Ганна, ты отмечена судьбою,
Дай насладиться мне твоею красотой,
Которой превзойти не может и заря,
Когда она встает, над волнами горя.
Ваятель, портретист, коль есть у вас желанье
Оставить об ее красе воспоминанье,
Возьмите кисть, резец, чтоб дать ее портрет.
Нет, Зевкис, Фидий сам не удивят так свет,
Как это можете вы сделать, если чувство
Внесете до конца в создание искусства.
Я в красках ничего не в силах понимать,
Тем более — вовек мне скульптором не стать,
Но слаженностью строф и ровными стихами,
Надеюсь, я смогу сравняться с мастерами,
И от забвения спасу я образ твой,
Коль музы мне придут на помощь в час благой.
О красоте твоей узнают поколения,
Когда и нас с тобой возьмет уничтожение.
Не вечно же и та прекрасною была,
Что Трою некогда на гибель обрекла.
Будь ей лет шестьдесят, и сам Парис, наверно,
Не стал бы затевать той распри беспримерной.
Но то, в чем жадный век принес ей явный вред,
Благожелательный восстановил поэт.
Зачем же был сокрыт у старца мир от взора,

Ведь ослепил же бог когда-то Стесихора
За то, что оскорбил Елену тот стихом,
Хоть и пришлось ему покаяться потом.
Но я еще не слеп, не обречен туману,
Достойное хвалы хвалить не перестану.
Бог милосердием дарит не всех своим,
Одним дает всегда он больше, чем другим.
Счастливой можешь быть ты, Ганна, без сомненья,
Он оказал тебе свое благоволение.
В Нем и величие, и прелесть красоты,
Как этот звездный мир в просторах высоты.
Прекрасный, стройный мир! Кого б не поразила
Небесная лазурь, где движутся светила,
Кто не дивился бы на лунный свет в ночи,
На солнце, что нам шлет живящие лучи,
Хоть поутру встает лениво, в сонной неге,
Чтоб гаснуть вечером, устав в далеком беге;
На месяц, медленно встающий вслед за ним,
В сияющем плаще, с его венцом златым,
Где нити жемчуга горят неугасимо,
Как драгоценный дар, как память о любимой.
Но и земля Творцом чудес не лишена,
Одеждой пышною украшена она:
Вот горы и леса, вот рек разбег широкий,
Цветущие луга, кристальные потоки.
Бог морем охватил обширный круг земной,

Лазурным поясом с серебряной каймой.
И солнце надо всей землей необозримой,
Как великан, стремится свой бег неудержимый —
Треножник ждет его, и огненосный лик,
И быстроногий конь, и златорогий бык.
Вот то, что видим мы. Что ж там, за гранью взора,
Где правит миром Мысль средь вечного простора,
Где блещут красота и образы вещей?
Непостижимо то для разума людей!
Дар Божий, Красота, дар редкий и прекрасный!
Коль Бог его не даст, искать уже напрасно.
Иное что добыть и может человек,
Ее ж не обретет, хоть бы искал весь век!

Перевод В. Рождественского

12

Песня XXIII

О Зофия, розы эти,
Как и лилии, в расцвете
Пребывают не навечно,
Ибо юность быстротечна.
Время мчится, будто воды.
У хорошенькой Погоды
Гол затылок, и за пряди
Не ухватишь ее сзади,
Пролетит и зимне время,
Но коль пал снежок на темя

И весна и лето минут,
А седины прочь не сгинут!

Перевод Л. Мартынова

13

Эпитафия

Все дела наши — прах
В вечных Божьих очах.
Что велит Он, свершится —
Нам ли с Богом судиться?
Что б мы ни затевали,
Что б ни претерпевали,
Все от Бога дано —
Сомневаться грешно.
Первый день дням другим
Дал начало; а им
Смерть — исход в сей юдоли.
Нет возврата оттоле.

Перевод В. Шубинского

14

Песня III

Жбан ты мой просторный,
Глазурный, узорный,
То спор затеешь, то до слез встревожишь,
То слюбишь-сдружишь, то в постель уложишь.
Что в тебя ни влито,
То и будет пито,

Дай тебя наклоним, чтоб выцедить зелье,
Нам пированье, а гостям веселье.
Даже мудролюбь
К тебе тянут губы,
Ведь и философы в древности пивали,
А они глупей нашего едва ли!
И самый степенный
Верит влаге пенной;
Ты дела мудрых и язык их тайный
Предает огласке, изветник случайный.
Ты, добрый товарищ,
Надежду всем даришь,
С тобой бодает и бедняк безродный —
Что ему король и гетман коронный!
Не растрачивай мочи,
Чтоб пилось до полночи,
Чтоб руки тянулись за полной ковшиной,
Пока день не сгонит звезды до единой.

Перевод Д. Самойлова

15

Песня XXI

Спишь! А я в такую бурю
Одинешенек дежурю
На дворе с вечерней зорьки.
Сжался! Тяжек рок мой горький.
Слушай — хлещет, непрерывен,

Град по стенам, льется ливень.
Пробудись. И кинь с порога
Хоть словечко, недотрога!
Ведь не вор я, не грабитель,
Обхожу твою обитель,
Белокурая гордячка, —
А нужна мне лишь подачка!
Ведь влюбленному гордиться
Менее всего годится,
Даже если крепость нрава
И дает на это право.
Слышишь? Иль не долетели
Вздохи до твоей постели?
Слушайте, ночные тени
И безмолвные каменья!
Ведь на песню Амфиона
Шли толпой леса зелены,
И порой она сдвигала
Зачарованные скалы.
А Орфей так струны трогал,
Что и фурий он растрогал,
Под землей ища подругу,
Обожаемому супругу.
Песня всех богов смягчила;
Выручил супругу милу,
Чтоб свое благополучье

Впредь хранил бедняк получше.
Но не выполнил условия
И в беду попал он внове:
Оглянулся он, и счастье
В дьявольской осталось власти!
Потерпеть бы ему малость —
И любовь бы с ним осталась,
Но в любовном нетерпенье
Годом кажется мгновенье.
Вот и я терпеть не в силе...
Чу! Монахи зазвонили,
Странно все перемешали:
Я не спал, они уж встали!
Доброй ночи, все, кто слышит!
В злой тиши листву колышет
Мой венок в рассветном рденье,
Моего свидетель бденья.

перевод Л. Мартынова

16.

Песня IX

Верь в судьбы нежданной милость
Чтобы в жизни ни случилось.
Гаснет солнце не в последний раз.
После гроз лазурь ласкает глаз.
Посмотри на лес зимою.
Он окутан хладной мглою,

Листьев нет, промерзла вся земля,
И под толстым снегом спят поля.
Но весна не за горами.
Стает снег, сойдет ручьями.
И земля, согретая теплом,
В ярких красках расцветет кругом.
Мы с судьбой напрасно спорим.
В жизни радость слита с горем.
Коль предел достигнут, то взамен
Можешь ждать скорейших перемен.
Человек нос задирает,
Коль в делах преуспевает.
А когда придет к нему беда,
Гордость исчезает без следа.
Относить же к переменам
С равнодушьем неизменным.
Ведь в глаза судьба смеется нам:
Даст, возьмет, что хочет — знаешь сам.
Не исчезло безвозвратно
То, что можешь взять обратно.
Час придет — и будет всё иным.
Верящий судьбе — непобедим!

перевод В. Рождественского

В СКОЛЬКИХ ЕВРОПАХ МЫ ЖИВЕМ?

Вынесенный в заголовок вопрос объясняется массой названий, описывающих пространство между Германией и Россией^[1]. Помимо прочно вошедшего в обиход термина “Восточная Европа” мы найдем среди них “Центральную Европу”, “Центрально-Восточную Европу”, “Юго-Восточную Европу”, “Срединную Европу”, а также немецкое определение “Mitteleuropa”^[2]. Уже одно число этих названий внушает опасения, не был ли прав Фауст, утверждавший, что “название — / лишь дым, которым блеск сиянья / без надобности затемнен”^[3]. Эти опасения еще более усиливаются после прочтения слов Оскара Галецкого, выдающегося историка и автора многочисленных работ о членении Европы, о том, что “ни историки, ни географы не пришли еще к согласию по вопросу точного значения таких относительных терминов, как Центральная Европа, Восточная Европа или еще более спорного понятия Центрально-Восточной Европы”^[4]. А ведь с мнением Галецкого, высказанным почти 60 лет назад, согласен целый ряд уважаемых современных историков и писателей.

Так, Тимоти Гартон Эш, английский историк, автор многочисленных работ по истории Польши, Чехии и Венгрии, задавался вопросом: “Существует ли Центральная Европа?” И отвечал, что “Центральная Европа — это не территория, границы которой можно обозначить на карте, как, например, границы Центральной Америки. Это царство духа (...) Никто не может прийти к согласию, где начинается и где кончается Центральная Европа”. И далее: “Новая Центральная Европа — это только идея, ее еще нет. Восточная Европа существует — это часть Европы под военным контролем Советского Союза. Новую Центральную Европу еще только предстоит создать”^[5]. С Эшем согласен чешский писатель Милан Кундера, один из главных поборников понятия “Центральная Европа”. По его словам, это “не культура и не судьба. Ее границы существуют лишь в нашем воображении и должны проводиться заново в каждой новой исторической ситуации”^[6]. В этом же духе высказывался венгр Дьёрдь Конрад: “Понятие Центральной Европы — это функция мировоззрения, а не государственной принадлежности”. У писателя Данилы Киша, родившегося в сербско-венгерской

Воеводине, который, подобно Кундере, ратовал за введение понятия Центральной Европы, тоже были сомнения относительно его определения. По его мнению, Центральная Европа “все более уподобляется дракону с острова Алька из романа Анатоля Франса „Остров пингвинов”: каждый из тех, кто якобы видел дракона, описывает его иначе”^[7].

Тот факт, что мы безоговорочно соглашаемся с классификациями, придуманными за письменным столом, а не продиктованными природой, историей или войсками захватчиков, не задумываемся, имеют ли предлагаемые нам названия какие-то поддающиеся проверке десигнаты или же представляют собой лишь предчувствие зарождающейся ситуации, и не сомневаемся в данных, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, наводит на вопрос, не позволяем ли мы околдовать себя магией названий, которым мы сами придаем значение, чтобы заполнить их природную пустоту.

Так было не всегда. Старейшее разделение исторической Европы на Юг и Север отгораживало страны средиземноморской цивилизации от т.н. варваров, кочевавших на великой равнине к северу от Альп и Дуная. Эта классификация претерпела изменения после распада Римской империи на Восточную с императорской столицей в Константинополе и Западную — с папским престолом в Риме, а особенно после 1054 г., когда христианство навеки разделилось на византийский Восток, консервативный в культурном отношении, и латинский Запад, проникнутый духом реформ и научного прогресса^[8]. В византийской части возникли страны, исповедующие православие: Болгария, Македония, Албания, Сербия, Румыния, Молдавия и средневековая Русь, разделившаяся на Россию, Украину и Белоруссию. В свою очередь в латинской части образовались католические государства, к числу которых принадлежат все западноевропейские страны, а в Восточной Европе — Хорватия, Словения, Венгрия, Чехия и Польша (позднее к ним присоединились также прибалтийские страны и Словакия)^[9].

Это дихотомическое разделение Европы на духовных наследников Рима и “второго Рима”, т.е. Константинополя, стало трихотомическим, когда после захвата Константинополя османскими турками в 1453 г. Москва провозгласила себя “третьим Римом” и стала играть ведущую роль среди православных стран. С того времени вопрос принадлежности России к Европе остается спорным^[10].

Не подлежит сомнению, что Запад никогда не был склонен признавать Россию европейской державой. Не склонен он к этому и сейчас. Об этом красноречиво свидетельствуют недавние дискуссии о границах Евросоюза, а также речь Уинстона Черчилля в Фултоне (штат Миссури), произнесенная им в 1946 г., когда британский премьер-министр впервые использовал понятие “железный занавес”, но не включил Москву в список европейских столиц, расположенных к востоку от него. Удивителен и обычай называть Юго-Восточной Европой Балканский полуостров, лежащий между Черным и Адриатическим морями, хотя официальная граница Европы, проходящая по реке Урал, казалось бы свидетельствует о том, что Юго-Восточная Европа должна находиться на российской территории, к северу и востоку от Черного моря.

О том, что сама Россия тоже не уверена в своей культурной принадлежности, свидетельствуют два идеологических направления, сложившихся в XIX веке. Они разделили страну на западников, добивавшихся признания своего европейского происхождения (таких писателей, как Герцен, Белинский и Чаадаев), и славянофилов, утверждавших, что отличия России от западного общества настолько давние и глубокие, что ее принадлежность к Европе (неважно, Западной или Восточной) ничем не обоснована и ей противопоказана. Среди славянофилов особенно выделяются имена таких писателей, как братья Киреевские, Аксаков и Хомяков.

Один из самых крайних представителей русского славянофильства Николай Данилевский объяснял отсутствие культурных связей между Европой и Россией тем, что Россия не участвовала ни в одном из общественных и духовных движений, на которых выросла Западная Европа: ни в культуре древних Греции и Рима; ни в империи Каролингов, пришедшей на смену античности; ни в средневековых транснациональных связях, положивших начало европейскому единству; ни в борьбе с феодализмом, которая привела к осознанию гражданских свобод; ни в брожении Реформации, с которого началось отделение Церкви от государства; ни в схоластике, разработавшей научный метод; ни в постепенном развитии форм западного искусства. Если добавить к этому списку покорение Азии, благодаря которому Россия стала не столько европейской, сколько азиатской державой, то трудно удивляться вопросу Данилевского: “Как же может она принадлежать к Европе?” ^[11]

В сегодняшней России цивилизационные связи с Европой не подлежат сомнению, но признание России частью Европы, как

правило, сопровождается таким количеством оговорок, связанных с практическими и идеологическими соображениями, что из понятия *in potentia* оно превращается в мираж. С одной стороны, говорится о необходимости учитывать взаимные технологические и торговые нужды, а с другой — о различиях в отношении к евангельской миссии. В период застоя эти две позиции были представлены Сахаровым и Солженицыным. В настоящее время о них красноречиво свидетельствуют ответы директора Института Европы РАН Николая Шмелева и заместителя председателя Комитета Госдумы по международным делам Натальи Нарочницкой на заданный в конце 2005 г. вопрос о месте России в Европе^[12]. Оба они отвечают, что, разумеется, будущее России связано с будущим Европы, но... И тут кончаются красивые слова, а начинается длинный список претензий и условий, которые в большей степени подчеркивают различия, чем сходство.

Шмелев начинает свой ответ с утверждения, что всё: история, жизнь, интересы, география — соединяет российскую цивилизацию с Европой, но несмотря на это “все мы имеем свою самостоятельную судьбу, свою собственную историю и различные взгляды на будущее”. По мнению Шмелева, сближение России с Европой уже началось, но его темп будет зависеть от степени обмена товарами, капиталом, знаниями и людьми. Этот процесс может быть трудным, многое придется изменить. Европейцам придется менять как минимум свое отношение к России, а России — юридическую и экономическую систему. Впрочем, все это достижимо, хотя и может продлиться несколько десятилетий. Шмелев заявляет, что не верит в духовные различия, но в то же время предупреждает, что хотя будущее России связано с Европой, это все-таки самостоятельное будущее. “Брюссель не может решать за Москву, как ей следует поступать”.

Нарочницкая тоже начинает с заявления, что Россия — это, разумеется, часть Европы, но тут же переходит в атаку на нынешнюю Европу, которая отошла от общих христианских ценностей и стала “гигантским хозяйственным предприятием для удовлетворения плоти индивидов”. Если проблемы между Россией и Европой не исчезают, то это происходит по вине Европы, которая по-прежнему не может избавиться от неуверенности “перед громадностью, потенциальной самодостаточностью России, а главное, перед ее вечно самостоятельным поиском универсального смысла бытия”. “Кто спорит о достоинствах рынка и необходимости демократии? Просто это всего лишь инструмент, а не историческая перспектива”. Нарочницкая считает, что общей

основой объединенных России и Европы должно быть христианское Откровение, “Отче наш” и Нагорная проповедь. Между тем Европа страдает “ценностным нигилизмом”, который ведет к отмиранию культуры как порождения духа.

Из такого рода высказываний можно сделать вывод, что пройдет немало времени, прежде чем Европа и Россия станут “Евроссией”. Однако независимо от того, будет ли Россия идти в одиночку или вместе с Западной Европой, эти два конгломерата настолько отличаются друг от друга, что разграничение между ними не представляет особой трудности. Зато нелегко найти общий знаменатель для земель, лежащих между Россией и Западной Европой, земель, которые в послепетровской России не рассматривались как пример для подражания, но имели значение лишь благодаря их политической, стратегической и экономической ценности. Действительно, начиная с Петра Великого, для которого образцом были Голландия, Англия и Пруссия, и Екатерины II, чьи глаза были обращены к Франции Вольтера и Дидро, и кончая Сталиным и Хрущевым, стремившимися догнать и перегнать Соединенные Штаты, крупнейшие российские реформаторы искали образцов на Западе. И то, что их цели были иллюзорными, не меняет факта, что российские пути в будущее всегда вели на Запад, а не в Восточную Европу.

Необходимость в общем названии для “промежуточных” стран возникла еще после I Мировой войны, когда на землях, освобожденных от захватчиков, появился целый ряд государств, возрожденных после долгих лет неволи или созданных впервые. Таково происхождение прибалтийских стран, Польши, Чехословакии, Румынии и Югославии. Поскольку признание революционной России частью Европы не входило в расчет, новообразованные государства, отделявшие Западную Европу от России, были названы Восточной Европой.

С точки зрения Запада, обеспокоенного растущей мощью России, объединение новообразованных государств под общим названием было продиктовано не только политической ситуацией, но и нежеланием забивать себе голову более подробной классификацией. Этим объясняется, в частности, высказывание Невилла Чемберлена, который в отчете перед британским парламентом о своей встрече с Гитлером в Мюнхене в 1938 г. описал Чехословакию как “далекую страну, где живет народ, о котором ничего не известно”. Видимо, британский премьер-министр забыл, что во времена королевы

Елизаветы I Прага и Лондон повсеместно считались политическими и культурными центрами Западной Европы.

Удобство общего названия “промежуточных” государств еще более возросло в период холодной войны, когда принадлежность к одному из двух разделивших Европу лагерей стала исторической необходимостью. Именно тогда все государства-сателлиты Советского Союза начали относить к Восточной Европе, независимо от их культурного и конфессионального самосознания. В конце концов это привело к такому абсурду, как утверждение, что ГДР расположена в Восточной Европе, а ФРГ — в Западной.

Можно понять возмущение Милана Кундеры, который вскоре после ввода в Чехословакию войск Варшавского договора эмигрировал во Францию и там был воспринят своими французскими коллегами как беженец с востока. Кундера возразил, что его родина была “лишь аннексирована чуждым ей восточным миром, у которого византийские корни и собственная история, собственная архитектура, собственная религия, собственный алфавит и даже собственная разновидность коммунизма”^[13]. Как это, спросили французы: разве чехи и русские не принадлежат к одному и тому же славянскому миру? И не помогли объяснения Кундеры, что славянская языковая общность вовсе не означает существования общей славянской культуры или славянского мира.

Именно отнесение бывших советских сателлитов к Восточной Европе, независимо от их культурного и конфессионального самосознания, привело к столь частому на Западе одинаковому подходу к странам с византийскими и латинскими корнями. Реакцией на такое положение дел стала замена термина “Восточная Европа” понятием “Центральная Европа”. Однако по нескольким причинам эта идея оказалась неудачной.

В первую очередь название “Центральная Европа” предполагает расположение между Западной и Восточной Европой. Загвоздка в том, что Россия, которая в этом случае должна быть Восточной Европой, таковой себя не признаёт и предпочитает считать себя специфическим образованием, независимым от Европы. Российские политические деятели, особенно славянофильского толка, неоднократно подчеркивали, что даже если бы они и хотели считать себя частью Европы, то только Европы Западной. Однако они не чувствуют никакого родства со странами Восточной Европы.

Второй существенный недостаток названия “Центральная Европа” — его уже упоминавшаяся туманность. Существует Центральная Европа или нет? Есть ли у нее границы, которые можно обозначить на карте? Продолжает ли она оставаться царством духа или уже стала плотью? Известно ли, где она начинается, а где кончается? Наконец, познаётся ли понятие “Центральная Европа” объективно или его еще нужно создать?

Еще одно “но” термина “Центральная Европа” заключается в том, что не все включенные в нее страны культурно однородны. Особенно сложную проблему представляет собой Польша ввиду ее 120 летнего разделения. В то время как прусская и австро-венгерская культура сочетались с польским наследием латинского Рима, российская часть вносила элементы византийской традиции, усиливая вклад украинских и белорусских территорий, включенных в польско-литовскую Речь Посполитую^[14].

Однако главным фактором, препятствовавшим принятию термина “Центральная Европа”, была его синонимичность понятию “Mitteleuropa”, вошедшему в обиход во время I Мировой войны. Возможно, это понятие и способствовало появлению термина “Центральная Европа”, но оно существенным образом отличается от идеалистического понимания этой части Европы как культурной и духовной общности народов, сформированной Габсбургской монархией. В отличие от “Центральной Европы”, “Mitteleuropa” включает в себя и Германию, ибо главной идеей этого проекта было распространение немецкого политического и экономического влияния в юго-восточном направлении, дабы нейтрализовать англо-французскую морскую и российскую сухопутную блокаду, проложив прямой путь на Ближний Восток. Именно из-за этих планов проект “Mitteleuropa” и не нашел поддержки в странах Восточной Европы, через которые этот путь должен был проходить.

Эти обстоятельства способствовали популярности идеи заменить термин “Центральная Европа” более емким понятием “Центрально-Восточная Европа”. Правда, в научных работах встречаются оба эти термина, но ни тот, ни другой не могут претендовать на ту географическую очевидность, которая бросается в глаза в таких названиях, как Северная, Южная или Центральная Америка. В сочетании “Центрально-Восточная Европа” ощущается зависимость от текущей политической ситуации, ибо функция слова “Центральная” — отгородиться от России и Балкан, а функция слова “Восточная” — отгородиться от Германии^[15]. Оно не отражает постоянной

географической или культурной действительности, а представляет собой политическую платформу, жизнеспособность которой зависит от продолжительности породившей его ситуации.

Особого комментария заслуживает термин “Срединная Европа” (букв. “Европа Середины”), прижившееся в нескольких польских периодических изданиях^[16]. Своим существованием он обязан группе писателей, объединившихся в 80-е годы вокруг редакции парижских “Зешитов литерацких”, а прежде всего — вокруг создателя и редактора этого журнала Барбары Торунчик. По ее мнению, это название должно было помочь решительно отмежеваться от габсбургского наследия Центральной Европы и подчеркнуть специфический польский вклад в системные преобразования в России и “промежуточных” странах. “Термин „Восточная Европа” оставлял нас в пределах послеялтинского статус-кво, — напоминает Торунчик, — в то время как для нас это была Европа будущего, идей, принципов, еще неопределенная, но сосредоточившая в себе наши чаяния (...) По сути дела мы придали художественную и интеллектуальную форму предчувствию пробуждающейся политической и гражданской субъектности этого региона”. Фразы типа “Европа будущего”, “неопределенная, но сосредоточившая в себе наши чаяния”, “предчувствие пробуждающейся субъектности” отсылают нас к словам Эша двадцатилетней давности о том, что “новую Центральную Европу еще только предстоит создать”.

Этот заведомо футуристический элемент уже названных, но еще не созданных программ наводит на вопрос, не пришло ли время в нынешней политической атмосфере, когда провинциально-соседские связи ослабевают, а глобальные укрепляются, когда под их влиянием изменяется характер межчеловеческих и межгосударственных отношений, ссылаться при классификации земель, лежащих между Германией и Россией, не на “царство духа”, как это делает Эш, или “воображение” и “мировоззрение”, как это делают Кундера и Конрад, но на конкретные данные, отличающие эту территорию от соседних, — такие как ВВП на душу населения, состояние инфраструктуры, умение находить общий язык с соседями, национальными, политическими и религиозными меньшинствами, организация судебной и налоговой системы, уровень занятости и, наконец, принадлежность к европейским организациям, таким как Евросоюз, зона евро и даже выходящее за пределы Европы НАТО.

Названия, как и произведения искусства, живут своей жизнью, независимо от намерений их создателей. “Восточная Европа”, как подчеркивал Эш, возникла с помощью советских штыков. Однако, хотя сейчас нет уже ни штыков, ни их родины, это понятие продолжает функционировать на Западе или же заменяется другими названиями с тем же значением, какое оно имело в период холодной войны^[17]. В Польше этот термин оказался неожиданно живучим, хотя вышеупомянутая эластичность названий, созданных для удовлетворения текущих потребностей, позволила передвинуть его на восток. Теперь он употребляется для обозначения Украины, Белоруссии, Молдавии и прибалтийских государств, т.е. стран, которые входили в состав Советского Союза, не теряя при этом духовной связи с Европой.

Время покажет, сохранятся ли термины “Центральная Европа” или “Центрально-Восточная Европа” в нынешней политической атмосфере, когда нет нужды объединяться против общего врага, а государства могут сами определять свою судьбу. Будут ли страны Центральной Европы поддерживать общность, унаследованную от эпохи “народной демократии”? Развеется ли романтический образ антисоветского интернационала 80-х годов под давлением реалий повседневной жизни и памяти о разной, а иногда и антагонистической истории этих стран? Станет ли новым связующим элементом стран Центральной и Восточной Европы идентификация с латинской культурой, что означало бы фактическое перерождение Центрально-Восточной Европы в Северо-Восточную как противовес Юго-Восточной Европе? Сегодня еще невозможно дать ясный ответ на эти вопросы. Следует лишь иметь в виду, что долговечность понятий “Центральная Европа” или “Центрально-Восточная Европа” будет зависеть от крепости культурных и цивилизационных связей, соединяющих причисляемые к этой Европе страны, а не от сиюминутной политической выгоды.

Ввиду публицистического характера этой статьи я не мог учитывать всей обширной и многоязычной научной литературы, посвященной проблеме классификации Восточной Европы. Читатель, интересующийся этой проблематикой, должен в первую очередь обратиться к книге “История Центрально-Восточной Европы” под редакцией Ежи Ключовского (*Historia Europy Środkowo-Wschodniej / Pod red. J. Kłaczowskiego. Lublin, 200. T. 1.*). Литературу предмета Ежи Ключовский разбирает в книге “Центрально-Восточная Европа

в историографии стран региона” (Kłoczowski J. Europa Środkowowschodnia w historiografii krajów regionu. Lublin: 1993.).

2 К этому можно добавить французский перевод заглавия книги Чеслава Милоша “Родная Европа” — “Une autre Europe”, название французского журнала “L’Autre Europe”, а также французский термин “Europe médiane”.

Пер. Бориса Пастернака.

Halecki O. The historical role of Central-Eastern Europe // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1944. March. P. 9.

Ash T.G. Does Central Europe Exist? // The Uses of Adversity: Essays on the Fate of Central Europe. Cambridge: 1989. P. 167, 169, 188. Впервые опубликовано в 1986.

Kundera M. The Tragedy of Central Europe // The New York Review of Books. 26.04.1984. P. 35.

Kiš D. Variations on the theme of Central Europe // Cross Currents. 1987. 6. P. 1. Проблема принадлежности отдельных стран к Центрально-Восточной Европе не была однозначно решена даже в энциклопедическом труде Института Центральной и Восточной Европы (см. прим. 1). Перечисленные в нем классификационные критерии снабжены таким количеством оговорок, что на их основании трудно понять, почему автор относит к Центрально-Восточной Европе Литву, Белоруссию и Украину, но не включает в нее Латвию, Молдавию и Румынию.

Со временем эти ценности были перенесены на другие континенты, и термин “Запад” начал распространяться не только на Европу, но и на ее заморские варианты, такие как США, Аргентина, Австралия или Израиль.

Разумеется, речь идет о положении дел до Реформации.

Davies N. Europe: a History. Oxford, New York: 1996, P. 10.

Данилевский Н. Россия и Европа. 1894, изд. 5 е. С. 59–61 [переиздание 1966 г.].

См. приложение к газете “Коммерсант”, №245 (3329) от 28.12.2005.

Kundera M. Le rideau. Paris: 2005. P. 58.

Это смешение традиций и культур поражало жителя Великопольши или Малопольши, столкнувшегося с полувосточной атмосферой Варшавы, которая, по словам Милоша, “не была центральноевропейским городом — как Прага, Краков или Львов. В ней чувствовалось сильное присутствие Восточной Европы. Скорее это был город, который верно описан в стихотворении Ежи Либерта: „Это ни Запад, ни Восток / Так, будто ты стоишь в дверях”” (Чеслав Милош, “Жизнь на островах”, 1997). Подобная ситуация сложилась и на Украине, где у левобережной части страны общие с Россией византийские корни, а правобережная часть открыта к латинским образцам Польши.

Балканские страны предпочитают принадлежать к Юго-Восточной Европе, а Германия — к Западной.

Возможно, понятие “Срединная Европа” отсылает к традиционному названию Китая “Срединное государство”, в котором подчеркивается ведущая роль одного государства по отношению к другим, входившим в состав Поднебесной империи.

Одно из таких названий — “новая Европа”. Его любил употреблять, в частности, бывший американский министр обороны Дональд Рамсфелд.

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 7.
- 8.
- 9.
- 10.
- 11.
- 12.
- 13.
- 14.
- 15.
- 16.
- 17.

Я СМОТРЕЛА НА НИХ И ДУМАЛА: ВОТ ТАК БОРЮТСЯ

— Когда возникла и чем была Польша в вашей жизни?

— Польша для меня всегда была чем-то очень значимым. Потому что всегда было критическое отношение к России и ее политике, а Польша была тем объектом, который от русской политики страдал спокон веку. И, естественно, я была на стороне тех, кто страдал от русской политики.

И с довольно раннего возраста, лет с двенадцати, когда я стала читать много вполне серьезных книг, особенно обо всяких польских восстаниях, было какое-то ощущение вины. Как у человека, живущего в этой стране. Поэтому Польша для меня была символом сопротивления, во-первых. Символом отваги и мужества, во-вторых. Еще было ощущение, что Польша едина. Я понимаю, что это не так, что поляки тоже всякие, но ощущение единой страны, которая борется, борется отчаянно, с громадными жертвами, борется за самостоятельность, за собственную духовность, с тех пор и было. Поэтому всё, что я могла прочесть о поляках, было для меня очень важным до самого ареста.

Меня часто спрашивают: “А что вы думали, когда вас арестовали?” В десятом классе, когда это произошло, я была нормальным советским неучем. Да, я очень хорошо училась в школе, я читала, сколько только можно было читать, — это всё было. Но у нас же информация была безумно скудная, закрытая. И всё наше сопротивление, наша ненависть к этому строю и к этому издевательству над всеми и вся были отчасти интуитивными. Ну, мы знали, например, про колхозы. А подробности узнали в лагере.

Вот и про разделы Польши мы знали. Но с живыми поляками, которые — вот они тут, рядом с тобой, за решёткой, потому что они боролись, и смотри-ка, как они ведут себя здесь, — это уже всё пришло в тюрьме, в лагере и осталось на всю жизнь. И когда мы вернулись, начались события — польские, венгерские, потом чешские, — это всё уже выстраивалось в одну цепочку. Это наши братья, наши союзники, наши единомышленники, вот они — там. И если мы здесь хоть что-нибудь можем для них сделать, то мы должны это делать.

При этом, например, мое знание о восстании в варшавском гетто в 1943 г. и о том, что далеко не все поляки сочувствовали восставшим и пытались им помогать, мягко говоря, никак не отражалось на моём отношении к Польше в целом и к полякам, как к народу. До сих пор не отражается. Опять же потому, что поляки бывают всякие. И что?

Первая моя встреча с настоящим поляком была вот такая.

У меня есть двоюродная сестра Лия — Шендерова Лия Яковлевна. Она на десять лет меня старше. Лия с братом были близнецами, у них очень рано умер отец, и родственники разобрали детей. Мамин брат взял ее брата, а мы — ее. Она училась играть на скрипке. И для меня скрипка с детства самая любимая, потому что самые сладкие воспоминания: я засыпаю под звуки ее скрипки...

Лия вышла замуж за поляка. Не русского, не советского поляка, а поляка, который здесь оказался, потому что его родителей сюда вызвали из Польши. Тогда выманивали польских коммунистов и здесь их убивали. Януш Радзеёвский был сыном таких коммунистов. Его отца расстреляли, сам он с матерью здесь жил на поселении, потом попал в польскую дивизию, прошел войну, вернулся в Москву учиться и женился на Лии. Все это случилось еще до моего ареста.

А потом я попала в лагерь. Утром оказалось, что дверь барака открыта, я вылезла и села на завалинку рядом. Карантин был отделен колючей проволокой и заборчиком. Подходит к заборчику девочка — красавица, золотая прядь из-под жуткой арестантской шапки на рыбьем меху, голубоглазая, в телогрейке, подвязанной веревкой, за веревкой топорик. И говорит: “Привет! Ты откуда?” Я говорю: “Из Москвы”. — “Школьница или студентка?” — “Школьница”. — “А я студентка с первого курса филфака, из МГУ. Тебя как зовут?” — “Сусанна”. — “А меня зовут Тереза — Тереза Скуп, полька. Слушай, — говорит, — есть хочешь?” — “А а...” Она вытаскивает из кармана кусок хлеба, ломает его: “На”. И кусочек сахара: “На... Ты здесь ничего не бойся! Ничего не бойся, у тебя здесь будут друзья. Всё будет хорошо, нормально. Я вечером за тобой приду”. Я говорю: “А отсюда нельзя выходить”. — “Ничего. Я тебя уведу к себе в барак и познакомлю со своими друзьями, чтобы ты сразу знала, кто здесь есть, среди кого ты будешь. Эти люди станут твоими друзьями”. И побежала на развод. Она была плотником.

Так начался мой лагерь. И, конечно, Тереза — это было главное. Она сказала: “А чего это ты? Давай-ка я тебя буду польскому

учить”. И стала меня учить польскому языку, который мне просто ужасно нравился. Пока я не дошла до слова “*teraźniejszość*” [настоящее (время)] и поняла, что этого я не осилю.

Она мне рассказывала об Армии Крайовой, о том, как их разоружали. Ее взяли уже не в первый раз, в Вильнюсе время от времени брали, когда она была еще гимназисткой, потому что она, например, стояла в почетном карауле у могилы Пилсудского, она была изначально политизированной девочкой. А тут у нее было всего пять лет срока. В приговоре у нее было написано, что она обвиняется в агитации, но “за отсутствием свидетелей агитации” ей дали только пять лет. Арестовали ее в университетской общаге. Она приехала в Москву и поступила учиться. Через два месяца они поняли, что кого-то не того взяли.

Тереза сама писала стихи и сейчас пишет. И она мне читала польские стихи. Какая это была радость! Человек довольно резкий, она мне говорила: “Ты должна меня слушаться, у меня больше опыта, я вообще старше тебя на целый год. Ты не права...” И стоило нам с нею как-нибудь повздорить, она подходила и начинала говорить со мной по-польски и читать польские стихи. Всё! У меня немедленно уходила вся эта фанаберия куда-то, потому что это была радость, это был такой свет. От нее шло какое-то живое вдохновение. Я потом, когда вернулась, старалась найти польские стихи и читать.

Я знала, что поляков в лагере много, что их много на мужской зоне. А у нас были две польки — Ядвига и Стася, обе из АК. Тереза с ними очень много общалась. Со мной они держались как-то немножко на расстоянии. Но когда Тереза просила их рассказать мне что-нибудь из истории Польши, из истории сопротивления, они делали это очень охотно, без лишних эмоций, охов и рыданий. Я смотрела на них и думала: вот так борются. Они не стонали над своей судьбой, никого не проклинали; они знали, что делают, и вели себя как люди, которые знают, почему они здесь. И не было у них никаких иллюзий.

Польки не унижались. Они понимали, за что. Они шли на всё это сознательно: когда они всё начинали, они понимали, что им с советской властью не договориться.

Но я очень сильно заболела. Я ревматик с детства, с военных лет, а тут работа по колено в холодной и мокрой тундре — весна, холодно еще. Меня сковало, я перестала ходить. Тереза меня волокла куда-то, притаскивала мне пайку и кружку

кипятка, перед работой кормила. В конце концов она добилась, что меня забрали в стационар. А когда я вернулась из стационара, Терезы не было. Это был пересыльный лагерь. Её отправили в женский лагерь на 4 й ОЛП, на швейную фабрику.

Прошло еще три месяца, меня забрали опять из лагеря в Москву, из Москвы во Владимирский централ. И когда я вернулась обратно, никто ничего про Терезу не знал. Мы с нею потеряли друг друга.

После всех моих приключений — “закрытка”, в смысле Владимирский централ, потом опять в лагерь, потом опять в Москву, в Лефортово и так далее — я попала в конце концов в Абезь.

И в Абези я подружилась с другой полькой — Марысей Домбровской. Она была постарше меня, прелестная, совершенно очаровательная, такая светлая. Медсестра из Львова, связная АК. Тоже с туберкулезом. И у нее в тюрьме родился сын — Мстислав-Кристоф. Я помню его имя, потому что потом искала его много лет, когда вернулась из лагеря, и не нашла. Когда ему было два месяца, ей разрешили отдать его матери. А потом мать умерла. Ей писали, что его взяла польская семья музыкантов во Львове, у которых было трое своих детей, они его взяли четвертым. Он учился в Центральной музыкальной школе при Львовской консерватории. Они ему дали другую фамилию. Потом он стал композитором... И они время от времени писали ей о нем.

От Марыси я впервые узнала очень многие вещи, например, что был такой, между прочим, Фрейд. Естественно, откуда это можно было знать в московской школе? Она мне много рассказывала о Фрейде, о философах. Она была очень образована и с тягой к нестандартному, неформальному мышлению. Когда кончился лагерный срок, ее отправили в ссылку там же, в Коми. Последнее, что я знаю о ней: очень скоро в ссылке она умерла от туберкулеза. Это была вторая моя польская любовь, с которой я так дружила и так много от нее получила.

А потом меня на последний год перевели в Потьму, в Дубровлаг. И я знала, что ее муж на мужской зоне. Я пыталась передать ему записку о том, что я хотя бы ее знала. Но вскоре мне передали оттуда, что он тоже умер... Мне бы вот этого Мстислава-Кристофа найти, но ведь фамилия у него другая. А он же ничего про себя не знает...

Когда в 1956 г. я вернулась из лагеря, в Польше начались события, которыми мы очень интересовались. Я не помню,

чтобы у нас в Историко-архивном институте кто-нибудь относился к этому равнодушно. Хотя у нас были люди, которым вообще ничего не надо было, кроме каких-то финтифлюшек и танцулек. Тогда доставали польские газеты, и кто мог прочесть, читал и рассказывал остальным. И опять было то же самое: “Они там борются! Они борются, а мы...”

Януш Радзеёвский в это время, естественно, был уже давно взрослым человеком, закончил университет, у них с Лией родилась дочка Валерия. Но мой лагерный опыт, моя оппозиционность были ему очень близки, он меня хорошо понимал. Они решили уехать в Польшу. Дома была трагедия: “Боже мой! Как?! Лия уехала! В чужую страну! А он ее там бросит...” В общем, он умер несколько лет назад в Варшаве, до тех пор они были счастливы, всегда друг друга прекрасно понимали. Он был благороднейший человек, умный. Он был связан с “Солидарностью”. Оказалось, что он вхож в круг “Карты” и “Восточного архива”, его хорошо знает Петр Мицнер, что тоже было для меня очень важно. Вот это мой польский опыт. Небольшой, но для меня очень важный.

А потом я приехала в Польшу, уже будучи в “Мемориале”. И это было ужасно горько, очень плохо.

В первый мой приезд я остановилась у Терезы. Мы с ней друг друга нашли через сорок с лишним лет. Причем это было так. В Воркуте была встреча эков, все друг друга обо всех спрашивали. Я спросила: “Кто-нибудь из Инты есть?” — “Есть”. — “Может быть, вы что-нибудь слышали о Терезе Скуп?” Один мужчина ее знал, дал мне ее адрес. Я ей написала, она ответила и прислала мне вызов. И я к ней поехала. Это был 1990 год.

Тереза познакомила меня с “Сибиряками”. У “Сибиряков” шел какой-то замечательный концерт, были очень нарядные дети, прекрасно плясали. Потом они меня спросили, как мне понравилось. Я говорю: “Мне очень понравилось, я очень рада и вам очень благодарна”. И дальше я вдруг возьми да и скажи такую фразу: “Я очень надеюсь, что придет такой час, когда русские дети будут такие же нарядные и веселые, как ваши сегодня”. Они мне сказали: “Вы наших детей убивали. Мы теперь хотим, чтобы ваши дети умирали с голоду”... Я стояла ночью на пустой остановке и плакала. Первое, что у меня было, — уехать. Если мы для них вот такие враги, если они не хотят ничего... Ну как можно детям пожелать умирать с голоду? Что же это такое?

А потом Тереза мне сказала: “Эти евреи! Хорошо, что их выгнал Гомулка”. Я: “Тереза, это ты мне говоришь?” — “Ну, ты —

исключение”.

Непонятно. Очень было как-то не по себе...

Но тут мне позвонил Томаш Кизный. Мы с ним познакомились здесь, в Москве, когда он был в первой экспедиции “Мемориала” на Мертвой дороге. Олег Орлов сказал мне: “Тут один парень хочет с вами познакомиться”. Я говорю: “Так чего стоит со мной познакомиться? Где я живу, всем известно, телефон мой тоже известен”. Появился громадный, лохматый, совершенно замечательный парень. Я посмотрела на него и сходу поняла: вот это то, что нужно! Мы с ним сразу же подружились, сразу законтачили. И теперь он даже не всегда звонит перед приездом, он просто входит и кричит: “Сюзанна, я приехал!” ...

Томаш позвонил и сказал, что он меня ждет, чтобы я приехала к нему. И я поехала во Вроцлав. Он меня встретил на перроне. Я заплакала: “Томек, так плохо! Почему нас так ненавидят? Ну, почему?” Он говорит: “Всё не так. Кто-то ненавидит, кто-то любит. Ты ко мне приехала, перестань, ты увидишь другую Польшу”.

Я увидела другую Польшу. В его доме. А потом он познакомил меня с Петром Мицнером... И потом уже всё было совсем другое.

Друзья-поляки водили меня по местам восстания гетто. Мы искали памятник Корчаку. И это было всё настолько моё... Пять раз я ездила в Польшу.

Потом в “Мемориале” появился Ян Рачинский. Ян мне рассказал, какая у него была характеристика, когда он кончал школу: “Слишком много читает...” Его прабабушка была ближайшей подругой Маруси Спиридоновой, несколько поколений у него в роду сидели за польские восстания. Что предки делали для Польши? Библиотеку построили, например. Он знает, откуда он взялся, он знает, что ему нужно. Это у них есть.

— Для полек в Инте, в Абези, в Потье была важна их вера? Их католичество?

— Да, очень. Очень. Но их, например, абсолютно не отталкивало то, что я еврейка. Это для них не значило ничего. Тереза говорила: “Эта девочка из Москвы, она сидит за подпольную организацию”. — “Антисоветскую?”. — “Да”. — “О-о-о!” И абсолютно неважно, кто я.

— В апреле 1992 г. центр “Карта” и общество “Мемориал” провели в Варшаве “Неделю совести”. Что это была за поездка?

— Впечатления от личных контактов запоминаются лучше, чем какое-то общее мероприятие. Это не было похоже на то, что когда-либо проводил “Мемориал”. В Москве на “неделях совести” устраивались выставки, выступления каких-нибудь артистов, бардов, например московского театра “Третье направление”, который ставил Кима, люди встречались, вспоминали, плакали. Это было общее торжественное мероприятие, а не личностное общение. В Варшаве на “Неделе совести” мы работали. Нас было пятьдесят человек — мемориальцы из разных городов. К нам подходили старые поляки, которые просили выяснить что-нибудь, помочь им, шла личная, индивидуальная работа с каждым человеком. Всё остальное — официальная часть и доклады — для меня были на втором плане. Основным было — утром прийти, сесть за свой столик. Подходил человек, я спрашивала, записывала — судьба за судьбою проходила передо мной. Подходили пожилые люди. Они были не более толковые, чем московские старые зэки или любые другие. Их интересовало, например, где и как можно добиться реабилитации, компенсации или каких-то документов, которые они не получили в свое время или их отняли при аресте и не вернули им. Эти люди все время как бы зависели от своего прошлого. Не только материально и физически, но и нравственно от него зависели. Они все время чувствовали себя обиженными, не до конца понятыми. И главная их просьба была даже не в том, чтобы признали, что они не были ни в чем виноваты. Им нужна была реабилитация и компенсация в знак того, что их простили. Еще им было нужно, чтобы им что-то заплатили за перенесенные страдания. Они получали те же самые гроши, что и наши соотечественники. Они очень обижались. Я им говорила: “Нам платят точно такие же суммы”. Что меня в этом поражало — не было, как и в Москве, ощущения того, что перед тобой люди, которые отвечают за свои поступки и за свое прошлое, которые принимали участие хоть в каком-то сопротивлении этому режиму и этой жизни. Они не пытались сопротивляться никак. Ни в чем. Их почему-то били, а они не понимали, за что? И до сих пор не понимают.

— И поляки тоже?

— Да. Потому что те люди, которые понимают и готовы отвечать за свое прошлое, не приходят обращаться за помощью, жаловаться на судьбу. Нигде не приходят. У нас есть термин “сопротивленцы”. Есть очень четкое деление.

Сопротивленцы не писали никуда никаких заявлений, ничего не ждали, не обижались на то, что им мало заплатили. Они говорили: мы не играем в эти игры с нашей властью. И в Польше всё точно такое же.

Этих людей безумно жалко. Сопротивленцев не жалко — знали, что делаем. Можно сказать, что мы — люди счастливые, а они — люди несчастные. Одно дело самому поворачивать свою судьбу так или иначе, а другое дело — попадать под колесо и не понимать, за что. День за днем шли такие разговоры. Я понимала, насколько важно то, что я им скажу, буквально каждое слово важно. Для них я была человек не такой, как они, я приехала из Москвы, вроде бы от той самой власти. Это было погружением в чужое несчастье, в чужую беспомощность, раздавленность. Эти люди ни в чем не виноваты, но их уже просто не воскресить. И это ощущение было привычным — таких людей у нас очень много, их большинство. В Москве многие старые зэки “Мемориал” тоже считают или властью, или профсоюзом — приходят к нам за путевками. Это менталитет населения, которое попало под каток истории, — очевидно, он везде одинаков.

— *Мне казалось, что в Польше должно быть иначе.*

— В Польше иначе — таких людей меньше. Там было действительно осознанное сопротивление, но люди сопротивления не приходят...

А со мной сидела переводчица, очень толковая, четкая. И мы с нею ухитрились не познакомиться. А потом выяснилось, что это моя подруга. Она меня не узнала, и я не узнала ее. Ее зовут Лия Пентковская. Она была старостой литературного кружка, из которого получилась наша организация. Когда мы вернулись из лагерей, выяснилось, что ее в Москве нет, она успела выйти замуж за поляка и уехать в Польшу. (По мужу она сейчас Метковская.) А там она стала участницей сопротивления, потом переводчицей на всех мероприятиях, которые проводила “Карта”. После того как мы уехали, она узнала, кто я такая, когда редактировала тексты. Потом здесь, в Москве, меня увидел ее сын Петр. Он журналист, приезжал в Москву с Лехом Валенсой. Когда мы встречали Леха Валенсу у Соловецкого камня на Лубянке, Петр подошел ко мне и спросил, я ли та самая Сусанна Печуро? “Вам привет от моей мамы, она была вашей переводчицей”. С тех пор мы уже друг друга не теряем.

На “Неделе совести” я жила у Радзеёвских. Каждый вечер я приходила, и Януш говорил: “Так, рассказывай”. И я

рассказывала всё, что только могла за этот день запомнить, понять и прочувствовать. До поздней ночи мы сидели и разговаривали. Было ощущение: какие они свои, ничего не надо объяснять. Януш все чувствовал и понимал, больше, чем моя двоюродная сестра, которая была дальше от этого.

Запомнилось, как я дарила “Архипелаг ГУЛАГ”. Мы сидели на сцене с Валей Тихановой, которая за эту часть отвечала. Мы привезли несколько десятков шеститомников Солженицына, которые тогда мемориальцам дарили, и мне поручили их дарить старым зэкам. До этого о каждом из этих людей мне рассказывали. Одним из них был Ольгерд Волынский. Я безрезультатно искала его в Москве после лагеря. Мы с Булгаковым думали, что уже никогда не найдем этих ребят. Они устроили бунт в польском детдоме и за это сели, им было по 13–14 лет. Оказалось, что Ольгерд жив, он в Варшаве. Для меня было очень важно каждому из них сказать что-то для него самого. Я считаю, что всякое безымянное мероприятие — ничто, оно ничего не дает. Ну, принесет человек эти книжки домой, поставит в шкаф, и всё. А когда перед целым залом о нем говорят, его помнят и любят, ему лично желают чего-то — это запомнится. Люди плакали, и я с ними почти плакала, еле сдерживалась. Это были живые судьбы живых стариков, которые недаром прожили свою жизнь. Почему эти чужие люди вот так говорили о них? Да мы не чужие, и страна не чужая. Просто и вы, и мы — в общем, одно.

Но больше всего мне запомнилась ночь в Подкове-Лесной, песни у костра, как все вместе пели Окуджаву — они польски, мы по-русски... Помню совершенно замечательную картину. Была тихая прекрасная музыка, в доме горели свечи. И Никита Петров изумительно танцевал с какой-то красавицей-полькой тихий медленный танец. Вот это запоминается на всю жизнь, радостью идет через всю жизнь. Ощущение того, что мы все вместе, ощущение тепла и единства. И для меня в моменты, когда совсем худо, когда деваться некуда, когда не находишь себе никакого места, закрываю глаза, и — музыка, свечи, и Никита, танцующий с этой девушкой в Подкове-Лесной. Это пункты, по которым понимаешь, что если вот так — значит, все правильно.

— *Помните поездку в Познань в ноябре того же 1992 года?*

— Помню. Во время первой поездки там был трехдневный диспут о влиянии культуры на нравственность, собирались люди, которые обсуждали: что на что влияет? Что важно, что не важно? Почему они стали такие, а не другие? Нас было там немного, мы были с Валей Тихановой вместе, был Андрияша

Блинушов. Тогда меня Андрюша потряс своим рассказом о том, как ему всю жизнь перевернул Галич. Это было очень хорошо, очень интересно. Главным там был спектакль Театра Восьмого дня по “Реквиему” Ахматовой, потрясший меня спектакль Эвы Вуйцяк. Надо было так почувствовать, так сыграть, чтобы каждое слово по-польски настолько четко воспринималось, что не нужно было никакого перевода, никаких вопросов не было. Все шло, говоря возвышенным, дурацким языком, от сердца к сердцу. Эва Вуйцяк стала для меня актрисой номер один. Второй спектакль, который мы видели там, — “Москва — Петушки” — тоже меня удивил тем, как они понимают Веничку Ерофеева.

Театр Восьмого дня сам по себе очень интересен тем, что там происходит. Это не театр, куда приходят и уходят, это театр, где живут. И ощущение того, что это одна семья со своими сложностями, естественными, как и в любой семье, конфликтами, взаимным непониманием, а без этого просто и семьи нет, — второго такого театра нет. Вся их общая судьба, десять лет скитаний по Европе. Очень важными были для меня эти три дня, многое я стала понимать.

Через несколько лет Театр Восьмого дня вновь позвал меня к себе, я была семь дней гостем театра. Они делали передачу о войне в Чечне и пригласили меня в ней участвовать. Я взяла у ребят все материалы, какие можно было, к поезду прибежал Олег Орлов, дал мне видеокассеты. Поезд в Познань опоздал на пять часов. И я ехала в некоторой панике: ночь, что я буду делать? Я не знаю, где театр... Мне кондуктор помог выйти на перрон. Стоят двое — Адам и девушка, — ждут. Говорят: “Мы же не бросили бы вас”. Опять же попала к своим. Я жила в одной из репетиционных комнат. Мне открыли дверь и сказали: “Пожалуйста, располагайтесь”. Большая комната, с громадным окном прямо на центр Познани, в углу гора матов, покрытая ярким лоскутным одеялом, яркая, в цветах подушка, вместо абажура разноцветные лоскуты, маленький столик и вдоль стен ведра с сиренью. Я говорю: “Ребята, вы всю сирень в Познани оборвали?” — “Нет, — говорят, — в Познани много сирени”. На следующий день я стала смотреть кассеты. Ужас этих кассет... Я думала: как Олег это снимал? Сколько надо было сил для этого? И когда я их потом показывала телевизионщикам, сама просто закрыла глаза, не могла второй раз это видеть. Оpozнание останков, оторванные головы детские — невозможно совершенно. Сквозь слезы я рассказывала им всё, что я слышала от Сашки Черкасова, от Олега, от Ковалева. И я им столько раз это рассказывала, что когда начались съемки, то я поняла, что не получается, что всё

перегорело, потому что я им всё рассказывала до этого. Я им потом сказала: “По-моему, фильм не получился”. Они сказали: “Получился очень хорошо, это вам кажется, потому что вам больно, а на самом деле всё получилось...”

В свободное от съемок время Тадеуш Янишевский, их режиссер, возил и водил меня по Познани, рассказывая всё подряд, вперемешку, жизнь и историю города, свою жизнь, жизнь друзей и близких, спроектированную на Познань.

Эва Вуйцяк возила меня в дом, который театр себе построил. Дом меня поразил. В пригороде Познани у них есть трехэтажный дом. Он стоит в большом саду. Винтовая лестница, на каждом этаже по квартире, каждый этаж окружен балконом, внизу маленький бассейн. Этот дом построил себе театр. Каждая семья имеет свою пару комнат: спальню и еще одну комнату, всё остальное — общее. Дети занимаются на втором этаже, все дети всех сотрудников, один сотрудник — дежурный — смотрит, как они делают уроки, помогает. Детские комнаты яркие, всё свое, не чужое, не то, что полагается или модно, а то, что отражает их отношение к миру. Полно игрушек везде. Внизу есть комната, где все они едят, хотят — все вместе, хотят — по очереди, там посуда, плита. Это, с одной стороны, коммуна, а с другой — полная возможность у каждого уединиться. И дети живут с родителями. Для детей они сделали бассейн. Дети целый день проводят в театре, после школы гоняют там на роликах. Грохот — целая ватага ребятишек несется по коридору наперегонки, налетая друг на друга, на артистов, но это никого не смущает, никто не кричит на них. Какое счастье, что в Польше не кричат на детей, никто их не дергает! Дети чуждые, действительно под пологом шатра балаганного рождались во время их скитаний. В Познани они построили школу для своих детей. Разборные модули для здания школы прислали финны театру в подарок. При школе есть конюшня. Театр не стремился создавать особые условия для своих детей, в этой школе учатся городские дети, которые хотят. Там работают замечательные педагоги, которых они сами подбирают и сами оплачивают. Чего стоит театральный буфет, куда каждый мог войти, съесть чего хочет и ни за что не платить.

Ощущение какого-то полудетского братства взрослых людей, очень много от детства в этом было, много от детской непосредственности, детской игры и детского обмена игрушками, обмена идеями. И мы как-то возвращались с Эвой после прогулки и увидели на углу у театра машину. Возле машины — несколько молодых людей в килтах, шляпах и с

волынками. Оказалось, группа молодых бродячих музыкантов из Шотландии разъезжает по Европе. Как здорово! Мы переглянулись и пригласили их в театр. Они сидели в буфете, ели и хохотали, а потом устроили всем присутствующим концерт.

Не было спектаклей, но они мне показывали на видео свои уличные, балаганные спектакли, где действие происходит на уровне второго или третьего этажа на канатах. Что еще нужно, чтобы в городе была радость? Посреди города устроить такое представление. И они бесстрашные совершенно, бесстрашные во всём. Они всё делают по-своему, так, как они видят, так, как они хотят, ни от кого не зависят.

Потом в Подкове-Лесной, когда была встреча диссидентов, они там тоже показали какой-то сногшибательный абстрактный спектакль. Я половину не поняла, но это было очень красиво и очень как-то изнутри — и музыка, и движения. Об идее можно было потом расспросить. И тогда была такая смешная история. Подъехал автобус, из него стали выскакивать собаки, дети и актеры. Тадеуш меня увидел, подбежал ко мне, мы обнялись, стали целоваться, другие подошли, всеобщие объятия, всеобщие поцелуи. Стоял рядом Санька Даниэль и сказал: “Вот это я понимаю — общеевропейская любовь”. Там тогда и создавался проект словаря “Диссиденты Центральной и Восточной Европы”, распределялись разделы, обсуждалась методика. Все идет как по нотам.

Никогда не было мероприятий, которые были бы в прямом смысле мероприятиями. Так или иначе, это было с искусством, обязательно с радостью, обязательно с чем-то абсолютно нестандартным. А в конце — бал заключительный. И как они все танцуют!.. Как танцевал Збышек! Как танцевала Кася! Вот они умеют, умеют так танцевать, умеют так дружить. Они умеют так работать. Все-таки совершенно потрясающая нация.

И тогда те самые, много раз повторенные мною слова сказал Даниэль, что он понимает, почему “Польша не згинела”: потому что в Польше такие женщины, что мужчины должны быть достойны их! Такую Польшу никто и никогда не покорит, ничего с нею не случится.

Потом они в “Карте” задумали гениальный проект — “Восточная Европа — общий дом, общая судьба”. Одна из идей этого проекта — обязательные регулярные двусторонние встречи историков разных стран, которые так или иначе в течение XX века были в состоянии войны, или конфликта, или взаимных претензий друг к другу: посадить поляков и

украинцев, поляков и литовцев, историков этих стран за общий стол переговоров. Я была на встрече польских и украинских историков — обсуждение болевых точек. Она продолжалась неделю. Зачем меня пригласили, я понять не могла. Я не участвовала в дискуссиях, как Никита Петров, не делала доклада. Потом Петр мне объяснил: “Мы хотели, чтобы ты отдохнула. А почему нет? Кроме того, за обедом ты садишься то за один столик, то за другой, то с поляками, то с украинцами, — и они начинают улыбаться. Вот это нам от тебя надо — ты мирить умеешь”. В конце концов ведь договорились, были составлены какие-то документы. Был прощальный банкет, и уже как-то волками друг на друга не смотрели. Это нужно делать постепенно, медленно. Без того, чтобы всё не проговорить друг другу, сидя за одним круглым столом, никакая новая Европа, никакая новая политика, никакая новая идеология не могут возникнуть, пока остается в каждой стране, в каждом народе ощущение претензии к соседям и чувство обиды. И до тех пор, пока мы не скажем всю правду друг другу, всю до конца, нельзя ни до чего договориться. Наш “Мемориал” подхватил это с большой радостью, но главная роль была у поляков. А России бы разобраться самой с собой. Но она же не собирается вообще ни в чем разбираться. А пока не разберемся, ничего же не будет. Тем более что это накапливается день за днем по новой. Поэтому у меня есть ощущение того, что поляки работают над всем этим как-то, они пытаются вылезти, выйти из прошлого и понять это прошлое, а Россия не пытается ни в чем. Поэтому у них есть какая-то надежда, а у нас — никакой.

Сколько споров у них сейчас идет о люстрации... Но я до сих пор считаю, что мы правильно сделали, что от люстрации отказались. Люстрацию нужно было проводить в каких-то рамках, которые в России никогда невозможно установить. В стране, где было восемнадцать миллионов партийцев, одна часть страны не может судить другую.

— Антисемитизм, который приписывают полякам, вам никогда не мешал?

— А что, здесь он мне мешает? Чем здесь лучше?

Польша — единственное место, где, как я понимаю, я могла бы жить. Когда я ездила в Польшу — я вообще много ездила от “Мемориала”, — меня спрашивали: “Зачем ты возвращаешься?” Я помню, как-то раз нас с Витей Булгаковым так спросили. Хорошо помню, что мы ответили: “Нам уехать сейчас из России — все равно что уйти от умирающей матери”. Можно уезжать из благополучной страны, там будет хорошо и без тебя, и всё прекрасно. А уезжать из страны, где очень плохо,

нельзя, невозможно. Уехать отсюда я все равно не смогу, но жить я там могу.

Нет, у меня никогда не было чувства национальной обиды. Нельзя себе позволить уходить в это, потому что мир куда шире. Я родилась в России, живу в России, я еврейка, я никогда от этого не отказывалась. Кстати, я выросла в семье, где говорили на идише. И для меня русский язык не родной, для меня родной — идиш. Я начала говорить по-русски в школе, во дворе. И все-таки у меня ощущение, что я русская из России.

— А что есть в поляках такого, что им позволяет делать то, что они делают? Что им дает возможность действия?

— Ощущение единства. Это у маленьких наций, конечно, легче, чем у большой.

— Чего нам не хватает, вам не хватает из того, что есть в поляках?

— Вероятно, ощущения правоты. Когда борются за свою страну, они правы. И эта правота у них в каждом есть. У них есть сознание того, что они правы, они борются за свою страну, за свой народ.

А у нас нет ощущения правоты, потому что всё, что мы делаем, каким-то образом оборачивается не только против нас — против всех остальных.

1991 год. Господи, более счастливых дней, чем те три дня, чем дни, когда ясно было, что победа, больше не было! Кстати, те три дня в августе у меня тоже оказались связаны с Польшей. Арсений велел мне сидеть дома на связи, потому что мой телефон всем известен. Я сижу на телефоне и узнаю, что готовится штурм Белого дома. И вдруг звонит Томаш и кричит в трубку: “Вся Польша с вами! Мы с вами! Польша не спит, во всех окнах горит свет. Не опускайте руки! Мы боролись десять лет и победили. Вы победите обязательно!...” Я заплакала, и ужас отчаяния ушел.

Но мы же всё потеряли, у нас же всё ушло из рук. Мы же ничего не смогли. А сейчас что? Сейчас мы не правы во всём. Мы не правы прежде всего в том, что дали отобрать у нас всё, дали повернуть страну вспять, и теперь стыдно за каждый ее шаг. Нет ощущения, что ты здесь можешь сделать то, ради чего, извиняюсь за громкие слова, и умереть не страшно и не стыдно было бы.

— Нет ощущения страны?

— Нет ощущения страны, есть ощущение стыда.

Когда началась эта истерия с грузинами, у меня было такое чувство, что меня душат, у меня удавка на шее. Мне дышать было нечем. От стыда. Мне говорят: “Ну, это же делаешь не ты”. Что значит “не я”? Я здесь живу. Это делается у меня на глазах, значит, я в этом виновата. Мы на самом деле виноваты во всем, что у нас делается. Да, мы не молчим. А что мы делаем? Говорим? И кому от этого польза?

Ощущение стыда и беспомощности. А у меня тем более — мне много лет. И у меня просто не остается времени, чтобы суметь что-то изменить. Я так и уйду гражданкой вот этой страны, которая может устраивать этнические чистки, которая может расправляться с политическими противниками, как с Аней Политковской или Литвиненко. Просто очень стыдно.

И перед поляками стыдно особенно, потому что мне кажется, что они бы нашли, что делать, если бы вот так было, как у нас.

Беседу вела Татьяна Косинова.

Записано в Москве, 2006–2007

СИЛА БЕССИЛЬНЫХ

Оппозиционные движения в бывших коммунистических странах явили свою общность лишь тогда, когда перестали существовать

“Я не поддался тогда надежде, / что те поездки изменят что-то, / скорее думал: опять, как прежде, / мы приземлимся там, за решеткой”, — пел польский бард Ян Кшиштоф Келюс (“Баллада о шоссе Е 7”, пер. Н.Горбаневской), вспоминая первые дела Комитета защиты рабочих: экспедиции на помощь рабочим Радома, преследуемых после демонстраций июня 1976 го. Эти слова я вспоминал, читая (словно роман) 1600 страниц двухтомного “Словаря диссидентов”, составленного совместно московским “Мемориалом” и варшавским центром “Карта”. Трудно придумать более меткий эпиграф к движению, которое один из его лидеров, Вацлав Гавел, назвал силой бессильных.

Ибо идеей оппозиционных кругов было бескорыстное желание помогать гонимым и расширять границы свободы — не только без всякого стремления к почестям и наградам, но еще и без надежды на успех (государственные награды, врученные недавно польским президентом участникам общественных протестов марта 1968 го, — это хороший конец, какой не часто случается в истории). И обычно без поддержки более широких общественных слоев; временами — прямо при их неприязни, порожденной страхом, что действия против властей приведут к закручиванию гаек.

Теперь свыше трехсот бывших оппозиционеров дождались отдельных статей в “Словаре диссидентов”, который подготовила международная команда из нескольких десятков историков и бывших сопротивленцев. По замыслу создателей, в словаре должно было содержаться втрое больше биографических статей, но на осуществление этого замысла попросту не хватило денег. Впрочем, пока что словарь вышел в свет только в Польше, а в остальных странах бывшего соцлагеря он все еще продолжает дожидаться лучших времен. (Русское издание словаря уже готовит тот же польский центр “Карта”. — Ред.)

Читателя могут несколько удивить критерии отбора героев, но, как разъясняет редактор этого труда проф. Ежи Кохановский: “Одно дело — сопротивление в Болгарии, где в качестве оппозиционного поступка квалифицировали согласие

напечатать сборник стихов какого-нибудь политически подозрительного поэта, и совсем другое — в Польше, где с 1976 г. оппозиция действовала практически явно (...). А потому понятны как случаи серьезных сомнений, действительно ли предложенное лицо удовлетворяет критериям „диссидентства”, так и необходимость вычеркивать заслуженных оппозиционеров из списка, длина которого значительно превосходила лимит, выделенный на ту или иную страну, а то и, наконец, — в исключительных случаях — трудности с поисками в той или иной стране хоть каких-то кандидатур”.

К любому столь гигантскому предприятию можно придраться. Но полезнее задуматься, какую пользу оно несет. Для меня лично одним из наиболее важных проявлений этой пользы стало здоровое чувство стыда. Стыда за то, что, живя несколько десятков лет при том строе и считая себя политически и исторически сведущим, я в сущности оставался невеждой — ничего не знал о судьбах людей, которые жили в странах той же самой системы. Разумеется, Солженицын, Гавел, Джилас — эти фамилии были известны. Но уже название города Блейберг близ границы Югославии и тогдашней английской оккупационной зоны Австрии ничего мне не говорило. А ведь там англичане выдали югославским коммунистическим властям 200 тыс. беженцев, которых режим Тито затем почти всех перебил. Не знал я и о другом балканском курьезе: что первым в Югославии диссидентским движением стало выступление албанских коммунистов из Косова, пытавшихся бороться с тем же Тито во имя верности идеям Сталина. Не отдавал я себе отчета и в том, что советизации Литвы сопротивлялись главным образом священники и католические активисты. Мое незнание судеб Румынии так велико, что я по-прежнему не в состоянии достоверно решить, каким был режим в этой стране — таким садистским, как это многие годы гласила молва, или таким относительно идиллическим, как это можно вывести из румынской части “Словаря”.

Пожалуй, я не ошибаюсь, полагая, что отнюдь не одинок в Польше в этом невежестве. Откуда же оно взялось? Думаю, из двух с виду взаимно противоречивых свойств нашего мышления: полоноцентризма и восторженной увлеченности Западом. Сильнее всего нас интересовала — и это понятно — наша собственная судьба, тогда как точкой отсчета и центром устремлений выступал Запад, а не какие-нибудь там молдаване или крымские татары.

Но “Словарь диссидентов” позволяет нам осознать нечто большее. А именно: вопреки его названию и нашей точке зрения на мир — во времена Комитета защиты рабочих и “Архипелага ГУЛАГ” ничего такого, как единое и сплоченное диссидентское движение, в коммунистических странах не существовало. Была мозаика всевозможных устремлений, опиравшихся на самую разную почву: религиозных, этнических, экономических, свободолюбивых, — которые мы воспринимали как единство только потому, что все они были направлены против коммуны. А на самом деле больше общего у бывших диссидентов — как раз сегодня. Потому что хотя некоторые из них — например Лех Валенса или Вацлав Гавел — после свержения коммунизма сыграли в своих странах ключевые роли, но к большинству остальных судьба оказалась менее благосклонной. В лучшем случае новые верхи столкнули этих людей на обочину общественной жизни; в худшем — они не нашли себя в новой действительности, пополнив ряды политических чудаков и экстремистов. На смену моралистам пришли прагматики. Или же — снова ссылаясь на слегка парафразированные слова Яна Кшиштофа Келюса (из песни “Сентиментальная панна С.”) — со сцены исчез длинноволосый парень, а его место занял чиновник.

Словарь диссидентов. Ведущие личности оппозиционных движений в коммунистических странах. 1956–1989. Издатели: Фонд центра “Карта” и Дом встреч с историей. Координация и редактирование текста в целом: Александр Даниэль, Збигнев Глюза. Варшава, 2007.

Каждая часть, посвященная конкретной стране, содержит введение — общую характеристику движения с библиографией, календарем событий, глоссарием (словарем группировок, явлений, изданий) — и биографические статьи.

Виктор Язневич

СТАНИСЛАВ ЛЕМ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

Очень личное

Из произнесенного поздравления на 80-летие Станислава Лема (торжественный вечер “Cybernetic Party” состоялся 11 сентября 2001 г., но в связи с произошедшими в США террористическими актами программа вечера организаторами была существенно сокращена):

„Уважаемый пан Станислав! Уважаемые господа!

С вашим творчеством, пан Станислав, я познакомился 30 лет назад, и с тех пор оно постоянно мне сопутствует в жизни. Сам я из Белоруссии, но польский язык знаю с детства, поэтому имел возможность читать ваши произведения в оригинале – еще до публикации переводов на русский язык. Когда я закончил среднюю школу, на меня самое сильное впечатление произвел рассказ “Профессор А.Доньда” – из этого рассказа я в первую очередь почерпнул Закон Доньды: “То, что может сделать малый компьютер, имея большую программу, может также сделать большой компьютер с программой малой; отсюда логический вывод, что бесконечно большая программа может выполняться сама, т.е. без какого-либо компьютера”. То есть главное – ПРОГРАММА. Воспринял закон так глубоко, что решил стать программистом. И стал им, закончив соответствующий факультет Белорусского университета. Более того, даже защитил в Москве кандидатскую диссертацию в этой области. В 90-е годы в журнале “PC Magazine po polsku” вы, пан Станислав, опубликовали цикл эссе, посвященных компьютерам и информационным технологиям. А так как переводов этих эссе на русский язык я так и не дождался, то решил сам это сделать: пусть уж лучше будут мои – любителя – переводы, чем не будет никаких. Потому что каждое такое эссе – это фактически научная работа, фактически готовая тема для научной диссертации в области связанных с компьютерами наук.

Поэтому я решил, что гораздо большую пользу принесу миру (русскоязычному), если донесу до него идеи Станислава Лема. Мои переводы, а точнее ваши, пан Станислав, идеи, были замечены в русскоязычном мире, очень многие начали на них ссылаться, в том числе в чисто научных работах. Ну а я продолжаю переводить другие ваши философско-публицистические работы.

Пан Станислав, вы горды тем, и совершенно заслуженно, что ваше имя появилось в немецкой философской энциклопедии. Но уже не только в немецкой, а еще и по-русски. Вот в руках я держу “Новейший философский словарь”, изданный на русском языке в Минске, в котором есть статья “ЛЕМ”, а тем самым и признание писателя философом...”

К сожалению, выступление по указанной выше причине не состоялось, но информация была доведена до пана Станислава в письмах, а книга была вручена ему лично с соответствующими комментариями. И, судя по всему, этот подарок ему понравился, ибо о нем он упоминал в своих интервью и написал о ней через несколько лет в одном из своих “Сильвических размышлений” (№СХХХ, “Одра”, 2004, №3): “Я хорошо знаю, что в нашей стране считаюсь автором нескольких книг из области научной фантастики. Но как-то странно получилось, что за границами Польши я выступаю не как литератор, а как философ. Например, как аналитический философ я фигурирую на странице 362 в „Новейшем философском словаре”, изданном в России, и единственное неудобство мне там доставляет сосед, потому что затем в словаре рассматриваются философские труды хорошо известной личности, каковой был Ленин”.

Добавлю, что и в других энциклопедиях, изданных в России в последние годы, Станислав Лем фигурирует как философ, впрочем, и как культуролог в энциклопедии “Культурология” и социолог в энциклопедии “Социология”.

Отцензурированный голос (1955–1986)

Первые переводы произведений Станислава Лема на русский язык были опубликованы в СССР в 1955 г.: “ESID” и “Путешествие 22-е” из сборника “Сезам” и фрагмент из “Астронавтов”, а в 1957-м – первая книга “Астронавты”. Ну а в 1960 г. со сборника “Вторжение с Альдебарана” началось триумфальное проникновение творчества Станислава Лема. Очень быстро в 1960-е были изданы “Магелланово облако”, “Звездные дневники”, “Рассказы о пилоте Пирксе”, “Возвращение со звезд”, “Эдем”, “Солярис”, “Непобедимый”, “Сказки роботов”, “Кибериада”, “Сумма технологии”, “Высокий замок”. В 1970-е появились “Глас Господа”, “Абсолютный вакуум”, “Мнимая величина”, “Насморк”. Произведения С.Лема попали на благодатную почву, подошли к месту и ко времени. Тогда в Советском Союзе, в условиях жесткой коммунистической пропаганды, были ограничения во многом, в том числе и в доступе к современной западной литературе, но произведения писателей из социалистических

тогда стран, если в них не содержалось чего-нибудь критического, переводились на русский язык и издавались большими тиражами. И первые научно-фантастические романы и рассказы Станислава Лема как нельзя лучше подошли для тех времен. Не случайно ведь в аннотации на “Магелланово облако” подчеркивалось, что глава “Коммунисты” – самое сильное место в романе. Так Станислав Лем открыл себе дорогу к советским читателям. А то, что после 1956 г. Станислав Лем во многом изменил свое мнение о будущем развитии человечества и уже больше не писал такие утопические романы – так это в СССР не было большой проблемой: об изменении взглядов можно было не упоминать, не обязательно нужно было всё переводить, да и цензура свое дело знала хорошо. И обрезались тексты, например “Солярис”, а “Глас Господа” вообще был сокращен на треть и опубликован под названием “Голос неба”. А в предисловии, послесловии и комментариях к “Сумме технологии” (тоже подвергнувшейся цензуре) читателям были разъяснены идеологические ошибки. Но это, к счастью, не помешало “Сумме” стать настольной книгой для многих ученых и инженеров.

Высококласная литература, выходившая из-под пишущей машинки Станислава Лема, разнообразие стилей, которые он демонстрировал, недоступность подобной литературы западных авторов привели к тому, что для очень большой группы советских читателей он стал любимым писателем. Эту группу составили студенты, инженеры, научные работники самых различных специальностей, но, конечно, в первую очередь представители естественнонаучных специальностей. Можно сказать, что в то время для советских читателей Станислав Лем был “лучом света в темном царстве” – в какой-то мере своим творчеством он компенсировал недостающее в литературе.

Пользуясь тем, что тогда в СССР фактически не существовало и понятия об авторском праве (закон о защите авторских прав был принят только в 1973 г., но от его принятия до реального действия – длинный путь), многие любители, более или менее знающие польский язык, принялись переводить произведения Станислава Лема. В списке переводчиков – 82 фамилии, рассказы, романы и их фрагменты публиковались в 89 периодических изданиях, книги вышли 25 изданиями.

В 60-е годы Станислав Лем несколько раз посещал Советский Союз; об этих посещениях он сохранил самые теплые воспоминания, ибо нигде больше его так сердечно не принимали – что называется, “носили на руках”. Об этом он

сам достаточно подробно рассказал в беседах со Станиславом Бересем, опубликованных первоначально в журнале “Одра”, а затем в издательстве “Выдавництво литерацке”, с Томашем Фиалковским (“Мир на краю”) и некоторых статьях (например, в “Сильвических размышлениях”, XVIII, “Одра”, 1993, №11). При этом следует отметить, что Станислав Лем очень хорошо знал русский язык, что еще больше сближало его с русскими читателями во время встреч с ними. С русскими и говорящими по-русски журналистами он также беседовал преимущественно на русском языке, а таких интервью опубликовано около 70-ти. Я слышал о людях, давших имя Станислав своим сыновьям именно в честь Лема.

Популяризации творчества писателя способствовала экранизация его произведений, особенно известный фильм “Солярис” (1972) Андрея Тарковского. После 1980-го – из-за событий в Польше и в связи с выездом самого Станислава Лема в Западный Берлин, а затем в Австрию – на публикации новых переводов Лема был наложен негласный запрет. Из новых переводов был только один – “Провокация”, опубликованная на русском языке в 1984 г. в Израиле.

Времена гласности (1987-1991)

В конце 1985 г. в СССР был взят курс на “перестройку” и “гласность”, и как следствие – стало издаваться много хорошей зарубежной литературы, при этом не был забыт и Станислав Лем. И хотя он уже выступал на равных условиях со всеми остальными переводимыми писателями, но не потерял высокого положения среди читателей. Произошла смена поколения переводчиков – с 1987 г. основным переводчиком стал Константин Душенко. За небольшой промежуток времени – с 1987 по 1991 г. – были переведены и опубликованы “Футурологический конгресс”, “Мир на Земле”, “Библиотека XXI века”, “Расследование”, “Осмотр на месте”, “Фиаско”, причем “Мир на Земле” и “Расследование” опубликованы в двух разных переводах. А сборник избранных произведений Станислава Лема (“Солярис”, “Непобедимый” и восемь рассказов из “Звездных дневников”) в 1988 г. был издан разовым тиражом 600 тысяч (!) экземпляров. В советское время отдельные произведения издавались также на латвийском, литовском, эстонском, армянском, украинском, белорусском, грузинском, молдавском языках.

В новой России (1992-2000)

Распад СССР для издательской деятельности в России прошел безболезненно. При этом был наведен порядок с авторскими

правами: в 1993 г. вступили в действие защищающие их законодательные акты. Издательством “Текст” были приобретены авторские права на издание произведений Станислава Лема, и для реализации этих прав было принято решение издать десяти томное собрание художественных произведений Лема. Для этого Собрания сочинений специально были переведены романы “Больница Преображения”, “Рукопись, найденная в ванне”, а кроме того Константин Душенко выверил все тексты, перевел фрагменты произведений, сокращенные при переводе или вырезанные цензурой, сделал заново переводы некоторых рассказов. В результате за 1992–1996 гг. вместо десяти вышло тринадцать томов: 12 – с художественными произведениями (в каждом томе по два–четыре романа) и 13-й – “Сумма технологии”. Дополнительно в серии “Классика приключений и научной фантастики” издательств “Текст” и “ЭКСМО” в 1997–1998 гг. вышло еще десять томов с художественными произведениями Станислава Лема, при этом впервые был опубликован роман “Человек с Марса”. В это же время был опубликован также ряд научно–публицистических статей.

Таким образом, к концу XX века завершился перевод и издание на русском языке всех художественных произведений Станислава Лема (за исключением 2-го и 3-го тома из трилогии “Неутраченное время” и отдельных ранних рассказов – впрочем, Лем не давал разрешения на их перевод).

Non fiction и аудиокниги (XXI век)

Но оставались еще непереведенными научно–философские монографии и статьи Станислава Лема. При этом научный мир был хорошо осведомлен об этих работах: был опубликован ряд фрагментов, во многих научных работах на них уже давно ссылались – все–таки книги были доступны на польском языке в библиотеках, а во времена СССР – и в специальных книжных магазинах “Дружба”, где можно было даже заказать книги из социалистических стран. Поэтому должен был появиться, в первую очередь, энтузиаст–издатель и, конечно, энтузиаст–переводчик, потому что такого рода литература не может принести большую финансовую прибыль. Таким переводчиком оказался ваш покорный слуга, который с 1999 г. переводит и публикует в периодических изданиях научно–публицистические статьи Станислава Лема, став их основным переводчиком, а также статьи о его творчестве.

Что касается издателя... После пика популярности Станислава Лема в 1960–1970–е прошло много лет. Его поклонники повзрослели, но при этом, что очень важно, многие стали

руководителями – в том числе руководителями редакций издательств и периодических изданий. Естественно, что у этих руководителей остались воспоминания прежних лет. Когда я предлагал различным редакциям статьи Лема – везде в руководстве находились люди, которые с воодушевлением воспринимали предложение и сами же были очень рады, если статья им подходила по тематике. И с удовольствием публиковали. За это время я перевел и опубликовал на русском языке в России, Белоруссии и на Украине полностью или частично около 150 статей, что составляет более половины всех статей Станислава Лема, опубликованных на русском языке. А таким издателем и одновременно поклонником творчества Станислава Лема оказался нынешний главный редактор крупнейшего в России московского книжного издательства “АСТ” (“каждая пятая книга России!”) Николай Науменко. Еще в начале 1990-х он засветился как один из победителей конкурса знатоков творчества Лема. Издательство “АСТ” приобрело авторские права на произведения Станислава Лема – как на ранее опубликованные по-русски, так и на еще не переведенные.

С 2002 г. издательство “АСТ” начало издавать новое, самое полное Собрание сочинений Станислава Лема. К настоящему времени уже издано 16 томов (а каждый том – это 700–800 страниц текста), включающих все художественные произведения, “Сумму технологии”, а также – впервые на русском языке – монографии “Фантастика и футурология”, “Диалоги”, “Философия случая”, сборник “Молох” (“Тайна китайской комнаты”, “Мегабитовая бомба”, “Мгновение”, ряд статей и рассказов, написанных начиная с 1996 года), а также книгу-интервью Станислава Береса “Так говорил... Лем” с дополнениями – тремя интервью Станислава Лема, данными им по-русски. В переводе еще находится сборник “Мой взгляд на литературу” (с дополнениями из “Письма, или Соппротивление материи” и из “Сильвических размышлений”). В плане – под условным названием “Дилеммы XXI века” – сборник статей с футурологическим уклоном, опубликованных писателем в польских периодических изданиях в основном уже в XXI веке. Книга задумывалась еще при жизни писателя, он был не против, попросил прислать ему предполагаемое содержание сборника, но, увы, не успели... Таким образом, в ближайшее время будет завершено издание на русском языке полного собрания сочинений писателя. Из переводчиков особо следует отметить Евгения Вайсброта, который все время был верен Станиславу Лему; его переводы появились уже почти пятьдесят лет: начиная от “Испытания” (1959) из “Рассказов о пилоте Пирксе”, “Возвращения со звезд” (1965) и “Высокого

замка” (1969) во времена СССР, через “Мир на Земле” (1988) во времена “перестройки” и заканчивая “Человеком с Марса” (1997) и вторым томом “Фантастики и футурологии” (2004) уже в новой России.

И хотя сейчас тиражи книг небольшие (3–5 тыс.), но после реализации партии осуществляется допечатка, поэтому отдельные тома уже вышли тиражами по 15 тыс. экземпляров. Кроме собственно Собрания сочинений, в издательстве “АСТ” книги Станислава Лема публикуются в сериях “Philosophy” (Станислав Лем застал несколько таких книг и был очень удовлетворен, что его книги выходят под обложкой с такой надписью, причем включая и сборник всех апокрифов “Библиотека XXI века”), “Золотой фонд мировой классики”, “Золотая библиотека”, “Золотая библиотека фантастики”, “Библиотека мировой фантастики”, “Мастера”, “Внеклассное чтение”, “Подарочная”.

В последнее время большой популярностью, особенно среди автомобилистов, пользуются аудиокниги на компакт-дисках. Издано уже более 10 аудиокниг с беллетристической писателя. Книги можно купить в США, Канаде, Израиле, Австралии и других странах, информация о них публикуется в русских периодических изданиях разных стран – все-таки много читающих по-русски людей разъехалось по миру из СССР и России за последние десятилетия, и многие из них остались поклонниками творчества Станислава Лема.

Шаг в сторону

Всем известно, что выдающийся писатель Филип Дик в 1970-е писал доносы в ФБР на Станислава Лема, предполагая, что за Лемом стоит целый комитет, деятельность которого направлена на подрыв устоев США. Одним из аргументов было утверждение, что не может один человек писать столькими различными стилями. Но что бы Ф.Дик сказал, если бы в своей аргументации он додумался до следующего: что “St. LEM” – как подписывался писатель – это не имя-фамилия человека, а псевдоним, образованный от начальных букв фамилий основных фигурантов коммунизма: Сталина, Ленина, Энгельса и Маркса (по-английски Stalin, Lenin, Engels, Marx), портреты этой четверки (в указанной последовательности справа налево) в 40-х и начале 50-х – начале творчества Станислава Лема – можно было увидеть где угодно: на многочисленных плакатах, почтовых марках и открытках, в Москве даже был “Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина”. И, кроме того, название самого известного романа С.Лема “SOLARIS”, если переставить буквы, преобразуется в “SL.ROSIA” (“SL” – это, безусловно,

“Stanisław Lem”) или “L.ROSSIA” (по-русски: “СОЛЯРИС” = “Л.РОССИЯ”), где “Л” может обозначать многое: от “Лем” до “люблю”. Ну разве в связи с вышеуказанным Ст. Лем может быть не популярным в СССР (России)!?

Феномен Станислава Лема

По общему объему изданных произведений на русском языке Станиславу Лему нет равных среди польских писателей за все времена. Всего издано около 120 книг общим тиражом свыше 7 млн. экземпляров. Опубликовано полностью или частично более 250 его статей (а это не менее 10 млн. экз. периодических изданий), в том числе некоторые – только по-русски.

Опубликовано более 300 статей о его творчестве, первая из которых – в 1955 г. в Минске об “Астронавтах”. Опубликовано более 130 интервью с ним (оригинальных и переводов). А уж количество ссылок на его произведения и его героев не поддается подсчету, цитаты из произведений можно найти в самых неожиданных местах. Изданный в 2004 г. в Минске “Польско-русский фразеологический словарь” проиллюстрирован 160 фразами из произведений Станислава Лема. Существуют десятки сайтов на русском языке, посвященных его творчеству, несколько специальных Интернет-форумов. К юбилеям проводились специальные конференции. Вот и в этом году, к годовщине его ухода из жизни, в Самаре проводится посвященная его памяти научная конференция “Фантастика и технологии”. В плане издательства “Книжный дом” (Минск) на 2008 г. в серии “Мыслители XX века” имеется книга “Станислав Лем”.

Феномен Станислава Лема в русскоязычном мире очень хорошо подтверждает заочное интернет-интервью, организованное в начале 2006 г. российским порталом InoSMI.ru (который оперативно публикует переводы самых интересных статей из зарубежных периодических изданий). После публикации переводов нескольких статей Станислава Лема из “Тыгодника повсехного” и его интервью журналу “Пшеглёнд” русскоязычным интернавам было предложено задавать вопросы самому Лему. И с 17 января по 20 февраля 2006 г. со всего мира было получено почти 300 писем с вопросами. Много писем было просто с благодарностью. Лейтмотив всех писем: большое спасибо за творчество, за великолепную литературу, за произведения, которые заставляют думать, на Ваших книгах выросли мы и наши дети, и будут расти наши внуки... К сожалению, Станислав Лем ознакомился только с частью этих писем. Но можно также сказать, что, к счастью, он успел ознакомиться с ними. В феврале 2006 г. “Тыгодник

повседневный” опубликовал статью Лема “Голоса из сети” (датирована 9 февраля, см. также “Новая Польша”, 2006, №4), которая оказалась последней из написанных им и в которой он с удовлетворением рассказал польским читателям об отношении русских читателей к нему и его творчеству. Остается поблагодарить организаторов этого мероприятия за то, что они донесли до писателя в концентрированном виде благодарность от читателей за все, что и как он успел сделать в жизни. Это оказалось очень символичным и сделанным вовремя. Очень надеюсь, что Станислав Лем покинул нас удовлетворенным своей работой и тем, как она оценена в мире (хотя в этом он не очень-то признавался).

Вместо справки об авторе приведем фрагмент из его письма нашему редактору:

„Еще раз спасибо за журнал.

В нем меня очень интересуют материалы о Катыни. Дело в том, что я сам (мои родители) из Западной Беларуси: люди жили, а границы перемещались, поэтому все события 1939–1941–1944 гг. прошли через них. Конкретно мой отец войну 1939–го встретил, будучи на сборах в польской армии под Гдыней, оборонял какой-то мост, потом отступал вместе с польской армией, а потом где-то под Ровно был взят в плен уже советской армией. Находился в лагере в Козельске – именно в том лагере, который завершился Катынью. Но так как отец не был офицером, а только капралом, и его родная деревня Язны (100 км к северо-западу от Минска) в 1939 г. отошла в пользу СССР, то его в 1940 г. отпустили домой. И все равно катынские события он всегда воспринимал очень близко к сердцу, да и правду о них я узнал от него. На этом его история не закончилась. В 1941 г. он по призыву не пошел в советскую армию (события 1939–1940 гг., репрессии коснулись и его семьи), а остался на оккупированной территории. Жил–работал в деревне. В 1944 г. был призван в Армию Крайову, но в боевых действиях не участвовал и не ушел с АК на Запад (к тому моменту уже был женат, была дочь – моя сестра). За это советской властью был осужден как изменник Родины. Получил минимум – 10 лет, которые провел на золотых приисках в Якутии в районе Верхоянска. Выжил. В 1955 г. вернулся, после чего я и появился (1957). Сколько себя помню, в 1960–1970–е у него основной радиостанцией была Би-Би-Си, а в ней передачи “Глядя из Лондона”, слушал также “Свободную Европу” и “Свободу” (в Гродно что-то прорывалось сквозь глушилки, а вещание на польском языке не глушилось). Так что в детстве я получил некоторое антисоветское воспитание. И правду о событиях 1968 г. я знал от него. Во времена СССР он мне говорил, что моя столица – не Москва, а Варшава. С нынешней столицей –

Минском – согласился. Много чего он мне рассказывал. К сожалению, уже умер (1914 г.р.)”.

Лешек Шаруга

БЛОЖЬ

* * *

у тебя на (мертвом)
языке капли слюны след
кислоты дезоксирибонуклеиновой
он приведет к именам предков
троп-тропку покажет
к (пересохшим) ключам
речи кто ты есть
откроет как тебя (по правде)
звать откуда твой род как
про(вы)говорился он что за
корни-клубни у твоего
небытия (бытия)

* * *

язык остёр себя ради а она
ради тебя ради меня
корень так-так до дна до ДНК!!!
без устали в ней бритвочка
чик чик и снова так-так мрак
шаг в шаг раз раз мне глаз
язык речь твою полосует

* * *

в д р у г е х nihilo мир

как пить

Бог

от души посмеялся

н и г и л и з м

сотворенья

* * *

обморочена речь

морокой нарочно насквозь

на ветер брошена кость-ось

выморочен голос за-

мер сорвался в то

блужданье от и до

истоков наших рек и рёк

и повторяет мне прочь прочь

* * *

подговариваю бог говорит

мир но вот говорит что

забавно говор его

заговóр о! о!

затор себя собой

норки-отговорки

даже после порок

сборок и разборок

* * *

слово на волос в совьих

ловах в голос выло

слови славь его висла о
весло соловей и колос
речи ночной до дна ДНК
до дня до подаянья

* * *

нема речи речь нема
отречение от реченья
заговор слов
слов заговóр
договор приговор

* * *

всё в ничто в розу
на ухо на око а ты
простерся наскрозь
ко звездам во
млеко ночи насмерть
наспех напрасно на-
всегда на убой на что
мне то и что потом око-
ло на ухоло шепотом

* * *

пепел слов прописных
в прах веками день
ночью в свист звезд
речи вяз-вязь в дубах вязнет
а сусанна и анна полу-

провидят (норвидят) удел так малевич
башню стихам возвел в лазури

* * *

Культура — эхо. Но
эхо чего? Что тут
повторяется, что
тут затихает?
Тут. Посреди шума
жизни. Тут. Посреди
псевдоморфоз
пустопорожних.

Перевод Игоря Булатовского

ПОЭТ В СЕТИ

Как выглядит современная поэма? Может, именно так, как “Бложь” Лешека Шаруги. Это некое целое, и в то же время и не целое, ибо состоит из 222 пронумерованных фрагментов, ни один сюжет не находит концовки и читатель может его сам себе додумывать, спорить с автором, комментировать. Он призван к этому уже самим заглавием: странное, несуществующее слово *blog*, в котором сошлись интернетный блог и выдумки фантазера^[1]. Таких языковых игр найдется в книге Шаруги немало. Это игры, раскрывающие неожиданное родство слов (сразу встает вопрос: только ли слов — а может быть, и вещей самих по себе?), а еще — игры на чисто звуковом абсурде, почти как у дадаистов. И опять встает вопрос: что́ это — всего лишь забава, упоение звуком или же речь идет о глубоком ощущении абсурдности мира? Или, шире, о неясности вселенной, раз на обложке книги мы видим фотографию космической туманности; впрочем, нет уверенности, что это не снимок человеческого сердца. Космос или микрокосм? Сегодня человек способен увековечить на пленке и то, и другое.

Но “Бложь” построена не только на языковых играх. Шаруга пишет регулярным, рифмованным стихом, иногда — языком литературоведа, вставляет публицистические фрагменты. Рядом со своими стихами он переводит то, что ему понадобилось, — то Йоханнеса Бобровского, то Наталью Горбаневскую.

Шаруга играет на множестве инструментов. Он использует точные цитаты из классиков, преобразует их, подражает, передразнивает. Он утверждает, что не боится влияний, что искусство — это повторение, эхо. А если мы захотим узнать, от какой печки он танцует, поэт подсовывает нам отмычку: поэма снабжена именным указателем.

В “Бложь” переплетаются разные мотивы. К самым выразительным и контрастным я причислил бы присутствие мифа (сарматского происхождения поляков, вымершего племени язвигов) и злободневных событий, сопутствующих процессу письма, словно взятых с информационного интернет-портала.

И в то же время “Бложь” — это что-то вроде современного трактата об искусстве, о поэзии. Речь идет не только о том, что

в какой-то момент образчик дадаистической игры слов сопоставлен с “Искусством поэзии” Горация. Прежде всего это достигается благодаря присутствию в разных частях поэмы поэтов и художников XX века: Йоханнеса Бобровского, Казимира Малевича, Геннадия Айги. Они становятся партнерами в разговоре о творчестве, о смысле занятий литературой, а откровенно говоря — о месте человека в мире.

Этот последний вопрос — один из ведущих мотивов “Бложи”. Поэтому в последней записи, на этот раз опираясь на авторитет редактора парижской “Культуры”, Шаруга пишет: “И знаю, что Гедройц понимал: поэзия — это то, что важно для общества”.

Такая декларация становится актом отваги во времена неверия в силу слова и смысл общественной деятельности.

L. Szaruga, Blag. Miniatura, Kraków, 2008.

-
1. При обсуждении с автором и переводчиком вопроса о том, как перевести заглавие книги “Blag”, Лешек Шаруга объяснял: “...это такая игра слов: blog — это блог, дневниковые записи в Интернете; blaga — вранье, но не слишком всерьез, такое „разукрашивание мира”. On blaguje = привирает, преувеличивает, прельщает, лапшу на уши вешает. Blag — это такое повествование, которое спотыкается о язык. Ну не знаю... нравится мне слово, которое я сам себе придумал”. Игорь Булатовский, на наш взгляд, точно сохранил оттенки этого неологизма: в слове “бложь” — и “блог”, и “блажь”, и тоже с перестановкой “о” и “а”, как в оригинале. — Ред.

Я ПРОСТО НЕ МОГ УБИТЬ ТРЕПЛЕВА

— В последнее время вы поставили спектакль “Незаконченное сочинение для актера” в варшавском Драматическом, первая часть которого основана на чеховской “Чайке”, затем — “Три сестры” в Бостоне и теперь “Чайку” в Александринке. Можно ли сказать, что у вас чеховский период?

— До этого я занимался Чеховым только со студентами театрального училища. Я рассматривал Чехова как идеальный педагогический материал. В его текстах можно найти все уровни: скрытые, вытесненные чувства, мысли, которых никогда не произносят, — всю необыкновенно сложную психологическую структуру человека. В то же время эти тексты бросают вызов постановщику: в хорошем драматическом тексте всё всегда спрятано.

Тем не менее остается фактом, что я долгое время Чехова избегал: он мне казался автором слишком классичным, заезженным, отработанным. Я, помню, удивлялся, что все знаменитости, например, Петер Штайн, беспрестанно этого Чехова ставят. Мне казалось, что, несмотря ни на что, чеховский мир очень запрограммирован им самим, эти тексты как бы уже поставлены их автором. И только во время работы со студентами я почувствовал, сколько в Чехове вещей странных, сумасшедших, какой абсурд, сюрреализм он видел в человеческой природе. Чехов очень тонко проводит это через самих героев, а не через деформацию действительности — скажем, сценической действительности. Мне вдруг открылись ситуации, в которых можно идти в Чехове напролом, то есть не теми дорожками, которые были проложены им самим, а совершенно напролом, и тогда становится ясно, как он видел людей: полных деструктивных сил и в то же время полных тайны, связанной с силой мечты.

— О желании Валерия Фокина пригласить вас на постановку я слышала очень давно.

— Это правда, и давно было определено, что это будет “Чайка”. Я увидел этот театр, где пьеса была поставлена, видел то место, где в углу зрительного зала стоял на премьере Чехов, почувствовал атмосферу, в которой жила художественная элита Петербурга того времени — а ведь это всё вещи, которые

меня всегда восхищали. Но было ясно, что для того, чтобы сделать такой спектакль, потребуется несколько продолжительных поездок, а с этим всегда сложно... Тем временем я сделал “Незаконченное сочинение”, этот спектакль я считал как бы эскизом к петербургской “Чайке”, вначале я хотел сделать только первый акт чеховской драмы и соединить его с “Испанской пьесой” Ясмину Реза, которая тоже посвящена положению актера. Мне хотелось, чтобы чеховский текст как бы оборвался вместе с провалом пьесы Константина. Вообще, интересно, что фиаско премьерного показа “Чайки” было как бы вписано в самую пьесу, через провал треплевской пьесы.

— *Да, вписано парадоксальным образом, ведь Чехов отнюдь не выказывает себя сторонником Треплева.*

— Не знаю, может и выказывает.

— *Стилистически — нет.*

— Я думаю, мы слишком привыкли воспринимать пьесу Константина как нечто невразумительное. Конечно, как текст, написанный очень молодым человеком, она претенциозна. В то же самое время Чехов не приложил особых усилий, чтобы этот текст осмеять и представить как бессвязное бормотание. Я бы не удивился, если бы оказалось, что он использовал тут какую-нибудь свою собственную раннюю поэму в прозе. Думаю, что он обратился к своему собственному опыту, ответил на вопрос, какие мы художники, когда мы очень молоды и когда ощущение, что ты гениален, может быть таким сильным, что порой приносит плоды в довольно подозрительных произведениях. Что касается пьесы Константина, то можно сказать, что в этом сочинении поровну того, за что можно было бы его осмеять, и того, за что можно было бы им восхищаться. Только тогда это становится интересно. Если то, что подверглось осмеянию, издевательствам, — действительно плохо, действительно шарлатанство, это неинтересно, это сводит на нет проблему, которая действительно существует: почему зрелым, значительным людям не нравится то, что делают молодые? Это какой-то архетип: появляется молодой человек, с большими претензиями, большой амбицией — и его встречает отторжение. Когда появились спектакли Гжегожа Яжины, о них говорили как о безвкусной стряпне, халтуре, спектакли Варликовского разносили в пух и прах — почему? Ответить на этот вопрос не так уж просто.

— *В вашем спектакле нет финального самоубийства Треплева — это тоже знак вашей симпатии к этому архетипическому образу?*

— Да, ведь если бы он умер, это означало бы, что вместе с его телом умерло все то, чего он достиг, — его трофей, его жатва, его неповторимый опыт. Для меня в данный момент самый важный и самый актуальный мотив в “Чайке” — это человеческое и художественное созревание индивидуума, когда ему приходится пережить творческую неудачу. Творческая неудача как важный и необходимый жизненный опыт. При такой постановке вопроса я просто не мог убить Треплева. Это значило бы упразднить или во всяком случае ослабить этот мотив. И самоубийство мы сегодня понимаем иначе. Это тоже опыт, через который (по крайней мере, в потенциальном плане) можно пройти — и превратить его в опыт индивидуализации, так, чтобы это была твоя личная духовная победа...

— *Удалось ли вам в России встретить Треплевых?*

— В Варшаве я работаю отнюдь не с рутинерами, и все же многое, что я предлагал во время постановки “Чайки”, встречало сопротивление, при этом самых преданных и включенных в работу людей, — я назвал бы это сопротивлением рационализма. Актеры как бы боялись дозы иррационализма, когда я пытался выйти за пределы психологического анализа. Русские актеры принимали мои предложения с готовностью, открытостью и легкостью, в том числе в эмоциональном плане. Может быть, это черта национального характера, что все эти иррациональные и безумные мотивы они понимают органически. Актер не обязан понимать головой — принимает какую-нибудь совершенно сумасшедшую вещь интуитивно и рад этому: “Я это понимаю, я это чувствую!” Как если бы это уже прошло через его тело, и тут уже не о чем говорить.

— *Ваша декорация к петербургской “Чайке” отличается от сценографии варшавского спектакля — навеяна ли она постиндустриальными пейзажами сегодняшней России?*

— Отчасти да. Вообще эпоха бетона оставляет после себя невероятную массу отбросов, которые — еще немного, и будут объявлять памятниками культуры. Например, “памятниками деконструктивизма”.

— *В четвертом акте “Чайки” идет речь о том, что в саду до сих пор стоит заброшенный театр — “голый, безобразный, как*

скелет”. У вас он с самого начала заброшенный, и это диктует уже совсем другой взгляд: Треплев ставит свой спектакль действительно уже на развалинах культуры. Уже действительно всё свершилось, всё в прошлом.

— Это правда. И шок от унитаза Марселя Дюшана давно прошел.

— Как читать тогда реакцию Аркадиной и компании: это действительно всё еще реакция на новое, неожиданное или уже реакция пресыщения новаторством?

— Это вопрос, на который я не могу ответить, и хорошо, что существуют такие вопросы, что мы не можем ответить, кто тут прав. И в то же время мало что дает констатация того факта, что тут не прав никто. Я думаю, что в каждой фазе нашей жизни мы вступаем с искусством в довольно проблематичные отношения. И стоит всегда помнить, что эти отношения всегда остаются проблематичными. “Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине” — когда Чехов писал эту реплику Треплеву, то наверняка думал и о самом себе.

Беседу вела Наталья Якубова

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• Возродились “Варшавские театральные встречи”. На протяжении 35 лет (1965–2000) они были одним из важнейших событий польской театральной жизни. Из года в год здесь показывали лучшие спектакли со всей страны. Участие во встречах было особым отличием и честью для приглашенных коллективов, для многочисленных же зрителей — настоящим театральным пиршеством.

28-е встречи, организованные в этом году Театральным институтом им. Збигнева Рашевского, свидетельствуют о воскрешении славной традиции. После восьмилетнего перерыва они возродились обновленными. С 29 марта по 11 апреля на трех варшавских сценах: в Драматическом и Малом театрах, а также в театре “Студио” — зрители увидели одиннадцать самых шумевших спектаклей, поставленных театрами со всей Польши. В Варшаву привезли, в частности, спектакли Старого театра и театра СТУ из Кракова, гданьского театра “Выбжеже”, вроцлавского Современного театра и Театра им. Ярача из Лодзи. Кроме этой, наиболее традиционной части мероприятия, названной “ВТШ Польша”, зрителей ожидало много интересных событий нового типа: “Вроцлав ОФФ” — показ вроцлавских альтернативных постановок (группы “Ad Spectatores”, “Пошивочная мастерская”, “Карбидо” и театр “Песня козла”); zadara.pl — обзор творчества Михала Задары, ставшего в этом году лауреатом “Паспорта „Политики””. Спектакли сопровождались многочисленными дополнительными мероприятиями — встречами с деятелями театра в “Культурном” кафе при Драматическом театре (под девизом “Давайте поболтаем...”), образовательными кампаниями, показом фильмов и хэппенингами.

Возвращение к традиции прошло по современной, политематической формуле, как и приличествует Варшаве XXI века. Критики в основном писали похвальные отзывы. Иоанна Деркачев (“Газета выборча”) пришла к выводу, что возобновленные встречи стали не только необходимым столице зеркалом польского театра, но и организационным феноменом: “Вместе с фестивалем начали работать блог и интернет-телевидение, театральный лагерь для жителей маленьких городков и сел, аудиовизуальная образовательная инсталляция и семинар для иностранных критиков и

директоров фестивалей. Каждый вечер по радио ТОК FM передавались специальные программы”. Одним словом, реактивация прошла удачно.

- И еще одно возрождение. После тринадцатилетнего отсутствия в театр вернулся Анджей Лапицкий, один из самых выдающихся польских актеров. Склонил его к этому Ян Энглерт, предложив сыграть роль графа Шабельского в чеховском “Иванове” на подмостках варшавского Национального театра. Премьера состоялась 5 апреля.

В последний раз зрители могли увидеть Лапицкого 6 февраля 1995 г. на малой сцене варшавского “Повшехного” театра. Он сыграл тогда Радоста в поставленных им же “Девичьих обетах” Александра Фредро. Это должно было стать его официальным прощанием с театром — с тех пор он играл только в кино (в частности священника в “Пане Тадеуше” Анджея Вайды) и в Театре телевидения. Однако предложение Яна Энглерта он принял без колебаний. “Я уговорил его за один день, — сказал режиссер. — Подозреваю, что он немного скучал по сцене”.

Что заставило 83-летнего актера изменить свое мнение? Как говорит он сам, ему не хотелось быть слишком принципиальным, тем более что бездеятельность уже начала его утомлять. “Скучища. Тапки, кресло, телевизор — распри политиков или английская лига. Ну сколько же можно смотреть матч „Челси” — „Ливерпуль”? Это мое настроение экзистенциального отчаяния верно угадал Ян Энглерт: „Выйди на сцену, и все будет в порядке”. Я прочитал „Иванова”, юношескую пьесу Чехова, интригующую своими незавершенными сюжетами, и подумал: почему бы нет?” — рассказывает Лапицкий в интервью “Жечпосполитой”.

Как говорит Энглерт, ему удалось подобрать для “Иванова” идеальный состав: “Надо сказать себе ясно и открыто: в пьесах Чехова, как и Шекспира, не могут играть посредственные актеры”.

Кроме Лапицкого, воплотившегося в роль обедневшего аристократа Матвея Шабельского, в спектакле выступила целая плеяда звезд — в частности Ян Фрыч (Иванов), Данута Стенка, Анна Сенюк, Гражина Шаполовская и Януш Гайос.

Зрители пошли на “Иванова” толпами, достать билеты нелегко. Мнения критиков разделились. Как пишет в “Жечпосполитой” Януш Ковальчик, “ни в одном из спектаклей, поставленных после восстановления Национального театра, его сильный и вновь сплоченный

коллектив не показал такого художественного уровня.

„Иванов” может похвастаться целым рядом прекрасных ролей, гармонично вписывающихся в это волнующее зрелище”.

Но Иоанна Деркачев из “Газеты выборчей” в рецензии под симптоматическим заголовком “Объедки русской души” жалуется на скуку и “достоевщину” спектакля. Впрочем, к этому она прибавляет, что Анджей Лапицкий, “выходя на сцену, сразу же вносит отстраненность, графскую развязность, горький юмор. Он просто есть. И сразу становится интересно”.

• Изабелла Цивинская стала художественным руководителем варшавского театра “Атенеум”, сменив скончавшегося в марте этого года Густава Холоубека. Она известна как выдающийся режиссер и директор польских театров. Цивинская возглавляла театр им. Войцеха Богуславского в Калише и Новый театр в Познани. Она успешно осуществила постановку художественного сериала “Божья подкладка”. В 80-е годы часто инсценировала польскую прозу, в частности Станислава Дыгата, Витольда Гомбровича, Марека Хласко. В 1993 г. как раз в “Атенеуме” она поставила “Антигону в Нью-Йорке” Януша Гловацкого. Неоднократно обращалась она и к русской классике — ставила, в частности, “На дне” Горького, “Баню” Маяковского, “Ревизора” Гоголя. Уже много лет она сотрудничает с Театром телевидения.

Во время военного положения Изабелла Цивинская была интернирована. После смены государственного строя она стала первым некоммунистическим министром культуры в кабинете премьер-министра Тадеуша Мазовецкого. Ее специальность — политический театр. В период “Солидарности” она поставила спектакль “Обвиняемый: июнь 56 го” о рабочем восстании в Познани, а недавно в Повшехном театре — “Салемских ведьм” Артура Миллера, прекрасный спектакль о власти и терроре.

• Личный архив Ежи Гротовского, одного из реформаторов театра XX века, будет храниться во вроцлавском Национальном институте им. Оссолинских. Несколько десятков папок с его личной корреспонденцией, фотографиями, рукописями, дипломами и поздравительными письмами передал “Оссолинеуму” брат режиссера профессор физики Тадеуш Гротовский. Это собрание содержит более 600 писем, в том числе адресованных Тадеушу Ружевику и Питеру Бруку.

Отвечая на вопросы ПАП, Тадеуш Гротовский признался, что не без труда расстался с вещами, принадлежавшими брату. “Часть архива я скопировал себе на память. Кроме того, после смерти

брата я побывал в Понтедере и привез оттуда всю польскую библиотеку Ежи, которую он собирал годами”, — сказал он. И добавил, что Гротовский увлекался, в частности, книгами Карла Мая.

Основатель авангардного театра “Лаборатория” скончался в Понтедере (Италия) в 1999 году. ЮНЕСКО объявило 2009 г. годом Ежи Гротовского.

- 27 апреля апрельский цикл фестивалей “Миф о Фаусте в музыке и театре” завершит новая постановка “Пана Твардовского”, осуществленная в Большом театре Густавом Клаузнером. Это четвертый за последние 25 лет хореограф, осмелившийся взяться за знаменитый балет Людомира Ружицкого.

По мнению музыкального критика “Жечпосполитой”, многие хореографы не знают, как передать фольклорно-историческую атмосферу этого балета (написанного в 1919-1920 гг.) так, чтобы он был интересен современному зрителю. А игра стоит свеч. “Ружицкий, — пишет Яцек Марчинский, — умело вплел в музыкальную ткань польские мотивы: начиная с краковского хейнала, оберегов и краковяков и кончая „Трагическим полонезом”, ставшим одним из самых популярных фрагментов этого произведения. Они-то и создают общую атмосферу балета”.

Клаузнер хочет заинтересовать балетной легендой о шляхтиче Твардовском современную публику — как детей, так и взрослых. На сцене Национальной оперы появляются краковская Рыночная площадь, Сукенницы, звучащий с Мариацкой башни хейнал и Лайконик — но по-новому, без утрированной народности и лубочности. “Главным действующим лицом, — говорит хореограф, — остается, конечно, Твардовский, предстающий современным молодым человеком, который из своей трудной, полной проблем жизни попадает в иной мир, а может, даже в несколько миров. Второй герой — пани Твардовская. А третий — сатана, представленный, конечно, не как польский Борута и даже не как немецкий чёрт. Это красивый, молодой, обольстительный дьявол, настоящий князь преисподней”.

- В варшавском Музее литературы открылась выставка “Путешествия пана Когито”. На ней представлены фотографии, рукописи стихов и письма Збигнева Херберта — в частности Магдалене и Збигневу Чайковским, Юлии Хартвиг и Артуру Мендзыжецкому, Константы Еленскому, Янушу Одровонжу-Пенёнжеку. Поэт был известен своей любовью к

путешествиям. Во времена ПНР вырваться из серой действительности было для него, как он сам писал, самой большой радостью и отдушиной. Авторы выставки подошли к слову “путешествие” метафорически. Они отыскивали мотивы стихов поэта, рассказывающие о путешествиях “в глубину времени”, “в глубину истории” и к “истокам культуры”. Именно так называются залы, в которых проходит экспозиция. Выставка, ставшая очередным пунктом программы Года Херберта, будет открыта для посетителей до начала октября.

- 30 марта на столичной Замковой площади прошел концерт “Солидарны с Беларусью”, уже в третий раз организованный инициативой “Свободная Беларусь”. В нем приняли участие Станислав Сойка, Юстина Стечковская, Томек Маковецкий, а также представители белорусского рока: “IQ48”, Лявон Вольский, Змицер Вайцюшкевич, “Русь” и “Pomidoroff”.

Варшавский концерт стал свидетельством солидарности с белорусами, борющимися за демократию в своей стране. Он прошел под девизом “Включи голос для Беларуси”, в котором выразился протест против жестокого обращения Лукашенко с демократической оппозицией и вытеснения властями белорусского языка. Во время концерта был проведен сбор средств в пользу объявленного вне закона минского гуманитарного лица им. Якуба Коласа, где обучение ведется по-белорусски (в настоящий момент подпольно).

На сцене появился и Кшиштоф Занусси. “Все мы знаем, что нас с Белоруссией объединяет долгая общая история и длинная общая граница, — сказал режиссер. — Ни один приличный человек не может оставаться равнодушным к жизни соседа, и ни один приличный народ не равнодушен к судьбе соседнего народа. Вот и вы неравнодушны. Это просто замечательно, что вы пришли, что все мы хотим поддерживать в Белоруссии любое доброе начинание”. Занусси добавил также, что белорусская молодежь заслуживает лучшей жизни, свободы и возможностей развития.

- Французы награждают своих кинематографистов “Цезарями”, чехи — “Львами”, испанцы — премией им. Гойи. Польская киноакадемия присуждает “Орлов”. В этом году члены Академии признали лучшим фильмом “Катынь” Анджея Вайды. Эта картина была выдвинута по 11 категориям и получила семь статуэток. Зрительскую премию завоевали “Штучки” Анджея Якимовского — камерный фильм о шестилетнем мальчике, пытающемся сблизиться с отцом, который бросил мать ради другой женщины. Якимовский получил также “Орла” за режиссуру, что стало главной

неожиданностью вечера. Молодой режиссер выглядел смущенным. “Не знаю, что сказать, — признался он. — Я учился кинематографии по фильмам Анджея Вайды”.

- Во время церемонии вручения “Орлов” было объявлено, что Польскую киноакадемию, насчитывающую 500 членов, возглавит Агнешка Холланд. Среди достижений режиссера — множество прекрасных картин, таких как выдвигавшийся на “Оскара” фильм “Европа, Европа”, а также “Убить священника”, “Полное затмение” и “Площадь Вашингтона”.

- В варшавской художественной галерее “Захента” открылась интересная выставка “Документалистки” — обзор творчества польских женщин-фотографов. Ее можно будет посмотреть до середины мая.

В “Захенте” уже выставлялись выдающиеся фотографы, такие как Ян Булгак, Эдвард Хартвиг, Эустахий Коссаковский. Теперь пришло время женщин. Самые старые фотографии документируют жизнь провинции начала XX века — например снимки, представляющие участниц курса шляхтянок, или работы выдающегося фотографа Марии Чаплицкой, сделанные во время ее путешествия по Сибири в 1914–1915 годах. Есть фотографии Варшавского восстания Ирены Куммант-Скотницкой, потрясающие снимки Юлии Пиротт, сделанные после келецкого погрома или фото лодзинского Голодного марша женщин 1981 года авторства Анны Беаты Бохдзевич. В числе самых свежих — цикл “Блочники” Марии Збонской и “Галерея Мокотов” Юлии Станишевской — портрет молодого польского капитализма. Это интересное путешествие по Польше последних ста лет вплоть до наших дней.

- Необыкновенно резкое интервью дал журналу “Пшеглэнд” Кшиштоф Майхшак. Интервью озаглавлено “Как не стать серийным убийцей”. Актеру, за плечами которого 30 лет карьеры в театре и кино, недавно исполнилось 60. Он безжалостно критикует мирок культуры, СМИ и политики. Вайда марается политикой. Политики делают гадости. Марек Конрад халтурит, вместо того чтобы играть в хороших фильмах. “Польская национальная культура ни черта не стоит”, — а журналисты и звезды просто раскручены. “Посмотришь на все это, — говорит Майхшак, — на всю эту агрессивную, хамскую раскрутку, глупую рекламу, несущих какую-то ахинею ведущих прогноза погоды, разглагольствующие физиономии актеров, которые на экране никогда не доказали того, что с апломбом провозглашают в интервью бульварной прессе, — и хочется стать серийным

убийцей, а потом, с чувством выполненного долга, отдохнуть в тюрьме”.

Что он думает об Анджее Вайде?

— Его марание политикой — столь всеми восхваляемое и сделавшее его отцом кинематографической культуры — как-то мало меня привлекает, — говорит Майхшак.

Впрочем, он добавляет, что “Катынь” его приятно разочаровала:

— Это сделанный с размахом, но скромный, волнующий фильм. Обожаю я и вайдовские картины по Ивашкевичу — “Березняк” и “Барышень из Вилько”. Эти фильмы оставили во мне сильный и вдохновляющий след.

Что он думает о политиках и журналистах?

— Сегодня надо ущучивать, осмеивать, делать из всего цирк. Многие журналисты и политики идут на это, постоянно строят из себя шутов и сомневаются в том, что правда и нормальность могут быть привлекательны.

Кто в ответе за вездесущий кич?

— Виновато руководство медиа-корпораций. Механизм тут такой: мы садимся за стол и договариваемся, что хотим заработать кучу денег. И что же мы делаем дальше? Ищем посредственностей, которые ради славы готовы на всё. Посредственности с ходу бросаются штамповать сериалы. Уже после нескольких серий актер, которому было бы нелегко попасть даже в драмкружок районного дома культуры, приобретает популярность. Эти посредственности входят “в оборот”, для них создаются конкурсы фигурного катания и танца, раскручиваются состязания, чтобы как можно больше любителей сериалов всё это смотрело. И дело тут вовсе не в зрителе, об интересах которого столько говорится, и даже не в продажных личностях, которые водятся в этом болоте, а в рекламодателях, которые за 30 секунд в прайм-тайме дадут несколько миллионов долларов. Для корпорации это чистая прибыль. Все остальное — винтики в машине, альфонсы и юнцы, которые даже не понимают, в чем участвуют.

Ярость? Горечь? Резкие слова? Несомненно. Но ведь эти слова не совсем безосновательны.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

И вот мы на пограничье, на этот раз польско-немецком. На моем письменном столе разложены три двуязычных журнала: берлинский “Диалог” (№№80–81, 2007–2008), выходящий в Месселе “Зарис” [“Зарисовка”] и берлинское ежеквартальное “Слово / Das Wort” (№78, 2008). В последние десятилетия подобных журналов было больше — стоит напомнить не только о журналах эмиграции времен военного положения, таких как “Поглѐнд” [“Взгляд, мнение”] и “Архипелаг”, но и о начавших выходить уже после 1989 г. — например “Б-1”, “Коляно” [“Колено”] и двуязычный ежегодник “Вир” [“Водоворот”]. Во всех журналах такого рода мы находим некоторое число литературных текстов, часто появляются исторические очерки, нет недостатка и в комментариях к текущим событиям. Эти издания обращаются как к полякам — на родине и за границей, — так и к немцам. Немецким читателям они представляют различные позиции, публикуют переводы стихов и рассказов.

В последнем номере “Слова” напечатана, в частности, интересная статья Анджея Шульчинского “Русская революция. Россия по Ричарду Пайпсу”, где автор анализирует вышедшую в Польше в 2006 г. книгу американского историка и политолога “Русская революция”. Шульчинский пишет:

“Пайпс формулирует основополагающие вопросы и этические проблемы — те, которые ставят нам революции, а особенно резко — русская революция. Он пишет: „...дóлжно ли разрушать создававшиеся веками и испытанные временем современные институты ради новых идеальных систем; оправданно ли жертвовать благополучием и даже жизнью людей нынешнего поколения ради поколений грядущих и можно ли вообще превратить человека в идеальное существо, кладезь одних добродетелей?” Чтение его труда о русской революции с первых страниц не оставляет никаких сомнений: автор — решительный сторонник консервативного мировоззрения и тем самым противник революции. В то же время он, что любопытно, как будто пренебрегает ролью революционной идеологии и мифологии и выступает за теорию случайностей в истории. По мнению Пайпса, „в широком смысле русская

революция продолжалась целое столетие”: началом ее он числит „студенческие волнения, прокатившиеся по российским университетам в феврале 1899 года”, и „можно даже сказать, что революция завершилась лишь со смертью Сталина в 1953 году, когда его преемники нерешительно и с оговорками взяли курс на политику, которую можно было бы охарактеризовать как контрреволюцию сверху, приведшую, как мы могли видеть, в 1990 году к отказу от доброй половины революционных завоеваний”. Однако предмет его исследований — не целое столетие. Почти на 900 страницах он ведет нас от событий 1905 г. через Россию в годы мировой войны, февральской и октябрьской революций, приводя к эпохе красного террора и заканчивая 1922 годом. С этой точки зрения события в России от падения самодержавия в 1905 г. до воцарения большевистской диктатуры и красного террора, т.е. кровавого правления радикальных интеллигентов-революционеров, развивались ошеломляюще быстро”.

Рассмотрев первую часть книги, касающуюся “агонии старого режима”, Шульчинский обращает внимание на роль Германии в подготовке большевистского переворота. Он приводит цитату из Пайпса: “Немецкое правительство имело свои виды на русских радикалов. Война зашла в тупик, и немцы поняли наконец, что единственный шанс ее выиграть — это разобщить вражеский союз, предпочтительно выведя из войны Россию. (...) Единственная возможность отделить Россию от Четверного согласия состояла поэтому в поддержке радикальных экстремистов, которые выступали против „империалистической” войны и желали ее превращения в гражданскую, — иными словами, надеяться можно было только на Циммервальдско-Кинтальских левых, признанным лидером которых был Ленин. Возвратясь в Россию, Ленин мог создать бесконечные трудности Временному правительству, разжигая классовую ненависть, играя на чувстве усталости от войны или даже пытаясь захватить власть”, — и продолжает:

“В апреле 1917 г. немецкие власти хорошо организовали переброску еще 32 русских эмигрантов, в т.ч. 19 большевиков, специальными поездами из Цюриха через Берлин в балтийский порт Засниц, оттуда паромом и поездом в Швецию, а затем через Финляндию в Петроград. Когда на Финляндском вокзале почти в полночь Ленин показался в окне вагона, „оркестр грянул “Марсельезу”, а гвардейцы взяли на караул”. Никто тогда не мог предположить, что произойдет из этого для России и всего мира. Ленин был поражен тем, что новые власти устроили ему такую торжественную встречу. И сам он изумлял всех, в том числе и ведущих большевиков, заявлениями,

сделанными, едва он вышел из вагона: надо немедленно начинать борьбу за власть, осуществить переход от „буржуазно-демократической” революции к „социалистической” в течение нескольких месяцев. Так началась подготовка к большевистскому перевороту. Таким развитием событий Германия „была довольна”. Пайпс приводит телеграмму немецкого агента в Стокгольме в Берлин: „Возвращение Ленина в Россию успешно. Он работает совершенно так, как мы того желаем”. Пайпс, однако, подчеркивает, что Ленин не был немецким агентом. Речь шла лишь об определенном совпадении целей в определенный период времени. Он, несомненно, пользовался и немецкими деньгами, предназначенными для партии большевиков, осуществляя с их помощью свою собственную программу”.

Думаю, что время от времени стоит напоминать себе об этом немецком “следе” в подготовке большевистского переворота. Заканчивая разговор о книге Пайпса словами о в высшей степени мифологизированном “штурме Зимнего”, Шульчинский пишет:

“Вот так большевики захватили власть в Петрограде. Тогда — только в этом городе. Путч в Москве в эти дни — несмотря на усиленные старания большевистских боевых групп — не удался”.

Однако он удался позже, а последствия почти на целое столетие затормозили экономическое развитие не только самой России, но и колоний, которыми обрастало ее тело. Только “осень народов” 1989 года дала возможность преодолеть этот цивилизационный коллапс. Этой проблеме посвящена статья Кшиштофа Гавликовского “Разные пути отхода от коммунизма и польская политика” в последнем номере “Зариса”. Автор, в прошлом сотрудничавший с “Культурой” Ежи Гедройца, пишет:

“Со времен перелома 1989 года значительная часть польских верхов родом из „Солидарности” проповедовала взгляд, согласно которому политические и экономические преобразования в нашей стране могут быть образцом для всех других стран, выходящих из коммунизма. По их мнению, это единственный путь таких преобразований, гарантирующий успех, примером чему служит именно Польша. (...) В результате многие наши политики желают воплотить в действительность мессианский образ Польши, боровшейся с коммунизмом во всем мире, а в коммунистических (или посткоммунистических) странах распространяющей свободу и демократию, что они рассматривают как „моральную

обязанность”. От западных же стран требуют продолжать „холодную войну”, а когда те не продолжают, их обвиняют в нарушении очевидных нравственных принципов в погоне за суетной прибылью и суетными контрактами. С огромным раздражением и недоверием воспринимается и независимая от США политика европейских государств. (...) Особое место в новой идеологии мессианизма занимает демократия, едва ли не приравниваемая к спасению в христианстве, т.е. воспринимаемая как религиозное служение и „окончательное освобождение всех народов”. У многих аналитиков из интеллигентской прессы мы читаем, что „демократия — условие мира”, что без нее „невозможно экономическое развитие” и т.п. (...) Тезисы о превосходстве демократии над всяким другим устройством и о возможности (или даже необходимости) ее введения — разумеется, в западном варианте и немедленно — в любой стране, на практике нередко обосновывают господство и вмешательство Запада. А в том, что касается Польши, они укрепляют мессианское представление о политике по отношению к восточным соседям, которых Польша якобы обязана учить демократии и поддерживать там внутренние силы, „воюющие с остатками коммунизма”, всеми методами, не обращая внимания на международное право, рассудок и реальные интересы. (...) Довольно влиятельные круги в Польше, исповедующие польскую миссию несения демократии на восток, как когда-то хотели нести католичество и как американские неоконсерваторы хотели нести демократию на Ближний Восток, даже не задаются вопросом, хочет ли общество в этих странах западной демократии и возможно ли ее введение в настоящее время. Им даже не приходит в голову, что планы так называемых фундаментальных культурных преобразований потребовали бы проницательного анализа традиций византийско-православного или мусульманского мира и правил, регулирующих процессы таких преобразований. Более того, когда слушаешь наших ведущих политиков — как из правительственных, так и из оппозиционных кругов, — нередко возникает впечатление, что они никогда не слышали даже о том, что византийская цивилизация отличается от латинской”.

Далее Гавликовский указывает факторы, в силу которых невозможно механически переносить образцы западной демократии в отдаленные от их территории цивилизации; эти ограничения носят как экономический, так и культурный характер. Чтобы обострить свою аргументацию, он прибегает к анализу понятия свободы:

“Можно вспомнить, что в конфуцианско-буддийской среде само понятие свободы было неизвестно, прямо противоречило обеим этим идеологиям и было искусственно придумано только в XIX веке ради перевода западной литературы, а в китайской деревне по сей день звучит так же чуждо, как понятие нирваны — в польской”.

И вот, говорит автор, в результате этого недопонимания:

“Анализ падения коммунизма часто соединяется в Польше с наивной, почти религиозной верой в демократию и с изображением альтернативы „коммунизм — демократия” как воплощения борющихся в мире Зла и Добра. У нас не хотят увидеть, что оба эти устройства выступали в различных локальных формах, а наряду с ними существовали и продолжают существовать политические системы иного типа, в рамках которых и живет большая часть человечества”.

Анализируя пути выхода из тоталитарной системы, Гавликовский указывает три их модели:

“Центральноевропейский путь: свержение коммунизма, осуждение его и введение новой системы парламентской демократии и рыночной экономики. (...)”

Восточноевропейский путь: свержение власти коммунистической монопартии, отвержение ее идеологии, однако без однозначного общественного осуждения коммунизма. (...)”

Азиатский путь: постепенный переход от коммунизма к „патерналистскому авторитаризму”, но без отмежевания от ушедшего строя”.

Из этого он делает конкретные выводы относительно польской политики:

“Требовать от западных держав применения резких средств по отношению к „коммунистическим и посткоммунистическим государствам” и с усердием неофитов навязывать этим последним западные образцы — такое поведение создает различные угрозы жизненным интересам Польши. Им можно служить, лишь трезво анализируя политические реалии мира, в котором мы живем, и действуя сообразно с реальными потребностями и возможностями. А путая роль поэта и проповедника с ролью политика, отвечающего за интересы государства, мы создаем угрозу неизбежных поражений. Однако у нас долгое отсутствие собственного государства

привело к тому, что политику чаще всего понимают как провозглашение возвышенных деклараций и грубые „подковерные схватки”, зато почти полностью отсутствует традиция заботиться об общем благе и заниматься организацией общего труда ради того, чтобы что-то строить. Мессианские грёзы тоже не обещают успехов, так как обычно опираются на какие-то мифы и совершенно ложные представления о мире. И это относится не только к польской политике. Как учит опыт, любые цели, поставленные вождями, желающими „оседлать кобылу истории” и ускорить ее бег, как правило приводят к прямо противоположным результатам”.

Словно бы концовкой к этим текстам оказывается напечатанная в “Диалоге” статья главы польского правительства Дональда Туска, посвященная прежде всего немецкой политике Польши, но затрагивающая и общие принципы польской внешней политики. В конце ее мы читаем:

“Я сознаю, что время политики жестов истекло. Шаг навстречу друг другу, сделанный в Кшижовой Гельмутом Колем и Тадеушем Мазовецким, останется в наших взаимоотношениях дорожным указателем на пути в будущее. Сегодня, однако, пришло время политики защиты своих интересов. В духе того события теперь мы должны говорить о вопросах, которые нас разделяют. Можно изменить стиль внешней политики или уровень ее эффективности, но трудности во взаимоотношениях не исчезают, когда в Варшаве или Берлине меняется правящая команда. Поэтому мы не дадим одобрения решениям, ставящим под сомнение исторический счет, выставленный в конце II Мировой войны. Я буду говорить об этом с Ангелой Меркель. Знаю, что как президент, так и канцлер ФРГ недвусмысленно отрицательно выступали против претензий „изгнанных”. Главное, чтобы они это делали и дальше. Столь же важно, чтобы окончательно были оставлены планы открытия „Центра против изгнаний”. Во всех этих вопросах я буду искать сторонников нашего мышления.

Другой вопрос, который нас разделяет, — строительство Северного газопровода. Это — дурное наследство, доставшееся от Герхарда Шрёдера. Мы не дадим согласия на развитие инфраструктуры, укрепляющей монополию России на поставки энергетического сырья. Я говорил об этом с председателем Еврокомиссии Жозе Мануэлем Баррозу и должен сказать, что всё большее число европейских политиков воспринимает эту проблему уже не как польскую, а как европейскую.

В целом, сжато излагая направления внешней политики, я мог бы сказать следующее: ее основания признают все политические силы с 1989 г., и их принципы должны оставаться прежними. Во-первых, возможно наилучшие отношения с соседями, во-вторых – сильная позиция Польши в Евросоюзе, в-третьих – активное участие в НАТО”.

И еще один фрагмент из заключения статьи Туска:

“Евросоюз не может остановиться на том, чтобы определять себя лишь как политическое сообщество. Та глава интеграции, в которой речь шла о создании сначала общего, а затем единого рынка, относится к прошлому. Начиная с Маастрихтского договора речь идет об учреждении неизвестного ранее симбиоза государств. До 1992 г. будущее интеграции разыгрывалось в сфере экономики. С тех пор — главным образом в сфере политики и символов, памяти и ритуалов. Таким образом, перед нами шанс дополнить существующее политическое сообщество культурным аспектом, обогатить сложившееся мышление в категориях законов и правил категорией самосознания и памяти. Тут я думаю не только об обогащении сообщества ее центральноевропейским аспектом, но прежде всего о включении коммунистического опыта в историческое сознание Запада”.

С эти последним, подозреваю, будут немалые хлопоты. Запад, как мы знаем, любит не столько сам учиться, сколько поучать. Но что же делать, некоторые вещи нужно терпеливо разъяснять. Так, как в этих двуязычных журналах. И все-таки с надеждой, что... а вдруг что-нибудь да поймут.

ПРОЦЕСС ВНУТРЕННЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ...

Восемь лет назад, в апреле 2000 г., скончалась Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти, видная русская журналистка и большой друг Польши. С 1980 г. и до самой смерти она была главным редактором парижской еженедельной газеты “Русская мысль”, имевшей большие заслуги в деле свободы и демократии в России. После введения в Польше военного положения на страницах “Русской мысли” возникала картина “несломленной Польши”, главным образом трудами другого русского друга Польши — Натальи Горбаневской.

Ирина Алексеевна была и русской, и европейкой во всём, в каждом движении ума и сердца. Родилась она 5 декабря 1924 г. в Белграде, в семье русских эмигрантов, высшее образование получила в Риме и Кембридже.

В Цюрихе она познакомилась с А.И.Солженицыным и в 1976–1979 гг. была в Америке его секретарем.

Крещенная и воспитанная в православии, со временем она стала католичкой, но не односторонней, ибо ее одушевлял тезис Вячеслава Иванова о “двух легких” христианства — православном и католическом.

Она поддерживала дружеские отношения с А.Д.Сахаровым и Е.Г.Боннэр, в 1989 г. присутствовала при встрече Сахарова с Иоанном Павлом II.

В России она впервые побывала в августе 1991 г. и затем ездила туда постоянно. Иоанна Павла II она информировала о положении Церкви в России.

В 1992 г. ей — признаюсь, по моему предложению — была присуждена премия краковского журнала “Арка” за “вклад в дело русско-польского согласия и взаимного познания обоих народов”. 18 мая 1995 г., в день 75 летия Иоанна Павла II, Ирина Алексеевна, выступая с докладом в Люблинском католическом университете, выразила личное раскаяние за русские грехи перед Польшей:

“В этот день, ознаменованный печатью милосердия Божия и благодати Его, я хочу как русская просить у моих польских братьев прощения за все страдания, которые претерпели они от России и русских”.

Я знал Ирину Алексеевну с 1987 г., она оказала огромное влияние на мое восприятие России. Она верила, что ее прародина станет наконец обычной страной — но не дождалась этого.

В том же 1987 г. я взял у нее интервью, которое через год было напечатано по-польски в краковском подпольном журнале “Арка”. Мне кажется, что высказанное моей собеседницей больше 20 лет назад заслуживает внимания и сегодня, когда в польско-российских отношениях обычно, к сожалению, слышны лишь затаенные угрозы с обеих сторон (в лучшем случае из России доносится только глухое молчание).

Ошиблась Ирина Алексеевна лишь в одном: она слишком оптимистически смотрела на будущее Русской Православной Церкви. Но как можно было угадать, что Церковь, прошедшая большевистские гонения, в XXI веке станет играть всё бóльшую политическую роль под прикрытием “симфонии” государства и религии, неосуществимой ни в России, ни где бы то ни было во всей Вселенной...

Гжегож Пшебинда

— Ирина Алексеевна, вы родились не в России и никогда там не были, тем не менее вас можно назвать русской эмигранткой...

— Да, я принадлежу ко второму поколению первой эмиграции — т.н. “первой волны”. Таких людей много, но, к сожалению, значительная их часть утратила родной язык. Почему? Дома они, правда, говорили по-русски, но не возрастали в родном языке. Многие мои ровесники вполне хорошо объясняются по-русски, чаще всего на бытовом уровне, но писать по-русски совершенно не в состоянии. И в конечном счете им легче говорить на языке той страны, где они живут... Мне же повезло: я родилась и росла в Югославии, куда мои родители бежали от большевистской чумы. Там я прожила 20 лет. Русская колония в Югославии оберегала родной язык и культуру. Я получила аттестат зрелости в русской школе. Это всё и привело к тому, что я до сих пор живу внутри русского языка.

— ...и русской культуры...

— Это уже был мой собственный выбор... Конечно, и тут я многое получила в наследство — от школы и семьи. Но потом,

когда я вышла замуж за итальянца, когда мы начали ездить и жить в разных странах, — тогда это уже был мой выбор. В каждой новой стране я познавала язык и культуру, без этого я не смогла бы там жить. Но русский язык и русская культура оставались для меня краеугольным камнем, фундаментом, на котором я строила свою жизнь русской эмигрантки.

— Ваш муж был итальянец. Вы так же красиво говорите по-итальянски, как и по-русски. Воспитанная в русской культуре, вы росли и в средиземноморскую. Воспитанная в православных традициях, вы считаете себя принадлежащей к католической Церкви.

— В итальянскую культуру и интеллектуальную жизнь я вошла очень быстро. Муж был родом из старой итальянской семьи, европеец в глубоком смысле этого слова. Наша любовь — а это была настоящая, большая любовь, — можно сказать, заставила меня, русскую, почувствовать себя в Италии как дома. Итальянский стал моим вторым языком, а в каком-то смысле стоит даже рядом с русским. Мой муж был дипломатом, мы вместе узнавали другие языки и страны, это происходило уже потом, постепенно... Но в Европу — через любимого человека — я вошла, в общем-то, одним прыжком...

С католической Церковью я сближалась постепенно, это шло очень долго и завершилось, когда в Рим прибыл Кароль Войтыла. Этот Папа сыграл в моей жизни огромную, решающую роль: благодаря ему я открыла глаза и увидела то, что во мне, вероятно, к тому времени уже созрело... В каком-то смысле он изменил мою жизнь... Мой муж был католиком, дети были крещены и воспитывались в католической Церкви, я с одинаковым почитанием ходила в православные и католические храмы, собственно не отдавая себе отчета в том, что уже больше принадлежу к католической Церкви, чем к православной... Но православие покинуть я не хотела — это была Церковь-мученица.

— Католичество и православие — два разных вероисповедания, но Церковь одна...

— Я никогда не ощущала какой-то действительно глубокой разницы между православной и римской Церковью. Чувствовала, что разрыв между ними произошел на политическом, а не на религиозном или духовном фоне. Лишь потом споры были перенесены в богословско-догматическую сферу. Быть может, богословы возмутятся, но для меня спор о filioque неважен. Как можно из-за таких неважных слов

анафемствовать брата?! Это прекрасно понимал Владимир Соловьев.

— Но не понимал Достоевский. Его “юродивый” князь Мышкин обвинял всю католическую Церковь в отступничестве! Соловьев же, среди русских несомненно самый открытый к Западу, отлично понимал, что православие и католичество — это две половинки христианства.

— Соловьев, тоже, кстати, богослов, видел, что к разделению Церквей привела политика, а не инаковерие.

— Сегодня дух экуменизма сильнее, чем в те времена. Но мне трудно себе представить, что ваша “католическая” деятельность среди русской эмиграции не наталкивается время от времени на сопротивление...

— У меня были трудности с некоторой частью нашей эмиграции. Видите, я потому и выбрала католическую Церковь, что православная в последнее время очень замыкается в себе. Я имею в виду Церковь в эмиграции — та, что на родине, кроме московской иерархии, гораздо более открыта. У нас, эмигрантов это идет от того, что, навсегда утратив отечество, люди утрачивают и ощущение собственной ценности. И тогда в них рождается идея превосходства православия над другими вероисповеданиями. Это заблуждение трудно извинить, ибо оно противостоит основе христианства, тому, чему учил нас Иисус Христос. А католическая Церковь как раз в два последних десятилетия широко открыла двери — в согласии с тем, что заповедал Христос... Когда кто-то обвиняет меня в том, что газета стала католической, я отвечаю, что это недоразумение: наша газета — христианская, открытая христианам всех вероисповеданий.

— А некоторые даже советовали назвать газету “Польская мысль”, потому что она много, чересчур много пишет о Польше.

— Было и такое. Называли нас и “Еврейской мыслью”, потому что действительно мы много писали о еврейской эмиграции из Советского Союза. Мы много пишем о католической Церкви, об учении и личности Иоанна Павла II. Но пишем и о Церкви на нашей родине, которая — если не говорить о крайнем примере вышеупомянутой московской иерархии — гораздо больше готова к примирению, чем эмигрантский православный мир. Мы постоянно пишем обо всех христианах, преследуемых за веру.

— В Польше “Русскую мысль” читают с большим интересом. Можно было бы сказать, что в своих добрых чувствах к Польше вы продолжаете традиции Герцена и Владимира Соловьева.

— Я рада, что поляки это замечают. Лозунг “За вашу и нашу свободу” ничуть не утратил своей актуальности. Польша — это, можно сказать, выбор нашей совести. У вас произошло нечто неслыханно важное, что помогает обрести веру в человечество. У меня самой, когда я думаю о Польше, рождается чувство благодарности. Когда я где-то, хоть на улице, слышу польскую речь, хочется подойти к говорящим, протянуть руку, сказать добрые слова. За мужество и благородство. Польша — как бы форпост, основа всей нашей деятельности.

— Во главе газеты вы стоите примерно с 1980 года. До этого вы работали с Александром Солженицыным — с тех пор, как он переехал из Швейцарии в Америку.

— Да, это был 1975 год. Как раз в то время, после четырех лет тяжелой болезни, скончался мой муж. У Солженицыных я уже несколько раз побывала в Швейцарии, и тут они предложили мне ехать вместе с ними в Америку.

— Вы прожили с ними несколько лет. В чем заключалась ваша работа?

— Когда мы приехали, Александр Исаевич начинал работу над “Красным колесом”. Вы знаете эту историю: то, что должно было быть романом, выросло до размеров эпопеи. Еще в молодости он мечтал написать эпопею о русской революции и ее корнях. Потом его жизнь пошла иными — известными — путями. Тогда он писал то, что надеялся напечатать в Советском Союзе. Тут он оказался хорошим стратегом, который, будучи знатоком военного искусства, умеет запланировать атаку на главного противника. Атаку на систему, на бесчеловечную, безбожную идеологию, на коммунистический атеизм. Прибавлю, что Солженицын сражался как писатель и христианин — не как политик. В этом суть его борьбы с системой. Иногда, однако, ему приписывают мысли, которых он никогда не высказывал, фантастические взгляды, которых у него никогда не было. Солженицын, повторю еще раз, — не политик, а христианский писатель.

— Потом была публикация “Архипелага ГУЛАГ” на Западе, и вскоре Солженицына изгнали из Советского Союза....

— Тут наступил период трудного привыкания к новой жизни на Западе. Когда Солженицын из Швейцарии уехал в Америку,

он наконец почувствовал, что где-то ему удалось создать свой дом. Хотя, разумеется, он всегда считал, что эмиграция — вещь временная, и всегда верил, что когда-то сумеет вернуться в Россию. Но теперь он невольно почувствовал, что вот он оказался в таком месте, где проживет какой-то важный и нескратимый период времени, что ему не придется все время куда-то ездить, скрываться и т.п. Помню, как он сказал на встрече с жителями городка, вблизи которого поселился: вы должны понять, что у меня впервые в жизни свой дом, впервые я могу разложить все свои бумаги, держать возле себя весь архив и всё, что пишу, — с первой до последней страницы. И не обязан прятать это по кусочкам в разных местах: здесь — три страницы, там — двадцать, чтобы КГБ всё не забрало.

— Вероятно, он получил возможность пользоваться богатыми американскими архивами?

— Разумеется. В СССР, ясное дело, подобных возможностей у него не было. В Америке он с большим энтузиазмом взялся за работу, изучил бесчисленное множество книг и материалов, просмотрел многие архивы. У Солженицына очень много материалов, которых никто не знает, потому что многие русские эмигранты — узнав, что он пишет эпопею о тех временах, — стали присылать ему свои семейные архивы, документы, письма, воспоминания, которые нигде раньше не публиковались, фотографии. Правду говоря, для такой огромной исторической работы, которую Солженицын до сих пор выполняет, нужен был бы целый институт. Но ему помогали лишь отдельные люди, в первую очередь его жена Наталия. Думаю, что мое знание нескольких западных языков было им в то время в помощь...

— Иногда можно услышать, что Солженицын — великодержавный националист?

— Это недоразумение вытекает из того, что люди не читают текстов самого писателя, а штудируют то, что напишет о нем тот или иной журналист. Солженицыну приписывали всяческую чушь, вырывая из контекста несколько его — а то и не его! — слов.

— Однако нет сомнения, что о Польше он высказал несколько таких мыслей, которые полякам трудно принять. О польско-советской войне 1920 года Солженицын сказал, что целью Пилсудского было “грабить и кромсать Россию в ее наиболее истерзанный момент”. Сегодня я слышу, что когда кто-то из поляков говорил с Солженицыным о переводе его статьи из сборника “Из-под глыб” (там он написал эти слова), то писатель

ответил, что хотел бы некоторые вещи пересмотреть. Не значит ли это, что Солженицын изменил свое отношение к русско-польской истории?

— Я думаю, что если говорить о Польше, то его взгляды с течением времени действительно переменились. Нельзя забывать, в каком положении находится человек в Советском Союзе, даже умный и ищущий. Его исторические знания всегда остаются ограниченными и неполными. Изоляция, отсутствие доступа к правдивой информации, идеологизация истории — все это оказывает влияние даже на самого умного человека. Не случалось ли вам встречать советских эмигрантов, которые, осуждая советскую систему, об истории говорили вещи, совершенно противоречащие действительности, притом с полной уверенностью, что говорят правду? Вчера я читала статью, которую мы будем печатать в “Русской мысли”. Но в ней автор, университетский профессор, серьезный литературовед, пишет, что в царской армии перед революцией весь офицерский корпус состоял из дворян! Его так учили, хотя каждый знает, что это неправда... Думаю, в некоторых вопросах Солженицын был недостаточно информирован, а кроме того всегда считал, что его дело — защищать Россию и всё русское. Россию, а не Советский Союз или Российскую империю! На Россию как на нацию хлынула вся эта раннекоммунистическая лавина, в первые годы наступление шло против всей русской культуры и традиций. Но теперь об этом забыли, и некоторые отождествляют Россию с Советским Союзом. Это-то Солженицыну особенно больно! За то, что он хочет доказать, что дело обстояло иначе, кое-кто называет его русским шовинистом. Но если читать том за томом “Красное колесо”, нетрудно заметить, что Солженицын и к русскому народу относится критически — так же сурово, как и ко всем остальным. Он не превозносит свой народ и не идеализирует, не изображает его святой и невинной жертвой, видит в нем безнравственность и порчу, то есть всё то плохое, что действительно было. Но видит и то, что русский народ стал первой жертвой этой революции, с чем некоторые никак не хотят согласиться. Зачастую — хотя бы потому, что Солженицына не читали... Те, кто прочитает, как я, скажут то же самое...

Что же касается Польши, то его взгляды несколько переменились. Начнем с того, что против независимости Польши Солженицын никогда не выступал. Польша — это Польша, суверенная и независимая, — иначе и быть не может. Пилсудского же писатель критикует за то, что его страх перед Россией или ненависть к ней (кстати говоря, вполне

объяснимая) затмили ему разум, так что он уже не сумел увидеть смертельную коммунистическую опасность. Солженицын считает, что Пилсудский допустил огромную ошибку, считая, что коммунизм всего лишь уничтожит империю и спасет Польшу, и не заметив, что на пепелище бывшей империи возникает “новое качество”, куда страшней прежнего. Так я понимаю осуждение Пилсудского у Солженицына.

— Нет сомнения, что Солженицын не имеет ничего общего с великодержавной имперской идеологией. Еще в письме к вождям Советского Союза (в самиздате вышедшем в начале 1974 г.) Солженицын советовал им предоставить народы Восточной Европы самим себе. В “Архипелаге” он говорит и о независимой Украине. Но как раз украинцы часто с недоверием смотрят на деятельность Солженицына...

— Независимость Украины для Солженицына не подлежит сомнению. Единственная его оговорка относится к тому, что история русского и украинского народов настолько сплетена, что нелегко бывает разделить... В своих статьях и выступлениях Солженицын не раз подчеркивал, что этот вопрос должен быть решен свободной волей народов-участников этой драмы: каждый должен сам сказать, как собирается строить свою будущую жизнь. Ну а когда речь идет о таких странах, как Польша, Финляндия, Венгрия, Чехословакия, прибалтийские республики (к прибалтам писатель питает особую любовь), — тут уже нет никаких оговорок...

— Вы однажды сказали, что эмиграция — состояние ненормальное. Я хотел бы спросить — не для того, чтобы бросить камнем в русскую эмиграцию, потому что в польской дела не лучше, — почему русская эмиграция так разделена. Идеологические споры ущерба не приносят — наоборот. Но ссоры, свары ничего хорошего эмиграции как целому не дают.

— К сожалению, вы правы. Это виднее всего на примере “третьей волны”. Эту эмиграцию трудно назвать русской — скорее советской. Ее можно разделить на две части. Более крупная — хочет построить новую жизнь на чужбине, найти покой и счастье. Они, вероятно, тоже ссорятся и спорят, но их ссоры носят личный, домашний характер, не так громки, а значит, и не так много значат. Но есть и политическая эмиграция, иногда по выбору, чаще — вынужденная. Есть люди, которые говорят: да, это правда, мне не хватило храбрости, я боялся лагеря и предпочел уехать. И как раз в этой части эмиграции происходят ссоры и столкновения, которые оказывают влияние на всю эмиграцию. Как вы сказали,

политические и идеологические споры — дело нормальное. Но печально, что эти споры часто приобретают некрасивые формы... Советское воспитание, жизнь в СССР, где брань стала бытовой нормой... Даже у нас в редакции... В основном мы живем в согласии, довольно спокойно. Но иногда я вижу, слышу какой-то спор. Раньше я удивлялась, теперь уже нет. Удивлял меня этот повышенный тон, бурные реакции и крепкие выражения. Будучи человеком, скажем так, старого закала, я воспринимала это с неудовольствием. Но потом вижу, что те же люди, которые так страшно — мне так казалось — друг друга оскорбляли, дружески разговаривают... Тогда я поняла, что происходит какая-то накладка в семантическом или лингвистическом плане. То, что для меня, западного человека, для англичанина или француза совершенно неприемлемо, у людей, приехавших оттуда, вполне естественно — даже норма. Когда вы читаете советские газеты — о чем они пишут и как, что им не нравится, — их стиль и выражения для нормального человека гротеск. Раньше за такое надо было бы объявить войну или хотя бы вызвать на поединок! Инфляция — инфляция слов, которые ничего не значат или значат гораздо меньше, чем им хочется... Думаю, что об этом элементе эмигрантских свар не стоит забывать.

— *Иногда говорят о русском эмигрантском гетто...*

— Это идет от незнания языка. К сожалению, в СССР языкам практически не учат — так удобней правителям. Мои родители, выехавшие в начале двадцатых, и их родители говорили по крайней мере на двух иностранных языках — это было нормой, а норма нашего времени — не знать ни слова ни на каком из иностранных языков! Да и русский язык заменили советским. Некоторые эмигранты — я таких знаю — не учат язык совершенно сознательно. Другие бы и хотели, да уже не могут: выехали на Запад немолодыми. Так возникает эмигрантское гетто, в котором всё разрастается до апокалиптических масштабов, даже самый мелкий спор... Дело обстояло бы иначе, если бы эти люди жили нормальной жизнью, в нормальном окружении, если бы, скажем, русская эмиграция в Париже интересовалась политическими проблемами, социальной или религиозной жизнью Франции. Но если взять установку: меня это не интересует, меня это не касается... Как будто можно отделить русские дела от общечеловеческих. Желаю польской эмиграции не брать в этом отношения примера с русской. К счастью, полякам легче: вы ближе к западной культуре, чем люди средней русской культуры. Я говорю “средней”, так как настоящая русская культура, культура высшего уровня, способна устоять перед

такого рода обобщениями. Но мы говорим о средней культуре, “арифметически” средней... Надеюсь, что у поляков не будет этого замыкания в жуткое гетто.

— *Если можно, вернемся к тому, что происходит в Советском Союзе. Все сейчас только и говорят о Горбачеве. И ваша газета об этом пишет, представляя определенный тип мышления, который здесь стоило бы сжато изложить и попытаться защитить.*

— Горбачев вынужден был принять какие-то меры, чтобы спасти свой режим. Я удивляюсь, что здесь, на Западе, лицом к лицу с фактами, никто не говорит о банкротстве коммунизма, идеологии разрушения и смерти. Шафаревич в своей книге о социализме показал, что социализм отражает дремлющий в человеке инстинкт самоубийства. Думаю, что советские вожди это поняли, то есть, конечно, Брежнев этого не знал и знать не хотел, Черненко, живой труп, ни о чем не имел понятия, Андропов... — не знаю, что он думал, лишком недолго был у власти. И вот явился Горбачев, по советским нормам молодой и энергичный, хочет остаться у власти как можно дольше и поэтому вынужден задуматься о будущем. Ибо даже если бы этому будущему предстояло продолжаться лет двадцать, он сознаёт, что за это время Советский Союз попросту рухнет. Страна, парализованная коммунизмом, где люди уже не знают, что значит работать... Мне говорили, что вначале Горбачев созвал всех главных советских экономистов, при Брежневе попавших в немилость. И на этом закрытом совещании Горбачев потребовал откровенного ответа о состоянии экономики страны. Может быть, это легенда. Но, как говорится, *se non e vero, e ben trovato*...

— *А его отношение к интеллигенции?*

— Пока я не вижу больших перемен. То, что бросается в глаза, — это изменение стиля советской печати. Начинают писать о многих проблемах, о которых раньше писать не разрешалось, газеты становятся всё смелее... Временами я вижу статьи, в которых звучат ноты правды. Это относится, разумеется, только к части прессы: рядовая советская газета или журнал продолжают помещать обычную советскую пропагандистскую жвачку и агрессивную ложь... Тем не менее там и сям возникают моменты истины, честные и откровенные тона — не правда ли?.. Это очень важная перемена. Другая реальная перемена, которую трудно не заметить, — процесс возникновения независимой общественной жизни. Перемены в тоне печати рекомендованы свыше — перемены на общественном уровне происходят по воле самой

общественности. Но они не входят в стиль политики Горбачева. Интеллигенции дали побольше свободы с определенной целью: чтобы она потянула за собой парализованные, апатичные народные массы, и этот процесс Горбачев хотел бы контролировать и держать в руках: спасти строй и сохранить власть, привилегии и прерогативы. Я не верю, что Горбачев действительно понимает проблемы Советского Союза и действительно хочет найти их решение. Ибо главная проблема СССР — советский строй, а действительное решение — изменение этого строя. Некоторые считают, что Горбачев дипломатичен, что он тайно стремится сменить строй, но это, конечно, сказки. Ему трудно строить прогнозы и определять тактику. Я знаю только одно: все мы должны помогать тем людям, которые стараются шире открыть дверь, приоткрытую Горбачевым, ибо сам он — вопреки распространенным заблуждениям — в нашей помощи вовсе не нуждается.

— В Книге Бытия нам поведано, что человек сотворен Богом по Его образу и подобию. Посылки коммунистической идеологии опираются на теорию инстинктов и рефлексов, используя то, что есть в человеке от низших существ. Но есть в человеке нечто такое — то, что идет от Создателя, — чего коммунизм преобразить не в состоянии. Несколько лет назад я прочел книгу Михаила Геллера “Машина и винтики”. Автор видит советское общество как хорошо работающую машину, которая состоит из отдельных винтиков — гомо советикусов. Картина, которую рисует Геллер, отражает стиль мышления, популярный во многих кругах эмиграции (и не только русской — польский перевод книги недавно вышел в “Библиотеке „Культуры””); корни ее лежат в механистических социальных концепциях, ведущих свое начало еще из эпохи Просвещения. Христианство такой картины не приемлет. С другой стороны, можно видеть, что Геллер преувеличивает даже тогда, когда остается в свете человеческой эмпирики и фактов. Советское общество — отнюдь не хорошо работающая машина. С этой стороны Геллера критиковал Анджей Дравич. Дискуссия, которая разгорелась в лондонском журнале “Пульс”, показывает, как жгучи эти вопросы, а ответ Геллера напомнил мне, к сожалению, по тону и способу аргументации статьи из “Правды” или “Трибуны людей”.

— Когда мы видим людей, которые только что вернулись из лагерей: Сергея Григорьянца, Льва Тимофеева, Александра Огородникова с его религиозным семинаром, — когда мы смотрим на многих других людей и их деятельность, то мы явственно замечаем это Божественное начало в человеке. Люди, которые прошли через этот ад, где их старались духовно и физически разрушить, продолжают идти своим путем... Это

действительно доказывает, что коммунистический эксперимент не удался. Я совершенно с вами согласна, что во многих людях по-прежнему живет это начало, полученное человеком от Бога. Коммунизм хочет это начало убить, но это не так-то легко. Когда это удастся — а это, к несчастью, случается, — тогда в человеке рождается то отчаяние, что ведет к самоубийству... Что же касается книги Геллера, то к ней легко отнестись несправедливо. Геллер — человек неверующий или, по крайней мере, считает себя таковым. И это определяет стиль его мышления. Но эту книгу, мне кажется, мог бы написать и верующий. Геллер показал, рассказал и анализировал то, что коммунизм стремится сделать с человеком, но что удалось ему не до конца.

— И все-таки он пишет, что коммунизм достиг поставленной цели...

— Если читать его книгу как целое, такое впечатление, возможно, иногда возникает. Однако помните ли вы самый ее конец, последние слова... — как раз там Геллер говорит, что будущее всего человечества зависит от того, удастся ли коммунизму превратить человека в тот самый винтик. Эти слова меня глубоко тронули, потому что их мог бы написать и религиозный человек. Геллер иногда сознательно отбрасывает религиозный момент, и тогда его выводы оказываются неполными. Но думаю, что в его работе представлена самая суть проблемы. Над тем, что коммунизм жаждет изменить человеческую природу, задумывались редко. А Геллер — казалось бы, человек неверующий — заговорил о том, что коммунизм предпринял попытку деформирования человеческой природы, той самой, что сотворена по образу и подобию Божию... Быть может, за отсутствием религиозной точки зрения Геллер не пошел дальше и не решил вопрос до конца, но основа, я бы сказала, стержень его книги верен.

— Как вы тогда оцениваете спор Дравича с Геллером?

— Должна признаться, что за самим спором я не следила, знаю только, что эта полемика произошла... Но знаю, что Геллер обиделся на статью Дравича, а обиженные часто реагируют резко.

— Дравич в последние годы сделал очень много, чтобы преодолеть в Польше стереотип русского...

— Заслуги Дравича велики, я всегда относилась к нему с уважением и симпатией. Но сейчас, мне кажется, в том, что относится к Советскому Союзу, Дравич настроен слишком

оптимистически. Мне кажется, что он приписывает Горбачеву больше, чем следовало бы. Он видит в нем человека, который ищет позитивных решений, во что я решительно не верю. На мой взгляд, Дравич приписывает Горбачеву те заслуги, которые следует приписать гражданскому обществу в Советском Союзе. Мы узнаём теперь, что все кинофильмы, которые сейчас выходят и о которых так шумят (ставя это в заслугу Горбачеву), были сняты много лет назад, а заслуга нынешней власти — только в том, что их сняли с полки. Это значит, что наши режиссеры, актеры и сценаристы так чувствовали и мыслили еще десять лет назад. Вчера я читала статью о неформальных объединениях, которые у нас на глазах множатся сейчас в СССР. Автор, хорошо знающий положение дел, пишет, что многие подобные кружки тайно собирались еще в 1976 году. Хочу сказать, что это общество, при всех его недостатках, стремилось и стремится к большей свободе, хочет отбросить идеологические схемы и жить по совести. Мне кажется, что Дравич в какой-то степени смешивает эти два аспекта: то, что делают люди, и то, что делает власть. Весьма характерно, что уже десятки лет историки, занимающиеся Советским Союзом, привыкли думать, будто СССР — это только власть. И всё. Как будто нет людей, как будто там существует только политбюро, ЦК и номенклатура.

— А у меня как раз при чтении книги Геллера было впечатление, что он и забыл о личности... На некоторые советские дела я смотрю не так, как Дравич. Однако, читая его тексты, я нахожу в них больше информации о людях, чем о Горбачеве... Ирина Алексеевна, а как вы видите дальнейший ход событий в России?

— Я уверена, что процесс внутреннего освобождения будет продолжаться и приведет к освобождению в полном смысле слова, к освобождению от кошмара бесчеловечной утопии. Этот процесс начался теперь в Советском Союзе. В других условиях [чем в Польше], может быть, с бóльшим трудом, но тем не менее — начался. Поэтому я придаю такое значение тому, чтобы мы узнавали друг друга. Это смысл моей работы, и похоже, что вместе мы могли бы многого достичь. Журнал “Арка” я хочу особенно поблагодарить за интерес к русским делам.

Беседа была записана на магнитофон по-русски в Париже в редакции “Русской мысли”, в сентябре 1987 года. По разным причинам текст не мог быть подготовлен к печати быстро. Авторизуя интервью в сентябре 1988 г., Ирина Алексеевна сделала к нему следующее дополнение:

К нашей — уже довольно давней — беседе хочу добавить только одно. В остальном, мне кажется, наша дискуссия не потеряла актуальности — по крайней мере не настолько, чтобы менять сказанное тогда.

А сказать я хочу несколько слов о Папе Иоанне Павле II. Как мы знаем, 1988 год — год тысячелетия Крещения Руси. Как русская родом и человек русской культуры хочу выразить глубокую благодарность Иоанну Павлу II за всё, что он сделал, чтобы обратить внимание христиан на Западе на судьбу их братьев в СССР, чтобы превратить этот юбилей в событие всемирного масштаба, чтобы эта годовщина положила начало новой, второй евангелизации России. И за то, что он протянул руку в знак примирения, взаимного прощения, в знак единства, пусть даже в будущие времена, но в сердцах многих — уже сегодня.

В течение последнего года Папа больше, чем когда бы то ни было, проявил свое необычайное умение видеть в каждом народе, в каждой группе людей — отдельного человека, личность. Особое понимание и великодушие он проявил по отношению к русским: его вдохновенную любовь к человеку мы видим во всех его посланиях, обращенных к русским и украинцам. Указанием и уроком Господним представляется мне тот факт, что этот человек, показывающий нам путь Христов, — поляк. Всё чаще вспоминаю, как однажды в Лондоне Александр Солженицын сказал, что Иоанн Павел II всегда прав, потому что перед собой и превыше всего видит Христа. Надо сделать всё, чтобы люди в России узнали личность и учение этого Папы, всем нам посланного Богом. То, что такой человек был дан миру, — для нас источник силы и мужества.

Печатается в обратном переводе с польского.

ПРОЦЕСС ВНУТРЕННЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ...

Восемь лет назад, в апреле 2000 г., скончалась Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти, видная русская журналистка и большой друг Польши. С 1980 г. и до самой смерти она была главным редактором парижской еженедельной газеты “Русская мысль”, имевшей большие заслуги в деле свободы и демократии в России. После введения в Польше военного положения на страницах “Русской мысли” возникала картина “несломленной Польши”, главным образом трудами другого русского друга Польши — Натальи Горбаневской.

Ирина Алексеевна была и русской, и европейкой во всём, в каждом движении ума и сердца. Родилась она 5 декабря 1924 г. в Белграде, в семье русских эмигрантов, высшее образование получила в Риме и Кембридже.

В Цюрихе она познакомилась с А.И.Солженицыным и в 1976–1979 гг. была в Америке его секретарем.

Крещенная и воспитанная в православии, со временем она стала католичкой, но не односторонней, ибо ее одушевлял тезис Вячеслава Иванова о “двух легких” христианства — православном и католическом.

Она поддерживала дружеские отношения с А.Д.Сахаровым и Е.Г.Боннэр, в 1989 г. присутствовала при встрече Сахарова с Иоанном Павлом II.

В России она впервые побывала в августе 1991 г. и затем ездила туда постоянно. Иоанна Павла II она информировала о положении Церкви в России.

В 1992 г. ей — признаюсь, по моему предложению — была присуждена премия краковского журнала “Арка” за “вклад в дело русско-польского согласия и взаимного познания обоих народов”. 18 мая 1995 г., в день 75 летия Иоанна Павла II, Ирина Алексеевна, выступая с докладом в Люблинском католическом университете, выразила личное раскаяние за русские грехи перед Польшей:

“В этот день, ознаменованный печатью милосердия Божия и благодати Его, я хочу как русская просить у моих польских братьев прощения за все страдания, которые претерпели они от России и русских”.

Я знал Ирину Алексеевну с 1987 г., она оказала огромное влияние на мое восприятие России. Она верила, что ее прародина станет наконец обычной страной — но не дождалась этого.

В том же 1987 г. я взял у нее интервью, которое через год было напечатано по-польски в краковском подпольном журнале “Арка”. Мне кажется, что высказанное моей собеседницей больше 20 лет назад заслуживает внимания и сегодня, когда в польско-российских отношениях обычно, к сожалению, слышны лишь затаенные угрозы с обеих сторон (в лучшем случае из России доносится только глухое молчание).

Ошиблась Ирина Алексеевна лишь в одном: она слишком оптимистически смотрела на будущее Русской Православной Церкви. Но как можно было угадать, что Церковь, прошедшая большевистские гонения, в XXI веке станет играть всё бóльшую политическую роль под прикрытием “симфонии” государства и религии, неосуществимой ни в России, ни где бы то ни было во всей Вселенной...

Гжегож Пшебинда

— Ирина Алексеевна, вы родились не в России и никогда там не были, тем не менее вас можно назвать русской эмигранткой...

— Да, я принадлежу ко второму поколению первой эмиграции — т.н. “первой волны”. Таких людей много, но, к сожалению, значительная их часть утратила родной язык. Почему? Дома они, правда, говорили по-русски, но не возрастали в родном языке. Многие мои ровесники вполне хорошо объясняются по-русски, чаще всего на бытовом уровне, но писать по-русски совершенно не в состоянии. И в конечном счете им легче говорить на языке той страны, где они живут... Мне же повезло: я родилась и росла в Югославии, куда мои родители бежали от большевистской чумы. Там я прожила 20 лет. Русская колония в Югославии оберегала родной язык и культуру. Я получила аттестат зрелости в русской школе. Это всё и привело к тому, что я до сих пор живу внутри русского языка.

— ...и русской культуры...

— Это уже был мой собственный выбор... Конечно, и тут я многое получила в наследство — от школы и семьи. Но потом,

когда я вышла замуж за итальянца, когда мы начали ездить и жить в разных странах, — тогда это уже был мой выбор. В каждой новой стране я познавала язык и культуру, без этого я не смогла бы там жить. Но русский язык и русская культура оставались для меня краеугольным камнем, фундаментом, на котором я строила свою жизнь русской эмигрантки.

— Ваш муж был итальянец. Вы так же красиво говорите по-итальянски, как и по-русски. Воспитанная в русской культуре, вы росли и в средиземноморскую. Воспитанная в православных традициях, вы считаете себя принадлежащей к католической Церкви.

— В итальянскую культуру и интеллектуальную жизнь я вошла очень быстро. Муж был родом из старой итальянской семьи, европеец в глубоком смысле этого слова. Наша любовь — а это была настоящая, большая любовь, — можно сказать, заставила меня, русскую, почувствовать себя в Италии как дома. Итальянский стал моим вторым языком, а в каком-то смысле стоит даже рядом с русским. Мой муж был дипломатом, мы вместе узнавали другие языки и страны, это происходило уже потом, постепенно... Но в Европу — через любимого человека — я вошла, в общем-то, одним прыжком...

С католической Церковью я сближалась постепенно, это шло очень долго и завершилось, когда в Рим прибыл Кароль Войтыла. Этот Папа сыграл в моей жизни огромную, решающую роль: благодаря ему я открыла глаза и увидела то, что во мне, вероятно, к тому времени уже созрело... В каком-то смысле он изменил мою жизнь... Мой муж был католиком, дети были крещены и воспитывались в католической Церкви, я с одинаковым почитанием ходила в православные и католические храмы, собственно не отдавая себе отчета в том, что уже больше принадлежу к католической Церкви, чем к православной... Но православие покинуть я не хотела — это была Церковь-мученица.

— Католичество и православие — два разных вероисповедания, но Церковь одна...

— Я никогда не ощущала какой-то действительно глубокой разницы между православной и римской Церковью. Чувствовала, что разрыв между ними произошел на политическом, а не на религиозном или духовном фоне. Лишь потом споры были перенесены в богословско-догматическую сферу. Быть может, богословы возмутятся, но для меня спор о filioque неважен. Как можно из-за таких неважных слов

анафемствовать брата?! Это прекрасно понимал Владимир Соловьев.

— Но не понимал Достоевский. Его “юродивый” князь Мышкин обвинял всю католическую Церковь в отступничестве! Соловьев же, среди русских несомненно самый открытый к Западу, отлично понимал, что православие и католичество — это две половинки христианства.

— Соловьев, тоже, кстати, богослов, видел, что к разделению Церквей привела политика, а не инаковерие.

— Сегодня дух экуменизма сильнее, чем в те времена. Но мне трудно себе представить, что ваша “католическая” деятельность среди русской эмиграции не наталкивается время от времени на сопротивление...

— У меня были трудности с некоторой частью нашей эмиграции. Видите, я потому и выбрала католическую Церковь, что православная в последнее время очень замыкается в себе. Я имею в виду Церковь в эмиграции — та, что на родине, кроме московской иерархии, гораздо более открыта. У нас, эмигрантов это идет от того, что, навсегда утратив отечество, люди утрачивают и ощущение собственной ценности. И тогда в них рождается идея превосходства православия над другими вероисповеданиями. Это заблуждение трудно извинить, ибо оно противостоит основе христианства, тому, чему учил нас Иисус Христос. А католическая Церковь как раз в два последних десятилетия широко открыла двери — в согласии с тем, что заповедал Христос... Когда кто-то обвиняет меня в том, что газета стала католической, я отвечаю, что это недоразумение: наша газета — христианская, открытая христианам всех вероисповеданий.

— А некоторые даже советовали назвать газету “Польская мысль”, потому что она много, чересчур много пишет о Польше.

— Было и такое. Называли нас и “Еврейской мыслью”, потому что действительно мы много писали о еврейской эмиграции из Советского Союза. Мы много пишем о католической Церкви, об учении и личности Иоанна Павла II. Но пишем и о Церкви на нашей родине, которая — если не говорить о крайнем примере вышеупомянутой московской иерархии — гораздо больше готова к примирению, чем эмигрантский православный мир. Мы постоянно пишем обо всех христианах, преследуемых за веру.

— В Польше “Русскую мысль” читают с большим интересом. Можно было бы сказать, что в своих добрых чувствах к Польше вы продолжаете традиции Герцена и Владимира Соловьева.

— Я рада, что поляки это замечают. Лозунг “За вашу и нашу свободу” ничуть не утратил своей актуальности. Польша — это, можно сказать, выбор нашей совести. У вас произошло нечто неслыханно важное, что помогает обрести веру в человечество. У меня самой, когда я думаю о Польше, рождается чувство благодарности. Когда я где-то, хоть на улице, слышу польскую речь, хочется подойти к говорящим, протянуть руку, сказать добрые слова. За мужество и благородство. Польша — как бы форпост, основа всей нашей деятельности.

— Во главе газеты вы стоите примерно с 1980 года. До этого вы работали с Александром Солженицыным — с тех пор, как он переехал из Швейцарии в Америку.

— Да, это был 1975 год. Как раз в то время, после четырех лет тяжелой болезни, скончался мой муж. У Солженицыных я уже несколько раз побывала в Швейцарии, и тут они предложили мне ехать вместе с ними в Америку.

— Вы прожили с ними несколько лет. В чем заключалась ваша работа?

— Когда мы приехали, Александр Исаевич начинал работу над “Красным колесом”. Вы знаете эту историю: то, что должно было быть романом, выросло до размеров эпопеи. Еще в молодости он мечтал написать эпопею о русской революции и ее корнях. Потом его жизнь пошла иными — известными — путями. Тогда он писал то, что надеялся напечатать в Советском Союзе. Тут он оказался хорошим стратегом, который, будучи знатоком военного искусства, умеет запланировать атаку на главного противника. Атаку на систему, на бесчеловечную, безбожную идеологию, на коммунистический атеизм. Прибавлю, что Солженицын сражался как писатель и христианин — не как политик. В этом суть его борьбы с системой. Иногда, однако, ему приписывают мысли, которых он никогда не высказывал, фантастические взгляды, которых у него никогда не было. Солженицын, повторю еще раз, — не политик, а христианский писатель.

— Потом была публикация “Архипелага ГУЛАГ” на Западе, и вскоре Солженицына изгнали из Советского Союза....

— Тут наступил период трудного привыкания к новой жизни на Западе. Когда Солженицын из Швейцарии уехал в Америку,

он наконец почувствовал, что где-то ему удалось создать свой дом. Хотя, разумеется, он всегда считал, что эмиграция — вещь временная, и всегда верил, что когда-то сумеет вернуться в Россию. Но теперь он невольно почувствовал, что вот он оказался в таком месте, где проживет какой-то важный и нескратимый период времени, что ему не придется все время куда-то ездить, скрываться и т.п. Помню, как он сказал на встрече с жителями городка, вблизи которого поселился: вы должны понять, что у меня впервые в жизни свой дом, впервые я могу разложить все свои бумаги, держать возле себя весь архив и всё, что пишу, — с первой до последней страницы. И не обязан прятать это по кусочкам в разных местах: здесь — три страницы, там — двадцать, чтобы КГБ всё не забрало.

— Вероятно, он получил возможность пользоваться богатыми американскими архивами?

— Разумеется. В СССР, ясное дело, подобных возможностей у него не было. В Америке он с большим энтузиазмом взялся за работу, изучил бесчисленное множество книг и материалов, просмотрел многие архивы. У Солженицына очень много материалов, которых никто не знает, потому что многие русские эмигранты — узнав, что он пишет эпопею о тех временах, — стали присылать ему свои семейные архивы, документы, письма, воспоминания, которые нигде раньше не публиковались, фотографии. Правду говоря, для такой огромной исторической работы, которую Солженицын до сих пор выполняет, нужен был бы целый институт. Но ему помогали лишь отдельные люди, в первую очередь его жена Наталия. Думаю, что мое знание нескольких западных языков было им в то время в помощь...

— Иногда можно услышать, что Солженицын — великодержавный националист?

— Это недоразумение вытекает из того, что люди не читают текстов самого писателя, а штудируют то, что напишет о нем тот или иной журналист. Солженицыну приписывали всяческую чушь, вырывая из контекста несколько его — а то и не его! — слов.

— Однако нет сомнения, что о Польше он высказал несколько таких мыслей, которые полякам трудно принять. О польско-советской войне 1920 года Солженицын сказал, что целью Пилсудского было “грабить и кромсать Россию в ее наиболее истерзанный момент”. Сегодня я слышу, что когда кто-то из поляков говорил с Солженицыным о переводе его статьи из сборника “Из-под глыб” (там он написал эти слова), то писатель

ответил, что хотел бы некоторые вещи пересмотреть. Не значит ли это, что Солженицын изменил свое отношение к русско-польской истории?

— Я думаю, что если говорить о Польше, то его взгляды с течением времени действительно переменились. Нельзя забывать, в каком положении находится человек в Советском Союзе, даже умный и ищущий. Его исторические знания всегда остаются ограниченными и неполными. Изоляция, отсутствие доступа к правдивой информации, идеологизация истории — все это оказывает влияние даже на самого умного человека. Не случалось ли вам встречать советских эмигрантов, которые, осуждая советскую систему, об истории говорили вещи, совершенно противоречащие действительности, притом с полной уверенностью, что говорят правду? Вчера я читала статью, которую мы будем печатать в “Русской мысли”. Но в ней автор, университетский профессор, серьезный литературовед, пишет, что в царской армии перед революцией весь офицерский корпус состоял из дворян! Его так учили, хотя каждый знает, что это неправда... Думаю, в некоторых вопросах Солженицын был недостаточно информирован, а кроме того всегда считал, что его дело — защищать Россию и всё русское. Россию, а не Советский Союз или Российскую империю! На Россию как на нацию хлынула вся эта раннекоммунистическая лавина, в первые годы наступление шло против всей русской культуры и традиций. Но теперь об этом забыли, и некоторые отождествляют Россию с Советским Союзом. Это-то Солженицыну особенно больно! За то, что он хочет доказать, что дело обстояло иначе, кое-кто называет его русским шовинистом. Но если читать том за томом “Красное колесо”, нетрудно заметить, что Солженицын и к русскому народу относится критически — так же сурово, как и ко всем остальным. Он не превозносит свой народ и не идеализирует, не изображает его святой и невинной жертвой, видит в нем безнравственность и порчу, то есть всё то плохое, что действительно было. Но видит и то, что русский народ стал первой жертвой этой революции, с чем некоторые никак не хотят согласиться. Зачастую — хотя бы потому, что Солженицына не читали... Те, кто прочитает, как я, скажут то же самое...

Что же касается Польши, то его взгляды несколько переменились. Начнем с того, что против независимости Польши Солженицын никогда не выступал. Польша — это Польша, суверенная и независимая, — иначе и быть не может. Пилсудского же писатель критикует за то, что его страх перед Россией или ненависть к ней (кстати говоря, вполне

объяснимая) затмили ему разум, так что он уже не сумел увидеть смертельную коммунистическую опасность. Солженицын считает, что Пилсудский допустил огромную ошибку, считая, что коммунизм всего лишь уничтожит империю и спасет Польшу, и не заметив, что на пепелище бывлой империи возникает “новое качество”, куда страшней прежнего. Так я понимаю осуждение Пилсудского у Солженицына.

— Нет сомнения, что Солженицын не имеет ничего общего с великодержавной имперской идеологией. Еще в письме к вождям Советского Союза (в самиздате вышедшем в начале 1974 г.) Солженицын советовал им предоставить народы Восточной Европы самим себе. В “Архипелаге” он говорит и о независимой Украине. Но как раз украинцы часто с недоверием смотрят на деятельность Солженицына...

— Независимость Украины для Солженицына не подлежит сомнению. Единственная его оговорка относится к тому, что история русского и украинского народов настолько сплетена, что нелегко бывает разделить... В своих статьях и выступлениях Солженицын не раз подчеркивал, что этот вопрос должен быть решен свободной волей народов-участников этой драмы: каждый должен сам сказать, как собирается строить свою будущую жизнь. Ну а когда речь идет о таких странах, как Польша, Финляндия, Венгрия, Чехословакия, прибалтийские республики (к прибалтам писатель питает особую любовь), — тут уже нет никаких оговорок...

— Вы однажды сказали, что эмиграция — состояние ненормальное. Я хотел бы спросить — не для того, чтобы бросить камнем в русскую эмиграцию, потому что в польской дела не лучше, — почему русская эмиграция так разделена. Идеологические споры ущерба не приносят — наоборот. Но ссоры, свары ничего хорошего эмиграции как целому не дают.

— К сожалению, вы правы. Это виднее всего на примере “третьей волны”. Эту эмиграцию трудно назвать русской — скорее советской. Ее можно разделить на две части. Более крупная — хочет построить новую жизнь на чужбине, найти покой и счастье. Они, вероятно, тоже ссорятся и спорят, но их ссоры носят личный, домашний характер, не так громки, а значит, и не так много значат. Но есть и политическая эмиграция, иногда по выбору, чаще — вынужденная. Есть люди, которые говорят: да, это правда, мне не хватило храбрости, я боялся лагеря и предпочел уехать. И как раз в этой части эмиграции происходят ссоры и столкновения, которые оказывают влияние на всю эмиграцию. Как вы сказали,

политические и идеологические споры — дело нормальное. Но печально, что эти споры часто приобретают некрасивые формы... Советское воспитание, жизнь в СССР, где брань стала бытовой нормой... Даже у нас в редакции... В основном мы живем в согласии, довольно спокойно. Но иногда я вижу, слышу какой-то спор. Раньше я удивлялась, теперь уже нет. Удивлял меня этот повышенный тон, бурные реакции и крепкие выражения. Будучи человеком, скажем так, старого закала, я воспринимала это с неудовольствием. Но потом вижу, что те же люди, которые так страшно — мне так казалось — друг друга оскорбляли, дружески разговаривают... Тогда я поняла, что происходит какая-то накладка в семантическом или лингвистическом плане. То, что для меня, западного человека, для англичанина или француза совершенно неприемлемо, у людей, приехавших оттуда, вполне естественно — даже норма. Когда вы читаете советские газеты — о чем они пишут и как, что им не нравится, — их стиль и выражения для нормального человека гротеск. Раньше за такое надо было бы объявить войну или хотя бы вызвать на поединок! Инфляция — инфляция слов, которые ничего не значат или значат гораздо меньше, чем им хочется... Думаю, что об этом элементе эмигрантских свар не стоит забывать.

— *Иногда говорят о русском эмигрантском гетто...*

— Это идет от незнания языка. К сожалению, в СССР языкам практически не учат — так удобней правителям. Мои родители, выехавшие в начале двадцатых, и их родители говорили по крайней мере на двух иностранных языках — это было нормой, а норма нашего времени — не знать ни слова ни на каком из иностранных языков! Да и русский язык заменили советским. Некоторые эмигранты — я таких знаю — не учат язык совершенно сознательно. Другие бы и хотели, да уже не могут: выехали на Запад немолодыми. Так возникает эмигрантское гетто, в котором всё разрастается до апокалиптических масштабов, даже самый мелкий спор... Дело обстояло бы иначе, если бы эти люди жили нормальной жизнью, в нормальном окружении, если бы, скажем, русская эмиграция в Париже интересовалась политическими проблемами, социальной или религиозной жизнью Франции. Но если взять установку: меня это не интересует, меня это не касается... Как будто можно отделить русские дела от общечеловеческих. Желаю польской эмиграции не брать в этом отношения примера с русской. К счастью, полякам легче: вы ближе к западной культуре, чем люди средней русской культуры. Я говорю “средней”, так как настоящая русская культура, культура высшего уровня, способна устоять перед

такого рода обобщениями. Но мы говорим о средней культуре, “арифметически” средней... Надеюсь, что у поляков не будет этого замыкания в жуткое гетто.

— *Если можно, вернемся к тому, что происходит в Советском Союзе. Все сейчас только и говорят о Горбачеве. И ваша газета об этом пишет, представляя определенный тип мышления, который здесь стоило бы сжато изложить и попытаться защитить.*

— Горбачев вынужден был принять какие-то меры, чтобы спасти свой режим. Я удивляюсь, что здесь, на Западе, лицом к лицу с фактами, никто не говорит о банкротстве коммунизма, идеологии разрушения и смерти. Шафаревич в своей книге о социализме показал, что социализм отражает дремлющий в человеке инстинкт самоубийства. Думаю, что советские вожди это поняли, то есть, конечно, Брежнев этого не знал и знать не хотел, Черненко, живой труп, ни о чем не имел понятия, Андропов... — не знаю, что он думал, лишком недолго был у власти. И вот явился Горбачев, по советским нормам молодой и энергичный, хочет остаться у власти как можно дольше и поэтому вынужден задуматься о будущем. Ибо даже если бы этому будущему предстояло продолжаться лет двадцать, он сознаёт, что за это время Советский Союз попросту рухнет. Страна, парализованная коммунизмом, где люди уже не знают, что значит работать... Мне говорили, что вначале Горбачев созвал всех главных советских экономистов, при Брежневе попавших в немилость. И на этом закрытом совещании Горбачев потребовал откровенного ответа о состоянии экономики страны. Может быть, это легенда. Но, как говорится, *se non e vero, e ben trovato*...

— *А его отношение к интеллигенции?*

— Пока я не вижу больших перемен. То, что бросается в глаза, — это изменение стиля советской печати. Начинают писать о многих проблемах, о которых раньше писать не разрешалось, газеты становятся всё смелее... Временами я вижу статьи, в которых звучат ноты правды. Это относится, разумеется, только к части прессы: рядовая советская газета или журнал продолжают помещать обычную советскую пропагандистскую жвачку и агрессивную ложь... Тем не менее там и сям возникают моменты истины, честные и откровенные тона — не правда ли?.. Это очень важная перемена. Другая реальная перемена, которую трудно не заметить, — процесс возникновения независимой общественной жизни. Перемены в тоне печати рекомендованы свыше — перемены на общественном уровне происходят по воле самой

общественности. Но они не входят в стиль политики Горбачева. Интеллигенции дали побольше свободы с определенной целью: чтобы она потянула за собой парализованные, апатичные народные массы, и этот процесс Горбачев хотел бы контролировать и держать в руках: спасти строй и сохранить власть, привилегии и прерогативы. Я не верю, что Горбачев действительно понимает проблемы Советского Союза и действительно хочет найти их решение. Ибо главная проблема СССР — советский строй, а действительное решение — изменение этого строя. Некоторые считают, что Горбачев дипломатичен, что он тайно стремится сменить строй, но это, конечно, сказки. Ему трудно строить прогнозы и определять тактику. Я знаю только одно: все мы должны помогать тем людям, которые стараются шире открыть дверь, приоткрытую Горбачевым, ибо сам он — вопреки распространенным заблуждениям — в нашей помощи вовсе не нуждается.

— В Книге Бытия нам поведано, что человек сотворен Богом по Его образу и подобию. Посылки коммунистической идеологии опираются на теорию инстинктов и рефлексов, используя то, что есть в человеке от низших существ. Но есть в человеке нечто такое — то, что идет от Создателя, — чего коммунизм преобразить не в состоянии. Несколько лет назад я прочел книгу Михаила Геллера “Машина и винтики”. Автор видит советское общество как хорошо работающую машину, которая состоит из отдельных винтиков — гомо советикусов. Картина, которую рисует Геллер, отражает стиль мышления, популярный во многих кругах эмиграции (и не только русской — польский перевод книги недавно вышел в “Библиотеке „Культуры””); корни ее лежат в механистических социальных концепциях, ведущих свое начало еще из эпохи Просвещения. Христианство такой картины не приемлет. С другой стороны, можно видеть, что Геллер преувеличивает даже тогда, когда остается в свете человеческой эмпирики и фактов. Советское общество — отнюдь не хорошо работающая машина. С этой стороны Геллера критиковал Анджей Дравич. Дискуссия, которая разгорелась в лондонском журнале “Пульс”, показывает, как жгучи эти вопросы, а ответ Геллера напомнил мне, к сожалению, по тону и способу аргументации статьи из “Правды” или “Трибуны людей”.

— Когда мы видим людей, которые только что вернулись из лагерей: Сергея Григорьянца, Льва Тимофеева, Александра Огородникова с его религиозным семинаром, — когда мы смотрим на многих других людей и их деятельность, то мы явственно замечаем это Божественное начало в человеке. Люди, которые прошли через этот ад, где их старались духовно и физически разрушить, продолжают идти своим путем... Это

действительно доказывает, что коммунистический эксперимент не удался. Я совершенно с вами согласна, что во многих людях по-прежнему живет это начало, полученное человеком от Бога. Коммунизм хочет это начало убить, но это не так-то легко. Когда это удастся — а это, к несчастью, случается, — тогда в человеке рождается то отчаяние, что ведет к самоубийству... Что же касается книги Геллера, то к ней легко отнестись несправедливо. Геллер — человек неверующий или, по крайней мере, считает себя таковым. И это определяет стиль его мышления. Но эту книгу, мне кажется, мог бы написать и верующий. Геллер показал, рассказал и анализировал то, что коммунизм стремится сделать с человеком, но что удалось ему не до конца.

— И все-таки он пишет, что коммунизм достиг поставленной цели...

— Если читать его книгу как целое, такое впечатление, возможно, иногда возникает. Однако помните ли вы самый ее конец, последние слова... — как раз там Геллер говорит, что будущее всего человечества зависит от того, удастся ли коммунизму превратить человека в тот самый винтик. Эти слова меня глубоко тронули, потому что их мог бы написать и религиозный человек. Геллер иногда сознательно отбрасывает религиозный момент, и тогда его выводы оказываются неполными. Но думаю, что в его работе представлена самая суть проблемы. Над тем, что коммунизм жаждет изменить человеческую природу, задумывались редко. А Геллер — казалось бы, человек неверующий — заговорил о том, что коммунизм предпринял попытку деформирования человеческой природы, той самой, что сотворена по образу и подобию Божию... Быть может, за отсутствием религиозной точки зрения Геллер не пошел дальше и не решил вопрос до конца, но основа, я бы сказала, стержень его книги верен.

— Как вы тогда оцениваете спор Дравича с Геллером?

— Должна признаться, что за самим спором я не следила, знаю только, что эта полемика произошла... Но знаю, что Геллер обиделся на статью Дравича, а обиженные часто реагируют резко.

— Дравич в последние годы сделал очень много, чтобы преодолеть в Польше стереотип русского...

— Заслуги Дравича велики, я всегда относилась к нему с уважением и симпатией. Но сейчас, мне кажется, в том, что относится к Советскому Союзу, Дравич настроен слишком

оптимистически. Мне кажется, что он приписывает Горбачеву больше, чем следовало бы. Он видит в нем человека, который ищет позитивных решений, во что я решительно не верю. На мой взгляд, Дравич приписывает Горбачеву те заслуги, которые следует приписать гражданскому обществу в Советском Союзе. Мы узнаём теперь, что все кинофильмы, которые сейчас выходят и о которых так шумят (ставя это в заслугу Горбачеву), были сняты много лет назад, а заслуга нынешней власти — только в том, что их сняли с полки. Это значит, что наши режиссеры, актеры и сценаристы так чувствовали и мыслили еще десять лет назад. Вчера я читала статью о неформальных объединениях, которые у нас на глазах множатся сейчас в СССР. Автор, хорошо знающий положение дел, пишет, что многие подобные кружки тайно собирались еще в 1976 году. Хочу сказать, что это общество, при всех его недостатках, стремилось и стремится к большей свободе, хочет отбросить идеологические схемы и жить по совести. Мне кажется, что Дравич в какой-то степени смешивает эти два аспекта: то, что делают люди, и то, что делает власть. Весьма характерно, что уже десятки лет историки, занимающиеся Советским Союзом, привыкли думать, будто СССР — это только власть. И всё. Как будто нет людей, как будто там существует только политбюро, ЦК и номенклатура.

— А у меня как раз при чтении книги Геллера было впечатление, что он и забыл о личности... На некоторые советские дела я смотрю не так, как Дравич. Однако, читая его тексты, я нахожу в них больше информации о людях, чем о Горбачеве... Ирина Алексеевна, а как вы видите дальнейший ход событий в России?

— Я уверена, что процесс внутреннего освобождения будет продолжаться и приведет к освобождению в полном смысле слова, к освобождению от кошмара бесчеловечной утопии. Этот процесс начался теперь в Советском Союзе. В других условиях [чем в Польше], может быть, с бóльшим трудом, но тем не менее — начался. Поэтому я придаю такое значение тому, чтобы мы узнавали друг друга. Это смысл моей работы, и похоже, что вместе мы могли бы многого достичь. Журнал “Арка” я хочу особенно поблагодарить за интерес к русским делам.

Беседа была записана на магнитофон по-русски в Париже в редакции “Русской мысли”, в сентябре 1987 года. По разным причинам текст не мог быть подготовлен к печати быстро. Авторизуя интервью в сентябре 1988 г., Ирина Алексеевна сделала к нему следующее дополнение:

К нашей — уже довольно давней — беседе хочу добавить только одно. В остальном, мне кажется, наша дискуссия не потеряла актуальности — по крайней мере не настолько, чтобы менять сказанное тогда.

А сказать я хочу несколько слов о Папе Иоанне Павле II. Как мы знаем, 1988 год — год тысячелетия Крещения Руси. Как русская родом и человек русской культуры хочу выразить глубокую благодарность Иоанну Павлу II за всё, что он сделал, чтобы обратить внимание христиан на Западе на судьбу их братьев в СССР, чтобы превратить этот юбилей в событие всемирного масштаба, чтобы эта годовщина положила начало новой, второй евангелизации России. И за то, что он протянул руку в знак примирения, взаимного прощения, в знак единства, пусть даже в будущие времена, но в сердцах многих — уже сегодня.

В течение последнего года Папа больше, чем когда бы то ни было, проявил свое необычайное умение видеть в каждом народе, в каждой группе людей — отдельного человека, личность. Особое понимание и великодушие он проявил по отношению к русским: его вдохновенную любовь к человеку мы видим во всех его посланиях, обращенных к русским и украинцам. Указанием и уроком Господним представляется мне тот факт, что этот человек, показывающий нам путь Христов, — поляк. Всё чаще вспоминаю, как однажды в Лондоне Александр Солженицын сказал, что Иоанн Павел II всегда прав, потому что перед собой и превыше всего видит Христа. Надо сделать всё, чтобы люди в России узнали личность и учение этого Папы, всем нам посланного Богом. То, что такой человек был дан миру, — для нас источник силы и мужества.

Печатается в обратном переводе с польского.